

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 7

3 • 2025

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included: in Scopus base (since 2025); in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-66-20

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» индексируется в Scopus (с 2025 г.); включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Тел: 8-495-250-66-20; электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezburodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и изатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (заместитель главного редактора)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российской Федерации

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российской Федерации

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российской Федерации

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российской Федерации

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российской Федерации

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (ответственный секретарь)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Д.А. Прохоров

- Деятельность таможенных учреждений Таврической губернии по борьбе с контрабандой во второй половине XIX – начале XX в. (по архивным материалам Государственного архива Республики Крым) 12

А.Ю. Бахтурин

- «...Лишь бы петербургские политики мне не мешали»: генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Н.И. Бобриков между официальным Петербургом и финляндскими учреждениями 27

Э.В. Клоос

- Памяти Ленина: конкурсные проекты советских граждан на постройку памятника 39

А.Б. Безбородов

- Официальный дискурс советской истории: 1920-е – первая половина 1980-х гг. 54

Всеобщая история

О.В. Сидорович

- Генеалогия и история в римской Республике 68

С.А. Филин

- Антиколониальные восстания в германских колониях Африки 90

Е.Н. Якутина

- Рекламные и пропагандистские институты в фашистской Италии: версии взаимодействия 102

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

А.К. Лагунов

- Источники о военной деятельности участника Белого движения на Востоке России Б.П. Резухина до периода Гражданской войны 116

История культуры в документальном наследии

О.В. Селезнева

- Газета «Архивные ведомости»
как элемент коммуникационной стратегии
свердловских архивов 134

Персональная история

С.С. Войтиков

- Григорий Матвеевич Орешкин –
невольный виновник ареста левоэсеровской фракции
V Всероссийского съезда Советов 146

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

Г.А. Двоеносова

- Документоведение как наука:
понятие, структура, методология, знание 158

Т.Д. Гернович

- Архивист и хранитель памяти:
наследие Владимира Николаевича Нечаева (1874–1941 гг.)
в контексте истории архивного дела 171

З.Г. Тодорашко

- Организация архивного дела Приднестровской
Молдавской Республики на современном этапе:
проблемы становления и развития 184

В фондах отечественных и зарубежных архивов

С.А. Кочуков, О.В. Кочукова

- Плакаты и лозунги Великой Отечественной войны
в фондах Государственного архива Саратовской области 195

И.М. Перминов

- Историко-документальное наследие
в фондах Российского государственного военного архива 210

В.Г. Иофе

- О кинофотофонодокументах в архивах Узбекистана 221

CONTENTS

Russian History

D. Prokhorov

- Activities of the customs agencies of the Taurida province to combat smuggling in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on archival materials) 12

A. Bakhturina

- “...As long as Saint Petersburg politicians do not interfere with me”: Governor-General of the Grand Duchy of Finland N.I. Bobrikov between the official institutions of Saint Petersburg and Finland 27

E. Kloos

- In memory of Lenin. Competition projects of Soviet citizens for the construction of a monument 39

A. Bezburodov

- Official discourse of Soviet history. The 1920s – the first half of the 1980s 54

World History

O. Sidorovich

- Genealogy and history during the Roman Republic 68

S. Filin

- Anti-colonial uprisings in the German colonies of Africa 90

E. Yakutina

- Advertising and propaganda institutions in fascist Italy. Versions of interaction 102

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

A. Lagunov

- Sources on the military activities of B.P. Rezukhin, the participant of the White Movement in the East of Russia, before the Civil War 116

History of Culture in Documentary Heritage

O. Selezneva

- The newspaper “Arkhivnye Vedomosti” as an element
of the communication strategy of the Sverdlovsk region archives 134

Personal Histories

S. Voytikov

- Gregory Oreshkin – an unwitting perpetrator
of the arrest of the Left Socialist-Revolutionary Faction
of the 5th All-Russian Congress of Soviets 146

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

G. Dvoenosova

- Documentation management as a field of study.
Concept, structure, methodology, knowledge 158

T. Hiarnovich

- Archivist and the guardian of memory.
The legacy of Vladimir Nechaev (1874–1941)
in the context of the history of archival studies 171

Z. Todorashko

- Organizing archives administration
of the Pridnestrovian (Transnistrian) Moldavian Republic
at the present stage. Issues of formation and development 184

In the Funds of Russian and Foreign Archives

S. Kochukov, O. Kochukovaa

- Posters and slogans of the Great Patriotic War
in the funds of the State Archives of the Saratov region 195

I. Perminov

- Historical and documentary legacy in the holdings
of the Russian State Military Archives 210

V. Iofe

- Film, photo and audio documents in the archives of Uzbekistan 221

Отечественная история

УДК 339.543

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-12-26

Деятельность таможенных учреждений Таврической губернии по борьбе с контрабандой во второй половине XIX – начале XX в. (по архивным материалам Государственного архива Республики Крым)

Дмитрий А. Прохоров

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия, prohorov1da@yandex.ru*

Аннотация. Государственная таможенная политика направлена на обеспечение экономического роста, а деятельность таможенных структур РФ приобретает особую актуальность в условиях «санкционного» давления со стороны ряда антироссийских настроенных государств-членов мирового сообщества. Крымский полуостров на протяжении нескольких столетий был и остается стратегически важным регионом на южных границах России, точкой пересечения экономических и торговых интересов европейских и ближневосточных стран. Научная реконструкция истории существования и деятельности таможенных учреждений в Крыму позволяет получить представление об их функциях, специфике организации и направлениях работы. Тематические фонды Государственного архива Республики Крым, содержащие материалы по истории становления и развития таможен и таможенного дела в Таврической губернии, практически не востребованы в научной среде и малоизучены, а многие отложившиеся в них документы ранее не вводились в научный оборот. В предлагаемой статье на основе архивных документов проанализированы мероприятия таможенных учреждений Таврической губернии, направленные на борьбу с контрабандой, по недопущению запрещенных ко ввозу товаров на территорию Российской империи. Также дана оценка эффективности борьбы таможенных служащих с контрабандистами.

Ключевые слова: Российская империя, Таврическая губерния, таможенная политика, таможенные учреждения, борьба с контрабандой, экспортно-импортные операции

© Прохоров Д.А., 2025

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.;
принята к публикации 19 мая 2025 г.

Для цитирования: Прохоров Д.А. Деятельность таможенных учреждений Таврической губернии по борьбе с контрабандой во второй половине XIX – начале XX в. (по архивным материалам Государственного архива Республики Крым) // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 12–26. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-12-26

Activities of the customs agencies
of the Taurida province
to combat smuggling in the second half
of the 19th – early 20th centuries
(based on archival materials)

Dmitrii A. Prokhorov

*Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia, prohorov1da@yandex.ru*

Abstract. The state customs policy of Russia aims at promoting economic growth, and the activities of its customs agencies have become increasingly important in light of the “sanctions” imposed by several anti-Russian member states of the world community. For centuries, the Crimean peninsula has been and remains a strategically significant region across Russia’s southern borders, serving as a point of convergence for the economic and commercial interests of the European and Middle Eastern nations. The scientific reconstruction of the history of the existence and activities of customs agencies in Crimea provides insight into their functions, the specifics of their organizational structure, and areas of operation. The thematic collections of the State Archives of the Republic of Crimea, which keep materials on the history of the establishment and development of the customs services in the Taurida province, are not in demand within the scientific community and have been poorly studied. Many documents deposited in those collections have not yet been introduced into the scientific discourse. The article, based on archival materials, analyzes the activities of the Taurida province customs agencies aimed at preventing smuggling and the entry of prohibited goods into the territory of the Russian Empire. There is also an assessment for the effectiveness of customs officials’ efforts to combat smugglers.

Keywords: Russian Empire, Taurida province, customs policy, customs agencies, fight against smuggling, export-import operations

The article was submitted for publication 18.02.2025;
accepted for publication 19.05.2025.

For citation: Prokhorov, D.A. (2025), “Activities of the customs agencies of the Taurida province to combat smuggling in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on archival materials)”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 12–26, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-12-26

Введение

История таможенного дела и таможенных учреждений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. – одно из активно разрабатываемых направлений, находящихся в сфере интересов отечественных и зарубежных специалистов. Изданы труды общего и специального характера по данной проблематике [Борщик 2017; Беляева, Шабельникова 2018; Доржиев 2024; Курас 2012; Прудникова 2016; Синиченко, Токарева 2020; Latawiec 2019]. Определенный вклад в изучение темы внесла группа авторов, проанализировавших историю деятельности крымских таможен в конце XVIII – второй половине XIX в. [Borshchik, Latysheva, Prokhorov 2018; Прохоров 2024; Прохоров, Борщик 2024]. Вместе с тем целый ряд вопросов, связанных с историей деятельности таможен Таврической губернии (в частности, этапы формирования кадрового состава, административная коммуникация, объемы экспортно-импортных операций и пр.), по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей.

Одним из основных направлений работы таможенных учреждений Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX в. стала борьба с контрабандой, так как Крымский полуостров являлся не только ключевым военным форпостом на южных границах России, но и одновременно точкой притяжения торговых интересов многих европейских и ближневосточных держав. Пресечение ввоза контрабандных товаров через портовые таможни Черного и Азовского морей стало приоритетной задачей, стоявшей перед таможенными службами Юга Российской империи.

Цель предлагаемой статьи – анализ мероприятий, проводившихся сотрудниками таможенных учреждений Таврической губернии по борьбе с контрабандой и недопущению её на территорию Российской империи, а также эффективность борьбы с контрабандистами.

В фондах Государственного архива Республики Крым (ГА РК) досоветского периода имеется несколько десятков дел, в которых отложились материалы по исследуемому вопросу. Прежде всего, это тематические фонды таможенных учреждений: Евпаторийской таможни (ф. 369), Феодосийской таможни (ф. 221), Ялтинской таможни (ф. 220), а также ряд других. Выявленные в ходе работы над

публикацией документы отличаются высоким информационным потенциалом, при этом многие из них вводятся в научный оборот впервые.

*«Через таможни товары
водворяются незаконным образом купцами, шкиперами,
матросами, пассажирами и прочими лицами...»*

Борьба с контрабандой, контрабандистами и фальшивомонетчиками стала одной из ключевых задач в работе таможен Российской империи в целом, и Таврической губернии в частности. Так, в циркуляре по таможенному ведомству от 24 мая 1872 г. служащим таможен предписывалось: при обнаружении во время проведения досмотра подозрительных иностранных товаров необходимо удостовериться в том, имеются ли на них установленные пломбы и клейма. Это требование появилось вследствие того, что в делах о контрабандных товарах протоколы должностных лиц о задержаниях и обысках не должны были включать формулировки, подтверждающие нарушения Таможенного устава, так как отсутствие на товарах упомянутых знаков само по себе не могло служить доказательством их нелегитимного ввоза. Для определения товаров, имевших признаки контрабандных, таможенникам необходимо было сначала удостовериться, что не имевшие пломб и клейм товары действительно иностранного происхождения. Протоколы таможни о задержании товаров, не имевших соответствующие пломбы и клейма, предъявленные мировому судье или судебному следователю вместе с другими, относившимися к делу документами, считались достаточным основанием для возбуждения судебного производства. Департамент внешней торговли также обязал начальников таможенных округов в целях защиты интересов казны на предварительном следствии и на суде в качестве поверенных по значительным контрабандным делам назначать опытных таможенных чиновников. Помимо этого, Департамент предписал таможням вести именные списки всех лиц, обвиняемых в нарушении таможенных постановлений и подвергнутых ранее денежным штрафам (такой список составлялся по книгам всех таможенных учреждений, начиная с 1863 г., и издавался за каждое истекшее полугодие). При этом виновные, задержанные при попытке провоза контрабанды через российскую границу во второй и третий раз, подвергались «усиленным наказаниям»¹.

¹ Сборник распоряжений по таможенному ведомству по пропуску товаров и отчетности таможен: за 1870–1880 гг. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1881. С. 18, 41–42, 67.

При рассмотрении дел о тайном провозе товаров руководство Департамента таможенных сборов пришло к выводу, что нередко для установления факта провоза контрабанды следует произвести дознание не только в месте задержания товара, но и, при необходимости, продолжить его в другом таможенном округе. А поскольку бюрократическая переписка между начальниками таможенных округов, равно как и ожидание от самого Департамента разрешения на ведение следствия существенно замедляли производство дела (что в немалой степени способствовало скрытию следов тайного провоза и неправильных действий должностных лиц), то сотрудниками ведомства было принято еще одно важное решение. Производство дознания по контрабандным делам не должно ограничиваться местом задержания товаров, и поэтому на начальников таможенных округов возлагалась обязанность выяснить, где и как именно контрабандные товары пересекли российскую границу, а также кем, или при участии кого они были пропущены (включая чинов таможни или пограничной стражи другого таможенного округа), «для поступления с виновными по строгости законов»².

За провоз контрабандных товаров, задержанных вне пограничной черты, с хозяев этих товаров или же с лиц, уличенных в контрабанде, взыскивались: за беспошлинные товары, которые не подлежали конфискации – 10% от их стоимости; за товары, облагавшиеся пошлиной, помимо конфискации самих товаров – штраф в пятикратном размере (на всей территории Российской империи, кроме Царства Польского, где был установлен двойной размер штрафа). Кроме того, за запрещенные к провозу товары, помимо их конфискации, взыскивалась двойная цена, за какую эти товары будут проданы с публичного торга. Причем специально оговаривалось, что «ни старость лет, ниувечье не освобождают провозителей контрабанды от падающего на них денежного взыскания и от последствий онного»³. В том случае, если при тайном провозе товаров сотрудникам таможни или чинам пограничной стражи было оказано сопротивление (отягчающим обстоятельством мог стать вооруженный отпор, совершенный группой лиц), то виновные в контрабанде подвергались наказаниям в соответствии со ст. 296–299 и 301–304 «Уложения о наказаниях», где подобное

² Там же. С. 69–70.

³ Руководство для изучения таможенного дела, заключающее систематическое изложение таможенных обрядностей и порядков со всеми разъяснениями и дополнениями, последовавшими до 1 июня 1883 г., а также таможенный тариф с применениями товаров / сост. бухгалтер Одес. гл. складоч. таможни Ф.К. Делла-Вос. Одесса: Тип. «Труд» В. Семенова, 1883. С. 90–91.

действие квалифицировалась как «восстание против властей» (нарушителям закона грозила ссылка в Сибирь; отбывание наказания в исправительной арестантской роте сроком от двух до шести лет; принуждение к трудовому работному дому от одного года до двух лет, и т. п.)⁴.

В 1874 г. циркуляром Феодосийской портовой таможни предписывались новые правила досмотра товаров канцелярскими служителями, которые должны были проводиться совместно с служащими таможенной службы, с последующим наложением на товары пошлин⁵. А в должностной инструкции о порядке производства обысков и конфискации контрабандных товаров, разосланной в таможни, регламентировался порядок действий таможенных служащих в подобных ситуациях⁶. В циркуляре Департамента таможенных сборов № 6733 от 12 апреля 1878 г., разосланном начальникам таможенных округов, излагались правила по взаимодействию с чинами других ведомств. В частности речь шла о том, что преследование контрабандистов и задержание контрабанды в пределах 7 верст от границы входит в обязанности чинов пограничной стражи, при этом представители других ведомств, не принадлежавших к Департаменту внешней торговли, должны оказывать пограничной страже по ее требованию содействие и помочь в задержании контрабандистов и контрабандных товаров (с уточнением, если это не препятствует исполнению их прямых служебных обязанностей). Один из пунктов циркуляра № 6733 гласил, что при случайном обнаружении контрабанды, или же при встрече с контрабандистами, когда служащие других ведомств будут лишены возможности сообщить о произошедшем инциденте пограничной страже, они не освобождаются от обязанности преследовать и задерживать как самих контрабандистов, так и контрабандные товары⁷.

Наиболее острым оставался вопрос контрабандного ввоза в Россию алкогольных напитков и спиртосодержащих жидкостей. В ноябре 1882 г. по инициативе Департамента таможенных сборов была сформирована комиссия из его представителей и чиновников Акцизного управления. Эту комиссию возглавил вице-директор Департамента таможенных сборов коллежский советник

⁴ Там же. С. 91; Свод законов Российской империи. Т. 6: Уставы таможенные, 1857–1868. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. С. 319–320.

⁵ Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 543. Л. 34–37.

⁶ Там же. Д. 591. Л. 1–10.

⁷ Сборник распоряжений по таможенному ведомству по пропуску товаров и отчетности таможен: за 1870–1880 гг. С. 174–175.

Н.П. Забугин. Целью работы комиссии стало обсуждение необходимости предотвращения «тайного водворения из-за границы спиртных напитков»⁸. В числе рекомендательных мер, выработанных членами этой комиссии, были следующие: 1) меры предупредительные (они касались предотвращения тайного «водворения питей» в России путем получения агентурных сведений); 2) меры охранительные, подразумевающие усиление надзора со стороны пограничной и корчемной стражи за чертой границы и за местами выделки, хранения и продажи питей, а также к урегулированию взаимных отношений в деле преследования контрабандных спиртных напитков между таможенным и акцизным ведомствами; 3) меры конфискационно-карательные, а именно: уничтожение конфискованных контрабандных напитков, или обязательный вывоз их покупателями за границу; выдача лицам, задержавшим контрабандный товар, всей суммы штрафа и стоимости задержанных контрабандных напитков; увеличение размера денежного взыскания «за тайное водворение контрабандных питей» вплоть до заключения виновных в тюрьму или смирительный дом; установление для рецидивистов особого усиленного наказания и прочие меры⁹.

В адрес управляющих портовыми таможнями регулярно направлялись циркуляры с детальным описанием фальшивых кредитных билетов для последующего их обнаружения и изъятия¹⁰; распоряжения о задержании предметов, имеющих признаки политической пропаганды¹¹; о «наблюдении за тайным водворением <привозимых> из-за границы книг и о проверке тары провозимого кофе в бочках»¹². Так, например, в документах, присланных в Ялтинскую таможню, приводилось подробное описание способов подделки бандеролей с чаем и другими товарами¹³. В 1850–1870-х гг. в Евпаторийскую таможню доставили секретные сведения о попытке провоза через границу прокламаций, направленных против российского правительства¹⁴; распоряжения о недопущении провоза в Россию из-за границы игральных карт (штраф за их провоз составлял 15 руб. с каждой провезенной дюжины)¹⁵, оружия, военной амуниции, прочих контрабандных товаров, а также информацию

⁸ Труды Комиссии по изысканию мер против контрабанды питей.

Ч. 1. / Департамент таможенных сборов. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. С. I.

⁹ Там же. С. V–XIV.

¹⁰ ГА РК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–5.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 1–15.

¹² Там же. Д. 43. Л. 1–13.

¹³ Там же. Д. 62. Л. 1–96.

¹⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 421. Л. 1–53.

¹⁵ Руководство для изучения таможенного дела... С. 90.

о лицах, подделывавших кредитные билеты¹⁶. Приказами Департамента таможенных сборов и начальника Феодосийского таможенного округа запрещалась к провозу через Феодосийскую и другие таможни продукция, изготовленная из свиного мяса (1873); запрет налагался на ввоз из-за границы в товарном виде старого платья (1879), а также растений «ввиду занесения вредных насекомых для винограда» (1880), виноградных лоз, чубуков (1881), что было вызвано появлением в 1880 г. на крымских виноградниках филлоксеры¹⁷, и пр. А в 1883 г. поступил сигнал о попытке ввоза контрабандой из Швейцарии социалистических прокламаций, замаскированных в консервные банки из-под молока¹⁸.

Всевозможные ухищрения, которые использовали контрабандисты при тайном провозе товаров, были хорошо известны Департаменту таможенных сборов, где все подобные случаи тщательно фиксировались, систематизировались и затем циркулярно рассыпались в таможни в виде различных инструкций¹⁹. Так, в одной из них сообщалось, что некоторые недобросовестные купцы, уклонявшиеся от уплаты пошлин за товары, прятали их между другими товарами, предъявленными к таможенному досмотру, и поэтому таможенные чиновники не всегда могли их заметить. Либо же облагавшиеся пошлиной товары купцы выдавали за другие, за которые пошлина не назначалась. Например, для утаивания высокопошлинных товаров использовались ящики и бочки с двойными стенками и дном; стеклянная, каменная (глиняная) и прочая непрозрачная посуда, а также бочки и жестянки, предназначенные к привозу беспошлинных или низкопошлинных товаров. В частности, для контрабандного провоза тара наполнялись жидкостями, облагавшимися высокой пошлиной – эти сосуды запечатывались, и для лучшей маскировки злоумышленники обливали их снаружи жидкостями с невысокой пошлинной оценкой (например, в клейменных бутылках, предназначенных для минеральных вод, провозились спиртные напитки).

Различные мануфактурные и прочие товары прятали в бочках с цементом, с орехами, со свежими фруктами, с маслом и т. п. Золотые и серебряные изделия скрывали внутри бочек со сливочным маслом и смолой, где они помещались в жестяных ящиках, прибитых к стенкам бочек по обеим сторонам втулки. Золото и серебро

¹⁶ ГА РК. Д. 428. Л. 1–5; Д. 429. Л. 1–7; Д. 447. Л. 1–10; Д. 454. Л. 1–103; Д. 461. Л. 1–73.

¹⁷ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 518. Л. 27; Д. 557. Л. 5; Д. 560. Л. 34–37; Д. 561. Л. 1–40.

¹⁸ Там же. Д. 572. Л. 1–24.

¹⁹ Там же. Д. 104. Л. 1–32.

пытались утаить и в музыкальных инструментах, в тайниках, сделанных в мебели. В бочках с орехами досмотрщики обнаруживали коробки с конфетами и другим малогабаритным товаром. В бочках с какао находили чай, а между паками сырых соленых кож – куски материй, мануфактуру и пр. В ящиках с печатными книгами и рисунками, которые препровождались таможенниками в Цензурный комитет, неоднократно выявляли табачные изделия, сигары, незадекларированную бумагу, альбомы, готовые переплеты для книг, листовое золото и пр. Что касается зеркал, то контрабандисты плотно накладывали их одно на другое, вставляли в одну и ту же раму, и предъявляли к досмотру как одно зеркало. Однако чаще всего пытались провезти фальшивые кредитные билеты: таможенные досмотрщики обнаруживали их плотно свернутыми в палочках, имевших вид карандашей, или же заклеенными в переплеты книг, а также в стопах писчей бумаги между прессованными листами и т. п. При выгрузке больших партий объявленного однородного товара в таможенные пакгаузы, упаковки с контрабандной намеренно укладывались в задние ряды или в нижние ярусы, причем делалось это таким образом, что проведение досмотра становилось довольно затруднительным, и поэтому подобные места тщательно не досматривались. Иностранные шкиперы, матросы, пароходная прислуга и прочие лица, прибывшие морским путем в российские порты, скрывали контрабандные товары в разных местах пароходов и судов (в двойных стенках обшивки, между шпангоутами, в двойных стенках матросских коеч, в балласте, дровах, каменном угле и пр.), или же прятали непосредственно на себе (мелкие вещи проносили в карманах, сапогах, под бельем, за подкладкой одежды)²⁰. Таким образом, таможенникам удавалось пресекать далеко не все попытки контрабандного ввоза товаров.

В конце XIX в. по попыткам контрабандного ввоза в Россию по таможням в целом лидировали: чай (29% от общей стоимости обнаруженных товаров), табак, спирт, сахар, опий, часы, кораллы, ножи, нитки швейные на катушках, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные изделия, полотна, туль, кружева, белье и платье, золотые и серебряные изделия, пуговицы, кредитные билеты, домашний скот, перевозочные средства²¹. В частности в 1877 г. во всех таможнях Феодосийского таможенного округа было изъято товаров

²⁰ Сборник ухищрений и уловок, употребляемых контрабандистами, пассажирами и прочими лицами при незаконном водворении товаров в пределы России. СПб.: Тип. Майкова, 1872. С. 14–36.

²¹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год: Изд. Департамента таможенных сборов. СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1897. С. 87. Табл. 19. С. 4–5.

на сумму 621 руб., в 1881 г. уже по Крымскому таможенному округу – на сумму 253 руб.²² В 1897 г. в таможнях Южного таможенного округа всего было зафиксировано 89 попыток провоза контрабандных товаров (на сумму 1877 руб.), при этом на Севастопольскую таможню пришлось 6 эпизодов (на сумму 294 руб.), на Евпаторийскую – 2 (1 руб.), на Ялтинскую – 9 (216 руб.), на Феодосийскую – 5 (151 руб.). Наибольшее число попыток провоза контрабанды было предотвращено в Одесской таможне – 47 (915 руб.)²³.

Управляющие портовыми таможнями Таврической губернии документировали все мероприятия по борьбе с незаконным провозом товаров, проводившиеся подчиненными, составляя списки запрещенной ко ввозу продукции. Велся учет попыток контрабанды таможенными учреждениями, расположеннымными на Южном берегу Крыма, ставшим во второй половине XIX в. одним из привлекательных в курортном отношении регионов империи. Увеличение числа российских подданных, прибывавших сюда на отдых, вызвало активное развитие всей курортной инфраструктуры, и, как следствие, привело к увеличению объема торговых операций и росту контрабанды. Так, в 1892 г. таможенный досмотрщик Ялтинской таможни С. Федоров произвел задержание на территории ялтинского мола турецкоподданного Шукри Халифа Семела оглу с последующим изъятием у него турецких фесок²⁴. В 1897 г. сообщалось о «высылке, сделанной управляющим таможней Михайловым в магазине г. Ялты Бабы Саметова», заподозренном в торговле контрабандными товарами²⁵. Тогда же, в 1897 г., управляющий таможней А.М. Михайлов и чиновник для поручений Сахаров изъяли в ялтинских магазинах Д. Кирьякова, Н. Кандинского, Н. Логвинова, Н. Чайрова, Берикова и Белокурова несколько партий чая, поступивших в розничную продажу в обход таможни²⁶. А стражник Алуштинского отряда пограничной стражи П. Боровинов задержал турецкоподданного Мехмеда Мустафу Хатибаоглу и изъял у него товар по подозрению в контрабанде²⁷.

²² Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. СПб.: Тип. К. Киршбаума, 1878. С. 466; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1881 год. СПб.: Тип. К. Киршбаума, 1882. С. 467.

²³ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год... Табл. 19. С. 2–3.

²⁴ ГАРК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–25.

²⁵ Там же. Д. 68. Л. 1–6.

²⁶ Там же. Д. 71. Л. 1; Д. 76. Л. 1; Д. 77. Л. 1–5; Д. 78. Л. 1–5; Д. 79. Л. 1–8; Д. 80. Л. 1–7.

²⁷ Там же. Д. 72. Л. 1–10.

Алуштинский отряд пограничной стражи также задержал контрабандные мешки с чулками у турецкоподданных Байрама Ибрагима-оглу, Арифа Мамыша и Ризы Мамыша Байрама Киозеоглу. В Ялте, в магазине турецкоподданного З. Алиева, обнаружили и изъяли персидский ковер без таможенной пломбы²⁸. Управляющий Ялтинской таможней А.М. Михайлов лично произвел выемку товаров (около 60 наименований) в магазине купца И. Лотарева; конфисковал с корабельным смотрителем, коллежским смотрителем Д.К. Мильским при досмотре судна объявленные к провозу товары, принадлежавшие купцу В. Агапышеву²⁹.

В 1899 г. начальник Гурзуфского поста Ялтинского отряда 2-го Отдела Крымской бригады пограничной стражи унтер-офицер Д. Бабутов обнаружил контрабандные товары у турецкоподданного Мевлюда Ибрагима-оглу³⁰. Кроме того, корабельному смотрителю Д.К. Мильскому пришлось производить выемку незаконно провезенных товаров из лавок бахчисарайских купцов Аджи Абдул Джемиля Самедин Бадраклыоглу, Сеит Асана Аджи Умероглу и Аджи Ягы Исаилаоглу³¹. В 1900 г. в Ялте, на Старом Базаре, околоточным надзирателем 2-го ялтинского полицейского участка Н. Данилевским был задержан крестьянин П.З. Бирюков, продававший там незадекларированный в таможне товар³². Там же, на Старом Базаре, в кофейной лавке турецкоподданного О. Кеворкова управляющий Ялтинской таможней коллежский асессор И.Ф. Малюга, корабельный смотритель Д.К. Мильский и пристав Гвоздевич изъяли 8 заграничных ковров³³. А в кофейне на ул. Елизаветинской, принадлежавшей турецко-подданному Мамуту Коламакоглу, околоточный надзиратель 2-го полицейского участка Колтуховский изъял «заграничного товара – 30 штук турецких фесок и 19 фунтов мыла»³⁴. В 1901 г. полицейский урядник Кореизского полицейского участка 3-го стана Дубченко выявил и задержал «разные заграничные товары» у турецкоподданного Ибрагима Мехмеда-оглу, а чиновник для поручений при Начальнике Южного таможенного округа, титулярный советник Смольников – у Ибраима Мустафы Делебекироглу³⁵. В 1903 г. в ялтинской кофейне К. Попандопуло

²⁸ Там же. Д. 73. Л. 1–29; Д. 74. Л. 1–9; Д. 75. Л. 1–52.

²⁹ Там же. Д. 83. Л. 1–47; Д. 84. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 95. Л. 1–50.

³¹ Там же. Д. 94. Л. 1–43; Д. 96. Л. 1–20; Д. 107. Л. 1–14.

³² Там же. Д. 101. Л. 1–42.

³³ Там же. Д. 102. Л. 1–65.

³⁴ Там же. Д. 103. Л. 1–21.

³⁵ Там же. Д. 108. Л. 1–105; Д. 109. Л. 1–32.

городовой 2-го полицейского участка Ф. Никитенко обнаружил и изъял товары у турецкого подданного Баиба Эмика Пиадоглу³⁶.

Необходимо отметить, что все лица, выявлявшие контрабанду, поощрялись таможенным начальством (например, как это предполагалось начальником Феодосийского таможенного округа в отношении нижних чинов пограничной стражи, обнаруживших контрабандные товары³⁷), а сам конфискат продавался с публичного торга (в частности, Ялтинской таможней регулярно составлялись ведомости о количестве взысканной с таких товаров пени)³⁸.

Заключение

Таким образом, борьба с попытками ввоза на территорию Российской империи через портовые таможни Таврической губернии контрабандных товаров являлась одним из ключевых направлений их деятельности. Инструкции и распоряжения таможенного руководства позволяли управляющим таможнями не только актуализировать список запрещенных к провозу товаров, но и применять на практике различные способы их обнаружения и изъятия. Наиболее распространенными среди контрабандных являлись товары, запрещенные ко ввозу и пользовавшиеся повышенным спросом. Прежде всего это продовольственные, бакалейные, мануфактурные товары, спиртные и прочие напитки, табак и табачные изделия, а также предметы роскоши, мебель, драгоценные металлы и изделия из них (золотые, серебряные украшения), кредитные билеты и денежные купюры (как фальшивые, так и подлинные). Обнаружение и изъятие контрабандных товаров производились в торговых лавках и частных домах, как правило, не только по подозрению, но и по формальным доносам, поступавшим управляющим таможнями и в полицию. Тем самым служащие таможен стремились минимизировать экономический ущерб, наносимый контрабандистами государству.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01285) «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01285/>

³⁶ Там же. Д. 133. Л. 1–59.

³⁷ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 545. Л. 1–315.

³⁸ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 104. Л. 2–25.

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01285 “Customs authorities, border guards and quarantines of the Crimean Peninsula in the public administration system of the Russian Empire (second half of the 19th century)” <https://rscf.ru/project/24-28-01285/>

Литература

- Беляева, Шабельникова 2018 – *Беляева Н.А., Шабельникова Н.А.* Контрабанда и борьба с ней на российском Дальнем Востоке в конце XIX – первой четверти XX в.: перспективы формирования источниковой базы // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1081–1091. DOI 10.28995/2073-0101-2018-4-1081-1091
- Борщик 2017 – *Борщик Н.Д.* Кадровый состав Евпаторийской портовой таможни Таврической губернии в 1860-е гг. // Научный вестник Крыма. 2017. № 5 (10). С. 1–7. URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/208/pdf> (дата обращения: 08.02.2025).
- Доржиев 2024 – *Доржиев Н.-Ж.Б.* Контрабанда драгоценных металлов в XIX в.: условия, специфика и способы противодействия в кяхтинском приграничье // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 49. С. 38–46. DOI 10.26516/2222-9124.2024.49.38
- Курас 2012 – *Курас Л.В.* Кяхтинская таможня в первой половине XIX в.: контрабанда и борьба с ней // Власть. 2012. № 10. С. 179–182.
- Прохоров 2024 – *Прохоров Д.А.* «Учредить на Южном берегу Крымского полуострова в селении Ялтах таможенную заставу...»: к истории создания и деятельности Ялтинской таможни и Южного отряда Таврической бригады пограничной стражи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2024. Т. 10 (76). № 3. С. 141–168. DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-3-141-168
- Прохоров, Борщик 2024 – *Прохоров Д.А., Борщик Н.Д.* Деятельность таможенных и карантинных учреждений Российской империи во второй половине XIX в. в документах Государственного архива Республики Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2024. Вып. 29. С. 462–470. DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29-462-470
- Прудникова 2016 – *Прудникова И.В.* Контрабанда в России и борьба с ней: с ранних времен до XVIII в. // Научная перспектива. 2016. № 4. С. 65–66.
- Синиченко, Токарева 2020 – *Синиченко В.В., Токарева Г.С.* Рост контрабанды акцизных товаров на востоке Российской империи в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2020. С. 143–149.
- Borshchik, Latysheva, Prokhorov 2018 – *Borshchik N.D., Latysheva E.V., Prokhorov D.A.* Formation and operation of customs agencies in Crimea at the

initial stage (1783–1822) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Iss. 2. P. 528–537.
DOI: 10.13187/bg.2018.2.528

Latawiec 2019 – *Latawiec K.* Religious activities of clerks of Russian origin employed in the regional branches of Customs Tariff Department in the Kingdom of Poland between 1851 and 1914 // *Res Historica*. 2019. No. 47. P. 181–196.
DOI: 10.17951/rh.2019.47.181-196

References

- Belyaeva, N.A. and Shabel'nikova, N.A. (2018), "Smuggling and the fight against it in the Russian Far East at the end of the 19th – the first quarter of the 20th century. Prospects for the formation of a source base", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1081–1091.
- Borshchik, N.D. (2017), "The personnel staff of the Eupatoria port customs office of the Taurida province in the 1860s", *Scientific Bulletin of Crimea*, vol. 10, no. 5, pp. 1–7, available at: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/208/pdf> (Accessed 8 Feb. 2025).
- Borshchik, N.D., Latysheva, E.V. and Prokhorov, D.A. (2018), "Formation and operation of the customs agencies in Crimea at the initial stage (1783–1822)", *Bylye Gody*, vol. 48, iss. 2, pp. 528–537.
- Dorzhiev, N. Zh.-B. (2024), "Smuggling of precious metals in the 19th century: conditions, specifics and methods of counteraction in the Kyakhta borderland", *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*, vol. 49, pp. 38–46.
- Kuras, L.V. (2012), "Kyakhta customs house in the first half of the 19th century: smuggling and the fight against it", *Vlast'*, no. 10, pp. 179–182.
- Latawiec, K. (2019), "Religious activities of the clerks of Russian origin employed in the regional branches of the Customs Tariff Department in the Kingdom of Poland between 1851 and 1914, *Res Historica*, no. 47, pp. 181–196.
- Prokhorov, D.A. (2024), "To establish a customs outpost on the southern coast of the Crimean peninsula in the village of Yalta...": On the history of the creation and activities of the Yalta customs and the Southern detachment of the Taurida border guard brigade", *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, vol. 10 (76), no. 3, pp. 141–168.
- Prokhorov, D.A. and Borshchik, N.D. (2024), "Activities of the customs and quarantine bodies of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the documents of the State Archives of the Republic of Crimea", *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], iss. 29, pp. 462–470.
- Prudnikova, I.V. (2016), "Smuggling in Russia and the fight against it: from early times to the 18th century", *Nauchnaya perspektiva*, no. 4, pp. 65–66.
- Sinichenko, V.V. and Tokareva, G.S. (2020), "The growth of smuggling of excise goods in the East of the Russian Empire at the beginning of the 20th century", *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook], Izdatel'stvo IGEA, Irkutsk, Russia, pp. 143–149.

Информация об авторе

Дмитрий А. Прохоров, доктор исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия; 295007, Россия, Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, д. 4; prohorov1da@yandex.ru

ORC ID:0000-0001-9162-4705

Information about the author

Dmitry A. Prokhorov, Dr. of Sci. (History), Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; 4, Vernadsky Av., Simferopol, Russia, 295007; prokhorov1da@yandex.ru

ORC ID: 0000-0001-9162-4705

«...Лишь бы петербургские политики мне не мешали»:
генерал-губернатор
Великого княжества Финляндского Н.И. Бобриков
между официальным Петербургом
и финляндскими учреждениями

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kiguo@rggu.ru*

Аннотация. На основе неопубликованных документов из фондов ГА РФ и ОР РНБ рассматривается взаимодействие финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова с императором Николаем II, министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского В.К. Плеве по вопросам административных преобразований. Анализируются позиции официального Петербурга и финляндского генерал-губернатора по финляндскому вопросу, реконструируется процесс взаимодействия Николая II и Н.И. Бобрикова по разработке правительенного политического курса в Финляндии. Стремление Н.И. Бобрикова разрабатывать и проводить самостоятельную политику в Финляндии столкнулось с осторожным противодействием верховной власти, стремившейся к стабилизации ситуации после публикации непопулярного манифеста 3 февраля 1899 г., сузившего автономию Финляндии в сфере законодательства. Но при этом Николай II и В.К. Плеве занимали двойственную позицию: внушая Бобрикову необходимость осторожных действий, поддерживали его отдельные предложения. Делается вывод о том, что отсутствие у Бобрикова опыта гражданского управления негативно влияло на его отношения с финляндскими учреждениями и общественно-политическими кругами. Невозможность руководства методом приказа ставила Бобрикова в тупик и подталкивала к требованию в Петербурге разрешений на расширение полномочий и применение чрезвычайных методов.

Ключевые слова: Бобриков Н.И., Плеве В.К., Великое княжество Финляндское, манифест 3 февраля 1899 г., финляндский генерал-губернатор, автономные права Финляндии

Статья поступила в редакцию 14 января 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Бахтурина А.Ю., 2025

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. «...Лишь бы петербургские политики не мешали»: генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Н.И. Бобриков между официальным Петербургом и финляндскими учреждениями // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 27–38. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-27-38

“...As long as Saint Petersburg politicians
do not interfere with me”:
Governor-General
of the Grand Duchy of Finland N.I. Bobrikov
between the official institutions
of Saint Petersburg and Finland

Aleksandra Yu. Bakhturina
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dep_kiguoo@rggu.ru*

Abstract. On the basis of the unpublished documents from the funds of the National Archives of the Russian Federation and the Manuscript Department of the National Library of Russia, the article considers the interaction on the issue of administrative reforms of Finnish Governor-General N.I. Bobrikov with Emperor Nicholas II and with Minister and State Secretary for the Grand Duchy of Finland V.K. Plehve. It analyzes the positions of the official St. Petersburg and the Finnish Governor-General on the Finnish issue. There is also a reconstruction for the process of interaction between Nicholas II and N.I. Bobrikov on the development of a government policy in Finland. N.I. Bobrikov's desire to develop and pursue an independent policy in Finland faced cautious opposition from the supreme authorities, who sought to stabilize the situation after the publication of the unpopular manifesto on February 3, 1899, which narrowed Finland's autonomy in the field of legislation. But, at the same time, Nicholas II and V.K. Plehve took an ambivalent position: impressing upon Bobrikov the need for careful action, they supported some of his proposals. It is concluded that Bobrikov's lack of experience in civil administration has negatively affected his relations with the Finnish institutions and socio-political circles. The inability to manage by command put Bobrikov in a deadlock and pushed him to request in St. Petersburg the permission to expand powers and use emergency methods.

Keywords: Bobrikov N.I., Plehve V.K., Grand Duchy of Finland, manifesto of 3 February 1899, Finnish Governor-General, autonomous rights of Finland

The article was submitted for publication 14.01.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2025), “‘...As long as Saint Petersburg politicians do not interfere with me’: Governor-General of the Grand Duchy of Finland N.I. Bobrikov between the official institutions of Saint Petersburg and Finland”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, p. 27–38, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-27-38

Введение

Взаимодействие генерал-губернаторской власти и официального Петербурга по мере движения имперской власти к системе унифицированного управления Российской империей в конце XIX – начале XX в. становилось все более сложным. Генерал-губернаторские полномочия постепенно сужались, хотя они всячески стремились сохранить их, справедливо считая, что они во многих случаях более полно информированы о ситуации на местах.

Одной из ярких иллюстраций активности генерал-губернаторской власти стала деятельность Н.И. Бобрикова на посту финляндского генерал-губернатора в 1899–1904 гг. Его деятельность весьма подробно рассмотрена в историографии как пример активного свертывания финляндской автономии¹.

К моменту назначения у Н.И. Бобрикова, бывшего начальником штаба Петербургского военного округа, сформировались взгляды на то, как должны строиться взаимоотношения Империи и Великого княжества. Еще в 1886 г. Бобриков писал, о необходимости усиления «государственной власти России» в Финляндии [Полвинен 1997, с. 40]. Он не только имел собственный взгляд на решение финляндского вопроса, но рассчитывал на то, что, став генерал-губернатором, получит возможность его реализовать. Но на практике мероприятия по финляндскому вопросу разрабатывались под влиянием взглядов представителей правящей элиты. Фактически «политический курс» Н.И. Бобрикова [Полвинен 1997] стал результатом сложных маневров и согласований.

«10 пунктов» Н.И. Бобрикова

Отношение к Бобрикову в чиновной среде было скорее отрицательным. С.Ю. Витте в воспоминаниях отмечал, что до назначения на пост финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобриков

¹ Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии: Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 154–194. См. также: [Полвинен 1997; Ошеров, Суни 1986; Суни 1982; Юссила 2009; Клинге 2005; Расила 2006].

«никогда, нигде, ни в чем себя не проявил, на войнах никогда не был, он представлял тип бесталанного штабного писаря»². В 1902 г. А.А. Половцов в связи с несостоявшимся назначением Бобрикова на пост министра внутренних дел назвал его «диким, грязным во всех отношениях унтер-офицером», который «на несчастье Финляндии остался ее мучителем»³. Барон Н.Е. Врангель, встречавшийся с Бобриковым, когда тот был «не у власти», отмечал: «В так называемых аристократических кругах его в то время не принимали. В полку его не любили. Человеком он был неглупым, но слишком самоуверенным и напористым, дурного тона... и при дворе о нем не особенно лестного мнения были»⁴. Особенно недоброжелательно относилась к Бобрикову вдовствующая императрица Мария Федоровна, называя его в письмах «ужасным»⁵.

Несмотря на это, император после длительных поисков остановился именно на его кандидатуре, хотя первоначально считал, что тот «слишком необразован для такого поста»⁶. Менее чем через год после назначения, 7 марта 1899 г. Николай II писал ему: «...я постоянно благодарю Бога, направившего мой выбор на Вас! Действительно в вас я получил неоценимого помощника, крайне знающего, усердного, настойчивого, хладнокровного во всех своих действиях»⁷.

Еще до официального назначения Бобриков начал готовить план мероприятий в отношении Финляндии. Финляндский историк Т. Полвинен указывает на то, что в августе 1898 г. Бобриков представил Николаю II программу русификации Финляндии, состоящую из 10 пунктов [Полвинен 1997, с. 65], утверждая, что перечень мер, ограничивавших финляндскую автономию, готовился заранее, независимо от издания манифеста 1899 г., и отражал общее направление политики Николая II. В пользу того, что 10 пунктов Бобрикова были представлены императору в августе 1898 г. и поддержаны последним, свидетельствует дневниковая запись Бобрикова, где он указал, что в течение лета 1898 г. им разрабатывалась программа работы в Финляндии.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рукописные заметки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. С. 62.

³ Половцов А.А. Дневник: 1893–1909. СПб.: Алетейя, 2014. С. 354.

⁴ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924. С. 162.

⁵ Переписка императора Николая II с матерью-императрицей Марией Федоровной: 1894–1917. М.: Индрик, 2017. С. 422.

⁶ Половцов А.А. Указ. соч. С. 462.

⁷ ОР РНБ. Ф. 586: Плеве В.К. Д. 28. Л. 51.

Согласно дневниковым записям императора впервые Николай II принял Бобрикова 18 августа 1898 г.⁸ В дневнике Бобриков указал, что во время встречи Николай II одобрил представленную ему Записку с перечнем планируемых в Финляндии мероприятий. Позднее, в марте 1899 г., император писал Бобрикову: «Всей душею разделяю ваш правильный взгляд... состоящий из десяти пунктов, намечающий ряд необходимейших мер, которые нам безусловно следует... принять для бесповоротного мирного закрепления финляндской окраины за Россиею»⁹.

Несмотря на оценки записки в финляндской историографии как программы мер в финляндском вопросе, в ней не было развернутого перечня мероприятий, а центральным пунктом стало требование расширения генерал-губернаторских полномочий¹⁰. На это обстоятельство обратил внимание финляндский историк О. Юссила, отметив его как принципиально новый в финляндской политике [Юссила 2009, с. 659]. Российские историки связывали начало разработки «программы Бобрикова» с «финляндским противодействием манифесту» 1899 г., отмечая, что в ходе переписки между Николаем II и Бобриковым в марте 1899 г. вырабатывалась программа антифинляндских мероприятий [Ошеров, Суни 1986].

Н.И. Бобриков и Николай II

Акцент, сделанный Бобриковым в плане финляндских мероприятий, на необходимость расширения прав генерал-губернатора был не случаен, поскольку большинство из них не могли быть реализованы без соответствующих полномочий. К этому времени административные полномочия генерал-губернатора были сокращены, особенно в сфере кадровой политики. С 1894 г. устанавливалось двойное подчинение губернаторов – генерал-губернатору Великого княжества Финляндского и Хозяйственному департаменту Сената. Также на возможностях Бобрикова как администратора сказывалось автономное положение финляндской администрации всех уровней. А.В. Богданович – хозяйка одного из крупнейших петербургских салонов, супруга правого государственного деятеля, члена Совета министра внутренних дел Е.В. Богдановича в дневниковой записи от 31 мая 1899 г. отметила, что Бобриков «привык в штабе, где раньше был, командовать и повелевать всем, а теперь выходит

⁸ Дневники императора Николая II. (1894–1918). М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 427.

⁹ ОР РНБ. Ф. 586: Плеве В.К. Оп. 1. Д. 28. Л. 55 об. – 56.

¹⁰ Там же. Л. 10.

так, что финны под его носом делают то, что хотят, он же узнает их действия случайно или же из иностранных газет»¹¹.

Своеборзной компенсацией за ограничение генерал-губернаторских прав для Бобрикова в начале деятельности в Финляндии стала возможность непосредственно обращаться к императору. Традиционно доклады императору по финляндским делам делал министр статс-секретарь, но в тот момент этот пост занимал В.Б. Прокопе, защищавший финляндские интересы, чем не устраивал императора. Николай II, избегая контактов с Прокопе, разрешил Бобрикову писать ему. В дневнике 23 июня 1898 г. Бобриков отметил, что Николай II заверил его в том, что «вы будете обращаться прямо ко мне» и «найдете всегда необходимую во мне поддержку»¹².

29 мая (10 июня) 1899 г. Николай II принял Бобрикова. Об этой встрече Бобриков упомянул в дневнике, отметив, что на этой встрече он обозначил основную цель своей деятельности «объединение окраины с центром»¹³. Современники отмечали, что на этом этапе Бобрикову удавалось влиять на позицию императора, особенно в отношении финляндского Сената, убедив Николая II не принимать депутатов от Финляндии в связи с публикацией манифеста 1899 г.¹⁴ Подтверждение этому находится и в письмах Бобрикова Николаю II¹⁵.

Позиция императора в финляндском вопросе не была столь однозначной, как это представлялось Бобрикову. Одобряя служебное рвение генерал-губернатора, император считал, что нельзя допускать роста недовольства российской политикой в Великом княжестве, хотел сгладить негативное впечатление от манифеста 1899 г. и сдержать активность Бобрикова. Поддержав идею усиления власти генерал-губернатора, Николай II подчеркнул, что «можно будет удовлетвориться достигнутым результатом»¹⁶. Но Бобриков иначе оценивал ситуацию в Финляндии, считая, что на него возложена важная государственная миссия по объединению Великого княжества с империей, и буквально «забрасывал» императора письмами и предложениями.

В середине марта 1899 г. он предложил императору запретить финнам составлять коллективные жалобы и прошения, но поддержки

¹¹ Три последних самодержца: Дневник А.В. Богданович. М.; Л: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. С. 242.

¹² ОР РНБ. Ф. 586: Плеве В.К. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–19 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Врангель Н.Е. Указ. соч. С. 162.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 586: Плеве В.К. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–19 об.

¹⁶ Там же. Л. 52 об.

не получил. Хотя император и ответил, что полностью разделяет взгляд Бобрикова на необходимые преобразования в Финляндии, изложенные им ранее в письме от 11 марта, но подчеркнул, что необходима «строгая постепенность»¹⁷. А в письме от 19 марта 1899 г. деликатно указал: «Прошу вас Николай Иванович беречь свое здоровье, вы слишком усиленно занялись письменными работами. Ведь перелом в финляндском вопросе совершился, можно бы немного и отдохнуть, а впоследствии приняться за дальнейшую работу со свежими силами...»¹⁸.

По мнению Николая II, волну протестов в Великом княжестве после издания манифеста 1899 г. удалось сдержать и ситуацию стабилизировать. Бобриков наоборот исходил из того, что сепаратистские движения продолжают развиваться и необходимо продолжать политику встраивания Финляндии в общимперскую систему административного управления и законодательства.

Борьба за расширение генерал-губернаторских полномочий

Бобриков считал, что его возможности не только как администратора, но и как должностного лица, реализующего имперскую политику в Финляндии, сдерживаются правами финляндского Сената и действующим законодательством в целом. В своей официальной переписке с Николаем II и министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского В.К. Плеве он настаивал на том, что генерал-губернатору «не подобает находиться под опекою Сената», а политика в Финляндии должна быть «направляема твердою рукою»¹⁹. Твердый курс Бобриков понимал как право применения чрезвычайных полномочий, включая административную высылку. В письме Николаю II от 31 марта 1899 г. он писал: «...современная здесь обстановка требует административной высылки, столь противоречащей местному закону, но для блага края вполне необходимой и своевременной»²⁰.

Весной 1899 г. Бобриков с невероятной силой почувствовал свое бессилие перед сопротивлением Сената и финляндских общественно-политических кругов манифесту 3 февраля 1899 г. и был готов идти на нарушение действовавшего законодательства, вводя чрезвычайные меры.

¹⁷ Там же. Л. 56.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 11 об. – 12 об.

²⁰ Там же. Л. 43–43 об.

В ответ император передал решение вопроса о правах генерал-губернатора комиссии по составлению нового положения о финляндском генерал-губернаторе. В ней лидировал К.Г. Победоносцев, считавший, что в Финляндии требуется политика «полного спокойствия и терпеливого ожидания»²¹. В этой ситуации Бобриков пытался влиять на императора, пытаясь получить его поддержку, право на административную высылку, обещая коренные изменения ситуации в Княжестве: «Пусть подумает об этой мере комиссия, составляющая положение о генерал-губернаторе. ...Бог даст, обойдемся и без применения этой меры, но сознаю, что ее появление как громом поразило и отрезвило бы всю Финляндию постепенно подберу вожжи в руки и соединяя настойчивость с терпением и ласкою»²².

Жалобы Бобрикова на финляндский Сенат, Победоносцева, отсутствие у него чрезвычайных полномочий, намеки на необходимость как можно скорее приступить к реализации программы преобразований в Финляндии сочувствия у императора не вызвали. Однако первоначально Николай II деятельность Бобрикова одобрял. В 1900 г. он инициировал назначение его в Государственный совет, отметив, что «Бобрикову приходится тяжело в Финляндии и что для поддержания его назначить членом Совета»²³.

После назначения В.К. Плеве на пост министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского Бобриков утратил возможность непосредственно обращаться к императору и свои финляндские проекты адресовал Плеве. По-прежнему его не устраивала действовавшая в Финляндии административная система, статус Сената и Сейма и ограниченные возможности при назначении губернаторов.

В этой ситуации Плеве старался доносить до Бобрикова позицию императора в финляндском вопросе и контролировать его активность. К административным инициативам Бобрикова, касавшимся прав финляндского Сената и Сейма, Плеве относился, как и Николай II, весьма настороженно. И если в августе 1900 г. он сообщал Бобрикову, что император разрешил приступить к пересмотру административного устройства Финляндии и сеймового устава²⁴, то уже в письме от 21 июля 1901 г. он выражал надежду, что в финляндской политике можно достичь результатов «без коренной ломки их (т. е. финляндцев) административного строя», поскольку

²¹ Там же. Л. 67.

²² Там же. Л. 43–43 об.

²³ Полovцов А.А. Указ. соч. С. 263.

²⁴ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 445. Л. 30.

«управлять краем через петербургских столоначальников весьма трудно»²⁵.

В марте 1902 г. Плеве писал Бобрикову, что государь «желал бы достичнуть успокоения и очень рекомендует мягкий образ действий», хотя указывал, что возможны крайние меры, такие как административная высылка особенно активных финляндских политиков²⁶.

Указаний Плеве оказалось недостаточно. 15 апреля 1902 г. Николай II получил Плеве вызвать из Гельсингфорса Бобрикова, «чтобы выразить ему неудовольствие за его действия в Финляндии»²⁷. В связи с этим в Петербурге распространились слухи о скорой отставке Бобрикова, но этого не произошло.

Планы смена состава финляндской администрации были близки и Плеве, и Бобрикову. Тут их позиции совпали, но реализовать их было невозможно без изменения действующего законодательства. Настойчивость Бобрикова увенчалась успехом. Летом 1902 г. ему удалось добиться расширения своих полномочий: финляндский генерал-губернатор получил право вмешиваться в административные назначения и отклонять любые кандидатуры²⁸. Укрепление позиции Бобрикова вызвало неоднозначную реакцию в Петербурге.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна в октябре 1902 г. обратилась к Николаю II с резким письмом, указывая, что «все, что сделано и делается в Финляндии, основано на лжи и ведет прямо к революции... Дай отставку Бобрикову, этому злому гению»²⁹. Император ответил пространным письмом, свидетельствовавшим о поддержке взглядов Бобрикова на ситуацию в княжестве: «Правительство не может смотреть сквозь пальца на то, как его же чиновники и служащие позволяют себе критиковать и не подчиняться распоряжениям власти»³⁰.

Н.И. Бобриков и финляндский императорский Сенат

Наибольшей проблемой в деятельности Бобрикова стали отношения с финляндским Сенатом, который оказывался вне его

²⁵ ОР РНБ. Ф. 586: Плеве В.К. Д. 13. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 37 об.

²⁷ Половцов А.А. Указ. соч. С. 361.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. З. СПб., 1902. Т. 22. Ч. 1. № 21 902. С. 800.

²⁹ Переписка императора Николая II с матерью-императрицей Марией Федоровной: 1894–1919. М.: Индрик, 2017. С. 428–429.

³⁰ Там же. С. 435.

непосредственного влияния. Еще в начале своей деятельности на генерал-губернаторском посту, обращаясь к императору, он указывал на необходимость поддерживать финское население в противовес антироссийски настроенным шведам. Эту точку зрения разделял Плеве, активно продвигавший на сенаторские и губернаторские посты этнических финнов. Несмотря на предпринятые шаги, выстроить взаимодействие с финляндским Сенатом Бобрикову не удалось. Не складывались отношения Бобрикова с финляндскими общественно-политическими деятелями. Он изначально видел в них убежденных сепаратистов, которых необходимо выслать за пределы княжества³¹.

В результате сложного лавирования между финляндскими политиками, администраторами, министром статс-секретарем В.К. Плеве и самим императором к 1902 г. Бобрикову удалось добиться одобрения ряда своих инициатив, выдвинутых еще в начале работы в Финляндии. Были расширены его права в кадровой политике, появилась возможность применять административную высылку, вводить делопроизводство на русском языке. Но это лишь обострило ситуацию в Великом княжестве и к стабилизации не привело. 3 июня 1904 г. на него было совершено покушение в здании финляндского Сената, и он скончался. Император в дневнике записал: «Огромная трудно заменимая потеря!»³².

Заключение

Приход Бобрикова на пост финляндского генерал-губернатора и его деятельность стали примером разработки самостоятельного политического курса на уровне местной власти. Сложившие представления о ситуации в Финляндии, которые были самым тесным образом связаны со стратегическими соображениями о защите Петербурга, Бобриков воплотил в «10 пунктов», ставших основой его деятельности. При этом император и его окружение считали, что основной результат работы генерал-губернатора — обеспечение политической стабильности. Налицо было разное понимание способов достижения этой цели. С точки зрения императора и В.К. Плеве, необходимой являлась политика сглаживания противоречий. Бобриков же считал, что в Княжестве налицо активное сопротивление российской администрации, требующее жесткого ответа. Бобриков искренне полагал, что только жесткий курс, применение мер близких по сути к чрезвычайным способны стать

³¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 158. Л. 180–181.

³² Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. С. 808.

основой сближения княжества с империей. Первоначально он не встречал безусловной поддержки ни Николая II, ни В.К. Плеве. Совпадение позиций Бобрикова и официального Петербурга отразилось в его переписке с Плеве. Оба считали, что источник нестабильности в Финляндии кроется в антироссийской позиции политиков шведского происхождения. Они склонялись к тому, что необходимо продолжать политику расширения прав финнов, продвигая их на административные посты и создавая таким образом чиновничество лояльное российской власти. Это привело к тому, что в 1902 г. Бобриков получил значимые полномочия в кадровой политике, а затем перешел к более активным действиям. Но новые возможности стали для него роковыми. Открытым остается вопрос: насколько на формирование политического курса Бобрикова влияли не только политические, но и карьерные соображения. Будучи генерал-губернатором, он стремился к расширению своей власти в управлении Финляндией, и наиболее серьезным разочарованием и препятствием для него стало закрепленное законами автономное положение Княжества. Именно на этой почве возникали сложности в его отношениях с финляндским Сенатом, где у него практически не было административных прав.

Стремление Бобрикова к расширению своих полномочий в Финляндии и реализации собственного политического курса показывали наличие расхождений в понимании ситуации официальным Петербургом местной властью и подходах к ее решению. Хотя до определенной степени ему удавалось влиять на позицию верховной власти при решении финляндской проблемы.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта “Великое княжество Финляндское в правительственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений” № 24-28-01780.

Acknowledgements

The reported study was funded by The RSF, project number 24-28-01780.

Литература

Клинге 2005 – Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. 614 с.

Ошеров, Суни 1986 – Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск.: Петрозаводский государственный ун-т, 1986. 71 с.

- Полвинен 1997 – *Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии: 1898–1904*. СПб., 1997. 318 с.
- Расила 2006 – *Расила В. История Финляндии*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного ун-та, 2006. 358 с.
- Суни 1982 – *Суни Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в.* Л.: Наука, 1982. 158 с.
- Юссила 2009 – *Юссила О. Великое княжество Финляндское: 1809–1917*. Хельсинки, 2009. 844 с. С. 659.

References

- Klinge, M. (2005), *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland], Kolo, Saint Petersburg, Russia.
- Osharov, E.B. and Suni, L.V. (1986), *Finlyandskaya politika tsarizma na rubezhe XIX–XX vv.* [The Finnish policy of tsarism at the turn of the 19th – 20th centuries], Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, Petrozavodsk, USSR.
- Polvinen, T. (1997), *Derzhava i okraina: N.I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii: 1898–1904* [The state and the borderland N.I. Bobrikov – governor-general of Finland], Saint Petersburg, Russia.
- Rasila, V. (1996), *Istoriya Finlyandii* [The history of Finland], Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, Petrozavodsk, Russia.
- Suni, L.V. (1982), *Samoderzhavie i obshchestvenno-politicheskoe razvitiye Finlyandii v 80–90-e gody XX v.* [Autocracy and socio-political development of Finland in the 80–90s of the 19th century], Nauka, Leningrad, USSR.
- Yussila, O. (2009), *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe: 1809–1917* [The Great Duchy of Finland. 1809–1917], Helsinki, Finland.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dep_kiguoo@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0003-1116-4265

Information about the author

Aleksandra Yu. Bakhturina, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dep_kiguoo@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0003-1116-4265

Памяти Ленина:
конкурсные проекты советских граждан
на постройку памятника

Эмилия В. Клоос

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, milka.mm752@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднимается вопрос участия советских граждан в возведении памятников В.И. Ленину. На примере Всесоюзного конкурса на сооружение монументов автор рассматривает проекты рядовых советских граждан, изобилующие образами и символами, объясняет их значение. Подчеркивается, что возникновение подобных образов обусловлено влиянием идеологических штампов на сознание авторов. Кроме того, приводятся примеры возведенных памятников, созданных трудящимися: по их инициативе, художественным проектам и на собранные с их доходов средства. Несмотря на то что основы культа были заложены еще при жизни В.И. Ленина, активно он развернулся лишь после его смерти. В стране стали стихийно возникать памятники Ленину – их создавали рабочие самоучки. Часто незамысловатые, созданные из подручных материалов, они демонстрировали искреннюю народную сопричастность проходящему траурному событию. Однако вскоре власти запретили создавать изображения Владимира Ильича без получения предварительного одобрения. Так создание монументов от свободного творческого порыва народных масс пришло к производству однотипных фигур. Производство памятников было поставлено на поток. Однако, несмотря на подобные ограничения, граждане нашли выход для творческого воображения – возведение постаментов. Под заказанные у официальных поставщиков скульптуры советские граждане создавали оригинальные пьедесталы. Так, в Новосибирске бюст работы В.В. Козлова разместили на небольшом архитектурном сооружении, которое служило библиотекой и трибуной для проведения митингов и шествий. Монумент получил название «Памятник-мавзолей», что отсылает к еще одной тенденции архитектурного строительства первых лет Ленинианы – стремление возвести в городе пусть не настоящий, но свой мавзолей.

Ключевые слова: памятники В.И. Ленину, конкурсное проектирование, Всесоюзный конкурс на сооружение памятников В.И. Ленину, проекты советских граждан, формирование культа В.И. Ленина

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Клоос Э.В. Памяти Ленина: конкурсные проекты советских граждан на постройку памятника // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 39–53. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-39-53

**In memory of Lenin.
Competition projects of Soviet citizens
for the construction of a monument**

Emilia V. Kloos

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, milka.mm752@yandex.ru*

Abstract. The article raises an issue of the participation of Soviet citizens in the construction of the monuments dedicated to V.I. Lenin. Using the example of the All-Union competition for the construction of monuments, the author considers the projects of ordinary Soviet citizens, abundant in images and symbols, and explains their meaning. It is emphasized that the emergence of such images is due to the influence of the ideological clichés on the designers' consciousness. In addition, the paper presents the examples of the erected monuments created by workers: those structures were made on their initiative, their artistic projects and with the funds collected from their income. Despite the fact that the foundations of the cult were laid during the life of V.I. Lenin, it actively developed only after his death. The monuments dedicated to Lenin began to spontaneously appear in the country – they were created by self-taught workers. Often unpretentious, made of improvised materials, they demonstrated sincere public involvement in the ongoing mourning event. However, the authorities soon banned the creation of images of Vladimir Ilyich without their prior approval. Thus, the monument construction which started as a free creative impulse of the masses turned into the manufacture of the same type figures. The monument production was industrialized. However, despite such restrictions, the citizens found an outlet for their creative imagination – the construction of pedestals. The Soviet citizens created original pedestals for the sculptures ordered from the official suppliers. Thus, in Novosibirsk, the bust by V.V. Kozlov was placed on a small architectural structure that served as a library and a tribune for holding rallies and marches. The monument was named the “Monument-Mausoleum”,

which refers to another trend in architectural construction in the first years of Leniniana – the desire of the people to build in a city, if not a real one, but still their own mausoleum.

Keywords: monuments dedicated to Lenin, competition design, All-Union competition for the construction of monuments dedicated to Lenin, projects of Soviet citizens, formation of the cult of Lenin

The article was submitted for publication 10.04.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Kloos, E.V. (2025), “In memory of Lenin. Competition projects of Soviet citizens for the construction of a monument”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 39–53, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-39-53

Введение

Почти в каждом городе обширного постсоветского пространства находится памятник В.И. Ленину. В современном мире ведутся дискуссии о возможности их дальнейшего существования. Многие, особенно представители бывших союзных республик, стремятся избавиться от них, считая монументы если не свидетельством насилия, то пережитком прошлого. Однако подобное отношение к ним несправедливо, ведь памятники часто возводились по желанию местных трудящихся.

Тема памятников исследовалась в основном в краеведческом аспекте: авторы обращались к истории строительства и бытования памятников в их родных городах [Петренко, Блинов 2016, с. 501–506; Хамитова 2021, с. 70–72; Гайдай, Любарец 2016, с. 28–41; Брянцев 2022, с. 242–256]. Особенno отмечим статью Е.П. Алексеева «Провинциальный монументализм: первые памятники В.И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг.» [Алексеев 2005, с. 142–161], в которой автор приводит архивные материалы, посвященные местному конкурсу на постройку монументов. Кроме того, тема памятников в качестве одного из способов увековечивания памяти использовалась в работах, исследовавших формирование культа Ленина [Тумаркин 1999; Эннкер 2011].

Всесоюзный конкурс на сооружение памятников В.И. Ленину

После смерти Владимира Ильича монументы, посвященные ему, стали появляться по всей стране. Это происходило стихийно, без какого-либо контроля со стороны центра – умельцы сами

создавали изображения Ленина. 21 августа 1925 г. был объявлен Всесоюзный конкурс на сооружение памятников В.И. Ленину¹, в котором приняли участие все желающие, вне зависимости от рода деятельности и художественных навыков. Слесари, рабочие заводов, учителя, кузнецы присыпали свои проекты, показывая, каким бы они хотели видеть монумент.

Н.К. Крупская выступала против создания памятников В.И. Ленину. В «Правде» был опубликован ее призыв: «Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память... Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране»².

Несмотря на рациональный призыв Н.К. Крупской, считавшей, что денежные средства следует тратить на государственные нужды, II Всесоюзный съезд Советов ССР постановил соорудить памятники Ленину в столицах союзных республик: в Москве, Харькове, Тифлисе, Минске, Ташкенте, а также в Ленинграде. Решение съезда было официально закреплено постановлением Президиума ЦИК «О конкурсе на сооружение памятников В.И. Ленину». Оно гласило: «Разработка темы монументов допускается как в форме скульптурной, так и в форме архитектурного сооружения, а ровно в комбинированной форме скульптуры с архитектурой... Памятники архитектурного типа должны быть разработаны в форме декоративного сооружения (как, например, арка, колонна, обелиск и т. п.), не предназначенного для утилитарного использования»³.

Конкурс состоял из двух частей: первая – соревнование среди художников соответствующих специальностей по именным приглашениям, вторая – всесоюзный конкурс для всех желающих принять участие. Последний объявлялся путем троекратной публикации в газете «Известия».

Участники обязаны были предоставить в конкурсный орган эскиз в виде чертежа или рисунка, «дающий в общих чертах ясное представление о художественном замысле», и проект в трех проекциях. Подобная формулировка позволяла отправлять свои работы людям, совершенно не умеющим рисовать, ведь в «общих чертах» объяснить идею не так сложно. А проекциями авторы и вовсе пренебрегали, совершенно не стремясь выполнить это условие.

¹ Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета «О конкурсе на сооружение памятников В.И. Ленину» // Известия. 1925. 16 сент. № 211.

² Правда. 1924. 30 янв.

³ Известия. 1924. 7 марта. № 56.

По каждому конкурсу должны были устраиваться публичные выставки: предварительная, до рассмотрения жюри, и последующая, с присуждениями премий. Подобный способ не только должен был продемонстрировать трудящимся работы всех участников, но и дать им возможность самим выбрать лучшие проекты.

Конкурс остался не завершенным: ни победители, ни призеры так и не были объявлены и не получили премий. Комиссия по увековечиванию памяти Ленина, рассматривая предложения участников, отвечала им сразу отказом, не дожидаясь общего по всем проектам решения. Возможно, устроители конкурса не ожидали, что станут участвовать люди, не имеющие никакого отношения к искусству, и присыпать свои неумелые и часто антихудожественные предложения. Возможно, они рассчитывали на именитых мастеров, которым были заказаны памятники, а может, просто желали узнать, каким народ представляет монумент своему вождю.

В комиссии сохранились наивные проекты трудящихся разных профессий и уровней образования. Они представляют собой причудливое сочетание идеологии и примитивных художественных взглядов. Полные образности и символизма, они часто перегружены деталями, хаотичны и безвкусны. Однако в них отразилось искреннее желание людей принять участие в сохранении памяти Владимира Ильича и вера в то, что они могут быть услышаны.

М.А. Бердичевский предложил идею памятника-трибуны. Впереди пятигранного основания стоит фигура Ленина. У барьера верхнего яруса трибуны должны были размещаться два массивных факела, ниже – другая площадка, на которой стояли преклонившие голову рабочий и крестьян с гербом СССР в руках. По бокам молодые рабочие с факелом и книгами под мышкой, а также работница с лавровым венком. Один из мужчин и женщина держат за руку ребенка. Завершают скульптурную группу статуи крестьянина и крестьянки. Предполагалось, что факел и герб будут светиться по ночам.

Кроме того, основание трибуны должна была окружать крепостная стена из гранита, которая помещалась в центре пятигранной звезды, расположенной на возвышенности в виде полушария. На краях звезды возвышаются фигуры представителей разных рас, которые держат в руках остатки разорванных цепей⁴.

Пятиконечная звезда символизировала объединение всех пяти континентов, а различные народы, разорвавшие оковы рабства, означали победу мирового коммунизма. Обилие деталей, с одной стороны, подчеркивает стремление автора максимально образно

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 559. Л. 41–48.

насытить свой проект, а с другой – показывает его художественную несостоительность, так как скульптурные элементы дисгармонируют между собой, образуя хаотичное нагромождение. Обращает внимание изображение гранитной крепостной стены, окружающей трибуну. Подобный символ совершенно противоположен революционно торжественной направленности памятника. Отражающий идеи всемирного коммунизма, он, наоборот, должен демонстрировать отсутствие границ и боевых укреплений, разделяющих государства.

Школьный работник А.К. Евгеньев спроектировал памятник, в основании которого положена пятиконечная звезда, как символ защиты интересов пролетариата всех 5 частей света, с тремя ступеньками, обозначающими III Интернационал. В центре звезды фундамент также с тремя ступенями, которые олицетворяют связь трех поколений людей. На нем возвышается призма с трибуной и статуя Ленина⁵.

В представлении В.Ф. Буша памятник должен был отражать скорбь человечества из-за утраты Владимира Ильича. Автор предлагает создать скульптурную группу, где возле фигуры Ленина стоят его друзья и сочувствующие с грустью в глазах, а также вдовамать и плачущие девушки, и жены. Завершает памятник женщина с горящим факелом и разорванными наручниками⁶.

Подобное выражение скорби авторы использовали крайне редко, предпочитая ему торжественные революционные образы, отражающие героическое прошлое и великое коммунистическое будущее. Потому что в большинстве проектов Ленин представляется не человеком, а символом революции и борьбы, перемен и создания нового мира. В экстренном выпуске газет «Правда» и «Известия», посвященных смерти Владимира Ильича говорилось: «Его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии»⁷. Таким образом, Ленин не воспринимался в пропагандистской риторике как человек, он являлся всеобъемлющим символом.

Интересен подход С. Губермана, предложившего создавать памятник не ввысь, а вширь и вглубь. Так, монумент представлял из себя нечто наподобие дворца труда, располагавшегося под землей. На поверхности он выглядел как земной шар, поддерживаемый колоннадой, со скульптурой Ленина наверху⁸.

⁵ Там же. Д. 560. Л. 7–12.

⁶ Там же. Д. 559. Л. 56–57.

⁷ Совмещенный экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». 1924. 23 янв.

⁸ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 560. Л. 3–4.

Идея создания многофункциональных памятников была очень популярна. Как и С. Губерман, предложивший создать монумент на подобии дворца труда, многие авторы проектировали библиотеки, музеи, учебные заведения, располагавшиеся внутри. Авторы стремились к утилитарности, избегая исключительно декоративного предназначения памятника.

Антипов, работник магазина, предложил на триумфальной арке на Красных воротах нарисовать портреты Ильича, наверху – звезду и надпись «Ворота в первую столицу республики Советов», а на обратной стороне поместить портреты Маркса и Энгельса с фразой «Те, которые дали нам первую мысль, пролетарии всех стран соединяйтесь, так не забудем же ее»⁹.

Антипов, один из немногих, сочувствующих революционным идеям и поддерживающих партию, кто предлагает не просто снести постройку, олицетворяющую царский режим, а модернизировать ее. Это единственный проект, стремящийся не просто к созданию новых форм, но к созданию новых смыслов. Автор предлагает сохранить наследие прошлого, поменяв его смысловое значение, адаптировав его к новым жизненным реалиям.

Сын кузнеца, П.А. Разиньков, подписывающийся псевдонимом «блондин в селе», с трудом окончил училище, однако это обстоятельство не помешало ему попробовать поучаствовать в конкурсе. Он предложил создать памятник, пьедесталом которого является глобус, где на материке с надписью СССР на книге К. Маркса возвышалась фигура Ленина. В одной его руке книга, другой – показывает на рабочего и крестьянина, стоящих ниже на томе «Ленинизм». Одной рукой статуи держат по книге, другой указывают на Ильича¹⁰.

Визуальный язык подобного проекта красноречив и понятен каждому: здесь отмечены как главные символы и деятели революции – крестьянин и рабочий, программа по ликвидации безграмотности, так и преемственность идей. Ленин буквально вырастает из идей К. Маркса, а рабочий – из ленинизма.

А. Рудин из отдела здравоохранения прислал проект, охватывающий всех представителей нового государства за их профессиями. Он предложил украсить пьедестал, на котором стоит фигура Ленина, барельефами с различными изображениями. На одном – мать, кормящая грудью крепкого младенца, и со стоящим на фоне фабрике ребенком лет 6–7, на другом – рабочий в рукопожатии с крестьянином, рядом находятся их орудия труда и на заднем

⁹ Там же. Д. 558. Л. 48–52.

¹⁰ Там же. Д. 566. Л. 6–9.

фоне у одного – завод, а у другого – поля. На третьем барельефе расположились красноармеец с винтовкой на фоне битвы¹¹.

Обращает внимание не типичный для проектов жест – рукопожатие крестьянина и рабочего, символизирующий смычку города и деревни. За незамысловатостью данной работы прослеживается не только желание автора отметить и прославить трудящихся новой страны, но и подчеркнуть роль Ленина в создании подобного мира. Возвышаясь над этими изображениями, фигура Владимира Ильинча, с одной стороны, показывает его значение, с другой – важность людей, ведь именно в их мире он стоит. Несмотря на то что данный проект почти не отличается по смысловому содержанию от других, он более прагматичен, реализуем и прост, не стремится подавить своими масштабами и не отражает великие планы на будущее, показывая жизнь в настоящий момент.

Неизвестный автор спроектировал памятник в виде скалы, на вершине которой расположен глобус. Постамент обвивает гидра с несколькими головами. Одна из них – буржуй в шляпе, другая – поп, третья – император. Рабочий, крестьянин и красноармеец борются с этим чудовищем¹².

Подобная аллегория крайне прямолинейна и была бы понятна даже самому неграмотному зрителю. К этой всеобщей доступности стремились многие авторы, ведь перед скульптурой, архитектурой и другими видами искусства стояли не только декоративно-изобразительные задачи, но и пропагандистские. В новом государстве они должны были отражать определенные идеи, воздействовать на зрителя. Вероятно, ввиду этого, автор избрал всем известный сказочный мотив борьбы добра со злом – богатыря со змеем.

Данный пример особо интересен сочетанием народного фольклора и новой советской идеологии. Несмотря на определенную парадоксальность подобного сочетания, объясняемого тем, что молодое советское государство старалось максимально отрешиться от всего старого, оно успешно прижилось, особенно отразившись в сфере декоративного искусства. Известные по всему миру палехские, жостовские, гжельские, хохломские и другие промыслы с приходом Советской власти нисколько не утратили своей значимости, наоборот, приобрели ее. Мастерские стали массово создавать предметы агитационной направленности, исполненные в традиционном стиле. Так, шкатулки с изображенными на них в народном стиле красноармейцами, рабочими, моряками стали появляться на рынке.

¹¹ Там же. Л. 22–23.

¹² Там же. Д. 756. Л. 11.

Объяснение подобному парадоксу следует искать в том, что молодое советское государство на идеологическом уровне стремилось закрепить народный характер революции, для чего поддерживало как малые народы, так и традиционные ремесла, и промыслы. Такой симбиоз создавал порой крайне противоречивые по внутреннему содержанию, но свойственные времени предметы и образы.

Один из авторов спроектировал особый маяк-трибуну в качестве памятника. На трапециевидном основании возвышается обелиск, сделанный из крупных блоков, увитый лавровыми ветвями и с разбросанными по фасадной части небольшими окошками. Завершает его башня с бойницами и ласточкиными хвостами. Наверху – пятиконечная звезда¹³. Несмотря на революционные барельефы, изображающие восстание рабочих в 1905 г. и Ленина в позе оратора, а также изречения из его трудов, памятник носит классический характер. Выполненный в виде обелиска, украшенный традиционными атрибутами героико-революционной тематики, он походит на волшебный замок. Обычно мужественные и грубые элементы декора при неправильном их сочетании совершенно потеряли их первоначальный характер, превратив замысел автора из торжественного в комичный.

Неизвестный автор создал памятник, в котором, помимо фигуры Ленина и находящихся у его ног крестьянина с косой и рабочего с наковальней, большое внимание уделено заднему фасаду, украшенному объемным и внушительным барельефом деревни и завода. На нем изображены несколько обычных деревенских домиков и заводская труба, так, что она идет вдоль всей поверхности памятника, образуя объемное и разноуровневое пространство. Из домовых и фабричных труб идет дым¹⁴. Создается ощущение, что скульптура Ленина возвышается над городом. Проект ничем не отличается от других – та же идеологическая повестка, те же образы, однако насколько очаровательно он отразил мирную жизнь.

Алкеев предложил создать электрифицированный памятник. Земной шар, скованный цепями, которые обрываются на территории СССР, должен быть выложен разноцветным лампочками, образовывающими портрет Ленина. При помощи концов звеньев цепи автор хотел устроить искусственный ветер, который бы сдувал с памятника пыль и снег. Кроме того, он отмечал, что желательно шар прикрепить на радиобашню, и чтобы к нему спускались антенны. Внутри башни должен был быть размещен музей Ленина, а на ее крыше – мощный громкоговоритель, который бы вещал новости¹⁵.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 558. Л. 44–45.

Отметим, что идея электромозаики создана в духе проекта электрификации страны. Созданная помошью света и разноцветного стекла, она подчеркивала торжество электричества.

Тенденция к механизации и максимально утилитарного использования памятника часто проявляется в конкурсных работах. В технике видели осуществленное будущее, а желание максимально избежать старого и традиционного приводило к желанию авторов использовать своих проектах все возможные современные технологии.

Так, рабочий ленинградского завода Феофанов разработал дополнение к памятнику Ленина. Он предложил использовать при постройке монумента специальный «говорящий аппарат» для воспроизведения выдержек из речей Владимира Ильича, зафиксированных на пластинках. Аппарат должен был быть небольшим и совершенно незаметным, чтобы не нарушать внешний вид¹⁶. Данную идею опубликовали в «Красной газете»¹⁷ в статье под названием: «Говорящий Ленин», однако комиссия по увековечиванию памяти Ленина отклонила эту идею.

Подобное предложение показывает, насколько серьезно люди относились к фигуре Ленина, что не заметили комичность идеи. Автор искренне ее придумал, а репортеры из газеты сочли ее подходящей для публикации. Даже название «Говорящий Ленин», звучащее крайне иронично, было одобрено главным редактором и напечатано. Никто не мог даже допустить мысль о том, что над Владимиром Ильичом можно посмеяться. Лишь члены комиссии по увековечиванию памяти поняли, насколько эта идея спорная, и отклонили ее.

Слесарь Бешенковский предложил построить памятник в виде лестницы из книг, на которой возвышается Ленин. В основе – куб, к которому ведут три ступени, символизирующие три интернационала. Куб украшен барельефами. На одной стороне – изображен рабочий класс с опущенной головой и слабыми мускулами, на второй – К. Маркс указывает путь рабочим, на третьей – они выправляют голову, их мускулатура крепнет, соглашатель щупает бицепс и указывает на книгу. На четвертой стороне рабочие с гордой осанкой и сильными руками. Интересно, что символом укрепления служит книга. Знания буквально насыщают их физической силой, а К. Маркс поспособствовал этому, указав им дорогу.

На кубе – пятиконечная звезда, на которой фигуры рабочего, крестьянина и красноармейца поддерживают земной шар.

¹⁶ Там же. Л. 72–77.

¹⁷ В фонде комиссии сохранился лишь фрагмент газеты – статья, пересланная автором. В нем не содержатся реквизиты на год и номер издания.

Над ними их орудия труда: наковальня, серп со снопом колосьев и порванная цепь. Отметим, что цепь, олицетворяющая разрушение старого мира и революцию, находится именно над красноармейцем. В большинстве проектов этот образ использовали вместе с рабочим, это устоявшаяся в идеологии пара символов. Манифест Коммунистической партии гласил: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей». Как мы видим, эта образность появилась при К. Марксе. Несмотря на идеологический тезис о том, что пролетарии были движущей силой революции, автор использует изображение цепи как орудие именно красноармейца. Подобный отход от пропагандистских догм удивителен, даже вызывающ.

Все описанное выше – лишь постамент для памятника Ленину. На земном шаре возвышается обелиск, вокруг которого, вьются книги – 21 том собрания сочинений Ленина, образуя ступеньки. На вершине лестницы из собственных трудов стоит статуя Владимира Ильича. Путь из книг автор предлагал сделать из матового темного стекла, с пробегающими внутри огнями¹⁸.

Проект Бешенковского был направлен в комиссию по увековечиванию памяти Ленина для получения одобрения перед непосредственно постановкой памятника. Дело в том, что для установки монумента необходимо было разрешение комиссии, поэтому губернские исполкомы отправляли в центр выбранные ими проекты. Так, Тульский исполком направил заявление об утверждении проекта Бешенковского, однако его отклонили, постановив, что в «данном виде памятник нельзя считать удовлетворительным»¹⁹.

В ответ из Тулы было направлено письмо, в котором говорилось, что данный проект был «более-менее подходящим», его утвердили и одобрили тульская комиссия и рабочие завода. А так как монумент отклонили, они будут вынуждены объявить местный конкурс самостоятельно²⁰.

Другой местной инициативой является проект конструктора Луганского патронного завода А. Симонова, присланный в редакцию газеты «Правда». На производстве его идея была отклонена из-за нехватки денежных средств, и сослуживцы уговорили автора отправить свою работу в центр. Проектируемый им памятник представляет собой земной шар, расположенный на постаменте. Он стянут цепями, разбитыми над территорией Советского Союза. Большие города обозначались стеклянными колпачками с электрическими лампочками. Города СССР подсвечивались красным цветом, а другие страны светились разноцветными огнями.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 503. Л. 17–23.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 16.

Шар должен был вращаться вокруг своей оси, а внутри него располагаться библиотека²¹.

Таким образом, говоря о постановке и проектировании памятников Ленину, мы имеем дело не только с несколькими официальными Всесоюзными конкурсами, но и с более мелкими, местными. Когда Владимира Ильича не стало, многие фабрики и заводы пожелали иметь свой собственный монумент. Первые из них начали возникать стихийно – без каких-либо условий, конкурсов и официальных утверждений. Просто местный умелец создавал памятник на свой вкус.

Памятники, созданные рабочими

В советской историографии принято считать, что первый памятник Ленину был открыт на Глуховской хлопчатобумажной фабрике в Богословске²². Открытие состоялось 22 января 1924 г., в день, когда стало известно о смерти Владимира Ильича. «Рабочая Москва» так описывала это событие: «Мы готовились ко дню Кровавого Воскресенья, открытию статуи т. Ленина. 6000 рабочих, работниц и служащих к 2 часам дня собирались на площадь против статуи. Митинг открылся. Когда рабочие услышали, что только что получена телеграмма о смерти Ильича, по рядам раздался стон»²³.

Создал памятник рабочий фабрики П. Кузнецов. На постаменте, украшенном барельефами с изображениями шахтера, ткачихи и крестьянки, возвышалась скульптура Владимира Ильича в полный рост. Столь необычный выбор персонажей объясняется не только тем, что в хлопчатобумажном производстве крестьянки, вырастившие сырье, и ткачихи, создавшие из него готовые изделия, играют важную роль, но и тем, что это один из первых образцов монументов и определенный скульптурно-идеологический канон еще не был выработан.

Другой памятник был воздвигнут изо льда в городе Кременчуге. Грузчики, заготавливавшие лед, создали из него постамент, который украсили фотографиями и лозунгами. На него торжественно водрузили бюст Ленина. Опасаясь, как бы он не упал, рабочие застелили собственными полуушубками всю площадь вокруг пьедестала, однако их опасения были напрасны²⁴.

²¹ Там же. Д. 567. Л. 15–17.

²² Первый памятник был возведен в Коротояке Воронежской губернии в 1918 г.

²³ Рабочая Москва. 1924. 24 янв. № 19 (583).

²⁴ Рабочая газета. 1924. 11 марта. № 59 (605).

Также «Рабочая газета» опубликовала временный памятник Ленину в Златоусте. Он представлял собой обелиск, обтянутый черной траурной тканью и украшенный сверху красной звездой. На нем был расположен небольшой портрет, обрамленный лавровым венком и годы жизни Владимира Ильича²⁵.

Заключение

Народный творческий порыв был приостановлен 27 июня 1924 г. декретом ЦИК «О порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т. п. с изображениями В.И. Ленина». Он гласил: «В обращении появилось большое количество бюстов, барельефов, живописных портретов, рисунков, фотомонтажа и других изображений В.И. Ульянова-Ленина, во многих случаях, не имеющих с ним почти никакого сходства»²⁶. Для решения сложившейся проблемы ЦИК постановил запретить тиражирование, продажу и выставление для публичного осмотра подобных изображений без разрешения комиссии поувековечиванию памяти. Так, постановка памятников стала возможна лишь после их предварительного утверждения.

В возведении монументов отразилась искренняя народная любовь к Владимиру Ильичу. Люди стремились внести свой вклад в увековечивание его памяти – одни создавали памятники своими силами, другие – проектировали их, а третьи – запрашивали центр прислать готовое и утвержденное произведение. Так или иначе, инициатива часто исходила от масс, пожелавших иметь в своем городе или на территории завода монумент – символ революции и светлого будущего.

Литература

- Алексеев 2005 – Алексеев Е.П. Провинциальный монументализм: первые памятники В.И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 142–161.
- Брянцев 2022 – Брянцев М.В. «А хороший человек был Ленин, кто-то теперь?»: Реакция населения на смерть В.И. Ленина // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 242–256.

²⁵ Там же. 15 марта. № 62 (608).

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1924 г. № 76. Отдел первый. М. [Б. г.] Ст. 768. С. 1060–1061.

- Гайдай, Любарец 2016 – Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 28–41.
- Петренко, Блинов 2016 – Петренко С.Д., Блинов Е.Н. Иконография Ленина в памятниках г. Новосибирска // Региональные архитектурно-художественные школы. 2016. № 1. С. 501–506.
- Тумаркин 1999 – Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999. 285 с.
- Хамитова 2021 – Хамитова К.А. Мавзолей без Ленина: Коммеморативные практики в провинциальном городе 1920-х гг. (на примере Челябинска) // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. Вып. 4: Сб. материалов Всероссийской конференции молодых ученых “Neo classical Scholar”, Челябинск, 29 сентября 2020 г. Челябинск, 2021. С. 70–72.
- Эннкер 2011 – Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.

References

- Alekseev, E.P. (2005), “Provincial monumentalism. The first monuments to V.I. Lenin in the Urals in 1924–1926”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 35, pp. 142–161.
- Bryantsev, M.V. (2022), “Such a good man Lenin was, and who now?”: Reaction of the population to the death of V. I. Lenin”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 242–256.
- Ennker, B. (2011), *Formirovaniye kul'ta Lenina v Sovetskem Soyuze* [Generation of the Lenin cult in the Soviet Union], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Gaidai, A.Yu. and Lyubarets, A.V. (2016), “‘Lenin fall’. Getting rid of the past as a way to construct the future (based on the materials from Dnepropetrovsk, Zaporozhye and Kharkov)”, *Perm University Herald. History*, vol. 33, no. 2, pp. 28–41.
- Khamitova, K.A. (2021), “Mausoleum without Lenin. Commemorative practices in a provincial city of the 1920s (on the example of Chelyabinsk)”, in *Gumanitarnye issledovaniya molodykh uchenykh Yuzhnogo Urala. Vypusk 4: Sbornik materialov Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh “Neo classical Scholar”*, Chelyabinsk, 29 sentyabrya 2020 g. [Humanitarian research of young scientists of the Southern Urals, iss. 4. Proceedings of the All-Russian conference of young scientists “Neoclassical Scholar”, Chelyabinsk, 29 Sept. 2020], Chelyabinsk, Russia, pp. 70–72.
- Petrenko, S.D. and Blinov, E.N. (2016), “Lenin's iconography in the Novosibirsk monuments”, *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly*, no. 1, pp. 501–506.
- Tumarkin, N. (1999), *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Эмилия В. Клоос, аспирант, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; milka.mm752@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6688-3844

Information about the author

Emilia V. Kloos, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; milka.mm752@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6688-3844

Официальный дискурс советской истории: 1920-е – первая половина 1980-х гг.

Александр Б. Безбородов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ab-bezborodov@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе использования значительного комплекса опубликованных источников рассмотрены основные подходы официальных властных структур к осмыслиению и репрезентации советского прошлого.

В первой половине 1930-х гг. Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров с особым вниманием отнеслись к проблеме повышения уровня исторического образования сначала в Коммунистической академии, а затем в школах страны. Идеологической «вершиной»исканий в оценке советского периода истории стал вышедший в 1938 г. Краткий курс истории ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны все идеологические конструкции партийно-государственного аппарата, касающиеся советской тематики, прошли проверку на прочность.

После смерти И.В. Сталина уже на XX съезде КПСС с учетом имеющегося исторического опыта были сделаны важные теоретические выводы о превращении социализма в мировую систему, возможности предотвращения мировой войны и др.

В дальнейшем партийный дискурс советской истории выстраивался с учетом тезиса о вступлении Советского Союза в период развернутого строительства коммунистического общества. Однако данная стратегия, изложенная в третьей Программе партии, так и осталась нереализованной.

Это во многом обусловило разработку и широкую пропаганду в советском обществе 1970-х гг. концепции развитого социализма. В статье проанализированы документы, в которых давались ее характеристики. Но развитие страны с годами деградировало, поэтому после смерти Л.И. Брежнева данная концепция была удалена из официального политического дискурса.

Ключевые слова: официальный дискурс, советская история, РКП(б), ВКП(б), КПСС, советский исторический опыт, социализм, развитой социализм, коммунизм

Статья поступила в редакцию 2 мая 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Безбородов А.Б. Официальный дискурс советской истории: 1920-е – первая половина 1980-х гг. // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 54–67. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-54-67

Official discourse of Soviet history. The 1920s – the first half of the 1980s

Aleksandr B. Bezborodov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ab-bezborodov@yandex.ru*

Abstract. Basing on the use of a substantial set of published sources, the article considers the major approaches of the official power structures to understanding and representing the Soviet past.

In the first half of the 1930s, the Party Central Committee and the Council of People's Commissars paid a special attention to the issue of upgrading historical education, first in the Communist Academy and then in the country's schools. It was *The History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course*, published in 1938, that turned out to be the ideological "peak" of the research in assessing the Soviet period of history.

During the Great Patriotic War, all the ideological constructions of the party and state apparatus, pertaining to the Soviet subject matter, passed the strength test.

After Stalin's death, already at the 20th Congress of the USSR Communist Party, important theoretical conclusions, based on historical experience, were drawn on the transformation of socialism into a world system, the possibility of preventing world wars, and others.

Later, the Party discourse of Soviet history was built up with regard to the thesis about the entry of the Soviet Union into the period of the extensive construction of a communist society. However, that strategy set out in the third-Party Program has never been implemented.

That largely determined the elaboration and widespread propaganda of the developed socialism concept in the Soviet society of the 1970s. The article analyses the documents which characterize the concept. Since the country's development has degraded over the years, after L.I. Brezhnev's death that concept was removed from the official political discourse.

Keywords: official discourse, Soviet history, Russian Communist Party (Bolsheviks), All-Union Communist Party (Bolsheviks), Communist Party of the USSR, Soviet historical experience, socialism, developed socialism, communism

The article was submitted for publication 02.05. 2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Bezborodov, A. B. (2025), "Official discourse of Soviet history. The 1920s – the first half of the 1980s", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 54–67, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-54-67

Введение

Оценки властей советской действительности, истории СССР имеют принципиальное значение для осмыслиения советского исторического опыта [Зернов 2015, с. 355]. Властный дискурс советской истории состоит из нескольких рубежного характера событий, ставших вехами в области оценок советского прошлого и настоящего. Это – выход в свет «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»; решения XX съезда КПСС; идеино-политические сдвиги в исторической науке эпохи перестройки; смена многих конструкций научной парадигмы советского историописания в 1990–2020-е гг.

Обращение к советской истории в 1920–1940-е гг.

На протяжении 1920 – первой половины 1980-х гг. партия твердо оперировала определенным набором характеристик и логических построений относительно советской истории. Об этом периоде и пойдет речь в статье.

Уже в апреле 1923 г. РКП(б) на XII съезде заявила о своей диктатуре и утверждала, что не может ограничиваться только пропагандой и агитацией¹.

В последующие 1930-е гг. советская история, включая партийную, разрабатывалась преимущественно в системе политического просвещения, идеологической сфере и образовательной области².

¹ См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Москва. 17–25 апреля 1923 г.: Резолюции съезда: По отчету ЦК РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986) (далее – КПСС в резолюциях и решениях...). Т. 3: 1922–1925. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. С. 53.

² См.: Из выступления И.В. Сталина, 27 сентября 1938 г. // «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история: В 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия. Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 428–431.

В первой половине 1930-х гг. ЦК партии и союзный Совнарком обратили внимание на уровень исторического образования сначала в Комакадемии, а затем в школах страны.

Научно-исследовательскую работу в Комакадемии обязали вести, выдвинув на первый план изучение «текущих задач партии и пролетариата», задач «выполнения пятилетки в четыре года на основе реконструкции всего народного хозяйства», культурной революции и «в целом классовой борьбы мирового пролетариата на данном этапе»³.

Учебные программы начальной и средней школы партия критиковала за «недостаточность исторического подхода» в программах по общественным предметам: обществоведению, русскому языку и литературе, географии. Предлагалось шире отражать историческое развитие народов СССР, отмечая при этом значимость краеведения страны⁴.

Неудовлетворительным признавалось и преподавание истории в школах Советского Союза. Указывалось на отвлеченный, схематический характер учебников по гражданской истории и самого учебного процесса. Не приветствовалось «абстрактное определение общественно-экономических формаций». Вместо такого рода «отвлеченных социологических схем» предлагалось «соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»⁵.

Подобный курс, демонстрировавший учащимся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, по мнению авторов директивного документа, только и давал школьнику возможность приблизиться к марксистскому пониманию истории⁶.

³ Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. «О работе Комакадемии» // КПСС в резолюциях и решении... Т. 5: 1929–1932. М.: Политиздат, 1984. С. 267.

⁴ См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ № 113. URL: <https://istmat.org/node/57330?ysclid=mb4zf0rw8499641098> (дата обращения: 18.04.2025).

⁵ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая. № 113. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204> (дата обращения: 18.04.2025).

⁶ Там же.

Венцом идеологических исканий в оценке советского периода истории стал вышедший в 1938 г. Краткий курс истории ВКП(б). В книге, предназначеннной для руководящих кадров партии, содержится обращение к историческому опыту ВКП(б). Во введении читаем: «Изучение истории ВКП(б) укрепляет уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина – Сталина, победе коммунизма во всем мире»⁷. И.В. Сталин подчеркивал особый интерес авторов работы к теоретическим вопросам⁸.

Хотя руководитель страны и называл Краткий курс учебником, данное идеологическое произведение не без его активного участия вскоре превратилось в квинтэссенцию сталинизма [Афанасьев 1996, с. 28].

XVIII съезд партии в марте 1939 г. констатировал безраздельное господство в стране социалистических форм хозяйства, социалистической собственности и организации труда, соединив при этом необходимый рост коммунистической сознательности со значительным повышением роли советской интеллигенции⁹. Именно ей, очевидно, планировалось доверить проведение в жизнь установок «Краткого курса».

Великая Отечественная война проверила на прочность идеологические конструкции партийно-государственного аппарата. Помимо советских символов в борьбе с врагом активно использовались события далекой истории и персоналии – «мужественный образ наших великих предков». Включение советской исторической тематики (ленинской, революционной, связанной со строительством социализма и др.) сыграло большую мобилизующую роль в 1941–1945 гг.

После окончания войны для партии представлялись актуальные вопросы, касающиеся улучшения преподавания общественных наук в вузах. Преподаватели марксизма-ленинизма подверглись критике за то, что, по мнению ЦК, не раскрывали причин применения ВКП(б) новых лозунгов и изменений партийной тактики¹⁰.

⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б). 1938 г. М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 4.

⁸ См.: Из выступления И.В. Сталина, 27 сентября 1938 г. С. 429.

⁹ См.: Восемнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 10–21 марта 1939 г.: План дальнейшего повышения материального и культурного уровня трудаящихся в третьей пятилетке // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 79.

¹⁰ См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 6 августа 1951 г. «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях» //

*Смерть И.В. Сталина.
Теоретические новации XX съезда КПСС*

Смерть И.В. Сталина положила начало крупным изменениям в теоретических установках партии [Елисеева 2001]. Уже на XX съезде КПСС констатировались превращение социализма в мировую систему; распад «колониальной системы империализма»; отсутствие «фатальной неизбежности войны»; возможность мирного сосуществования двух систем; предотвращения мировой войны; разнообразие форм перехода различных стран к социализму¹¹.

На основе этих выводов съезд подверг ревизии советский исторический опыт революционного действия, заявив, что рабочий класс вместе с крестьянством, интеллигенцией и патриотическими силами, нейтрализуя «оппортунистические элементы», «имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»¹².

На XX съезде, в принятых после него документах в политический лексикон был введен термин «культ личности». Он не только характеризовал деятельность И.В. Сталина, черты его политического стиля, но и воплощал содержание целого периода советской истории – 1930–1940-х и начала 1950-х гг.

Термин «культ личности» ни тогда, ни впоследствии не стал предметом глубокого осмысления, оставшись достаточно конъюнктурной конструкцией. Известное постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. указывало на серьезные ошибки в связи с культом личности, которые были допущены в последний период жизни вождя¹³. Почекум авторы этого документа обратили внимание только на данный период жизни И.В. Сталина, так и осталось непонятным [Таубман 2008, с. 256].

КПСС в резолюциях и решениях... Т. 8: 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. С. 245–246.

¹¹ Двадцатый съезд КПСС. Москва, 14–25 февраля 1956 г.: Резолюции и постановления съезда по Отчетному докладу // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9: 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. С. 9–14.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. С. 114.

В дальнейшем партийный дискурс советской истории строился на основе тезиса о вступлении страны в период развернутого строительства коммунистического общества¹⁴.

Третья Программа КПСС и перспективы коммунистического строительства

В третьей Программе КПСС (принята на XXII съезде партии в 1961 г.), куда включили данный тезис, раскрывалось содержание советского исторического опыта. В этой связи утверждалось, что к социализму народы могут прийти только в результате социалистической революции и проведения политики диктатуры пролетариата. Говорилось об эффективности социалистической экономики и исторической миссии рабочего класса в союзе с непролетарскими трудящимися массами. В программном документе подчеркивалось, что основную роль в социалистических преобразованиях играет социалистическое государство, которое является гарантом безопасности страны и успешного национального строительства в ней. Коммунистической партии, ставшей партией всего народа¹⁵, отводилась решающая роль в создании и развитии социалистического общества¹⁶. В то же время в Программе КПСС содержалось положение о неизбежном отмирании государства в исторической перспективе¹⁷.

Поэтому именно для партии, а не государства в качестве главной экономической задачи определили создание в течение двух десятилетий материально-технической базы коммунизма¹⁸. В Программу внесли экономические ориентиры движения Советского Союза к коммунизму, пытаясь сопоставлять собственные перспективные показатели с достижениями США¹⁹.

Кроме политического конфуза такая стратегия ни через 10, ни через 20 лет ничего не дала нашей стране.

¹⁴ См.: Постановление ЦК КПСС от 8 февраля 1960 г. «О 90-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 9. С. 513.

¹⁵ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята на XXII съезде КПСС // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 10: 1961–1965. С. 180.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 161.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ Там же. С. 127–130.

Решения XXII съезда КПСС в части построения в СССР коммунистического общества – яркое свидетельство того, как неглубоко проанализированный опыт Коммунистической партии и Советского государства не позволил выстроить реалистическую стратегию развития СССР на годы вперед [Огрызко 2024, с. 377].

Разрабатывая методологические вопросы истории, АН СССР уже в те годы, учитывая 20-летние задачи партии по строительству в основном коммунистического общества в Советском Союзе, обратила внимание на возможность научной периодизации исторического процесса с точки зрения соотношения между понятиями «формация» – «историческая эпоха» – «исторический этап» и др.²⁰

Брежневское руководство внесло новые элементы, а также корректизы в официальный дискурс советской истории. Во-первых, стало уделяться больше внимания собственно общественным наукам. Во-вторых, увидели свет объемные, достаточно проработанные партийные документы, на которые КПСС опиралась в своей агитационно-пропагандистской, идеологической и теоретической работе. Они были связаны с юбилейными датами – 50- и 60-летием Октябрьской революции, 100-летием со дня рождения В.И. Ленина, 50- и 60-летием образования СССР, – касались принятия в 1977 г. Конституции СССР. Освещение вопросов современной отечественной истории нашло отражение в материалах XXIV–XXVI съездов КПСС. В-третьих, целый ряд политических положений и выводов были сформулированы в ответ на события во внешней политике Советского Союза и международном коммунистическом движении. В-четвертых, с начала 1970-х и до начала 1980-х гг. на официальном уровне обозначилось подавляющее доминирование концепции развитого социализма.

Вторая половина 1960-х гг. отмечена бурными событиями в мире. Нередко в странах развертывались широкие социальные протесты. Выступления молодежи на Западе носили революционный характер. Социалистические государства подверглись серьезным испытаниям, многие теоретические установки коммунистов требовали обновления. Однако КПСС и ее союзники явно запаздывали в теоретическом осмыслении нового этапа научно-технической революции и его социальных последствий. Препятствовало сталинское идеино-теоретические наследие.

²⁰ См.: Постановление Президиума АН СССР № 604 от 18 октября 1963 г. «О разработке методологических проблем естествознания и общественных наук. АН СССР. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/ПОСТАНОВЛЕНИЕ-ПРЕЗИДИУМА-АКАДЕМИИ-НАУК-СССР-СЕКЦИЯ-ОБЩЕСТВЕННЫХ-НАУК?ysclid=mb6ejlbo9f717527939> (дата обращения: 18.04.2025).

1967 год – особый период для советских властей. Планировалось широко отметить 50-летие Октябрьской революции. При этом представлялось важным блокировать и свести на нет творческие выступления фронтонирующей гуманитарной интеллигенции [Кара-Мурза 2008, с. 1034]. В марте 1967 г. Секретариат ЦК КПСС поручил Комитету партийного контроля при ЦК КПСС провести партийное расследование обстоятельств, связанных с обсуждением книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Расследование также касалось передачи «Краткой записи» (обсуждения) данной книги за границу²¹. Содержание работы А.М. Некрича значительно отличалось от официальных трактовок: в ней говорилось, по существу, о неготовности Советского Союза к войне. В результате автора подвергли преследованиям.

В июле того же года ученый Ж.А. Медведев и другие инакомыслящие попали в поле зрения КГБ при Совете Министров по поводу изготовления ими машинописных копий неопубликованного романа А.И. Солженицына «В круге первом» (о марфинской спецтюрьме МВД – МГБ)²².

Осенью 1967 г. в ЦК КПСС дали отрицательную оценку произведению Р.А. Медведева «Перед судом истории» (о культе личности И.В. Сталина и репрессиях в Советском Союзе). И здесь не обошлось без санкций против автора²³.

В 1968 г. советская история писалась под знаком острого политического кризиса в Чехословакии и ввода в эту страну войск участников Варшавского договора. Вновь у властей беспокойство вызывало произведение Р.А. Медведева «Перед судом истории», а также публицистическая деятельность А.Д. Сахарова²⁴, в которой отражался поиск путей развития человечества в условиях меняющегося мира 1960-х гг. (его труд «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»).

Чехословацкие события 1968–1969 гг. и их последствия для мирового коммунистического движения, резкое обострение советско-китайских отношений в 1969 г. стали очевидными свидетельствами кризиса не только взаимоотношений внутри

²¹ См.: Архивы Кремля и Старой площади: Документы по «делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС» / сост. И.И. Кудрявцев; под ред. В.П. Козлова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. С. 61.

²² Там же. С. 62.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 65.

ряда социалистических стран, но и отечественной версии марксистско-ленинского толкования советской истории.

Разработка и пропаганда концепции развитого социализма

Осознание этих фактов вызвало активизацию усилий идеологов КПСС в 1970-е гг. Их новацией стала концепция развитого социализма. История разработки данной концепции в целях усиления идеологической и идейно-теоретической деятельности партии весьма показательна. В партийных документах, увидевших свет между XXIII и XXIV съездами КПСС, не содержалось ничего теоретически нового.

Отмечая историческое значение построения социализма в СССР²⁵, разработчики партийных документов продолжали говорить о коммунистической перспективе СССР²⁶ и функционировании в нем общенародного государства²⁷.

Обращаясь к содержанию публикаций по общественным наукам, ЦК КПСС призывал их авторов в первую очередь совершенствовать идейную сторону трудов, а затем уже научную²⁸.

«Ленинские» тезисы опубликованы в период обострения международной обстановки (чехословацкий кризис, советско-китайский вооруженный конфликт), но прямых упоминаний этих событий не содержали. А чтобы не усиливать позиций идеологических противников, критику культа личности И.В. Сталина обязали давать дозированно²⁹.

²⁵ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы Центрального Комитета КПСС. 25 июня 1967 г. // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11: 1966–1970. М.: Политиздат, 1986. С. 201–202.

²⁶ Там же. С. 202; См. также: К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Опубликованы в газете «Правда» 23 декабря 1969 г. // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. С. 511.

²⁷ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. С. 212; К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. С. 487.

²⁸ См.: Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 11. С. 250.

²⁹ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. С. 489.

Немаловажно отметить стремление партийных историков в 1983 г. исказить в сторону увеличения «возраст» самой концепции развитого социализма. Так, в Справочнике «КПСС» написано: «Большую и многогранную работу, отмечалось на съезде (XXIV. – А. Б.), партия проводила по дальнейшему укреплению Советского государства и совершенствованию всей политической организации общества развитого социализма»³⁰.

В Отчетном докладе XXIV съезду партии Л.И. Брежнев сформулировал принципиально другую по смыслу фразу: «Партия провела в течение отчетного периода значительную и весьма разностороннюю работу по дальнейшему укреплению Советского государства и совершенствованию всей политической организации нашего общества»³¹.

Впервые факт наличия развитого социалистического общества в СССР и его развернутая характеристика даны в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» от 21 февраля 1972 г. Экономика развитого социализма в союзном масштабе определялась как взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. При развитом социализме социальная структура общества в целом и каждой нации и народности в отдельности однотипна. Союзная государственность и национальная государственность республик развиваются на одинаковых принципах в качестве единого целого. Культуры советских наций и народностей сближаются, взаимосвязь между ними расстет. Усиливается интернационализация всего уклада жизни народов. Национальные особенности населения республик сочетаются с общесоветскими чертами и традициями³².

Утверждалось, что в СССР за годы социалистического и коммунистического строительства возникла новая историческая общность людей – советский народ³³.

³⁰ КПСС: Справочник. 5-е изд., доп. и перераб. / рук. авт. кол. Д.И. Антонюк. М.: Политиздат, 1983. С. 327.

³¹ Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза: Доклад Генерального секретаря Л.И. Брежнева, 30 марта 1971 г. // Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. С. 77.

³² См.: Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 12: 1971–1975. М.: Политиздат. С. 192–193.

³³ См.: Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». С. 193.

Последующие партийные документы констатировали, что развитой социализм – главный итог движения страны вперед в предшествующие годы³⁴. Кроме того, указывалось, что развитое социалистическое общество – это закономерный этап в становлении коммунизма³⁵, когда социализм, развиваясь на собственной основе, раскрывает свою гуманистическую сущность и инновационный научно-технический потенциал³⁶.

Впервые приводилось свидетельство того, что эта концепция – результат коллективных усилий КПСС и других коммунистических и рабочих партий³⁷.

Утверждалось, что она определила движение Советского Союза «на ближайшие годы и более длительную историческую перспективу»³⁸.

Заключение

Названные политические наработки были учтены при написании новой советской Конституции 1977 г. В ней развитое социалистическое общество описывалось терминами в превосходной степени. Ему якобы присущи «могучие производительные силы», «передовая наука и культура», «зрелые социалистические общественные отношения», «высокая организованность, идейность и сознательность трудящихся», «подлинная демократия»³⁹.

Именно тогда в Основном законе СССР появилась ст. 6: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и обще-

³⁴ См.: Постановление ЦК КПСС от 4 апреля 1973 г. «О 70-летии II съезда РСДРП» (изложение) // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 12. С. 350; Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13: 1976–1980. М.: Политиздат, 1987. С. 164.

³⁵ См.: Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». С. 164.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 164–165.

³⁹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=mbas3dgbwa440006534 (дата обращения: 18.04.2025).

ственных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»⁴⁰.

В статье Л.И. Брежнева, рассчитанной на зарубежную аудиторию, повторялись тезисы о новой исторической общности – советском народе; общенародном социалистическом государстве; обязательности зрелого, развитого социализма на пути от капитализма к коммунизму⁴¹. Говорилось и о том, что это будет относительно длительный этап развития⁴².

Перед общественными науками ставилась, в частности, повторяющаяся от съезда партии к съезду задача исследования теоретических вопросов развитого социализма⁴³. При этом такой тип социализма объявлялся закономерной ступенью в движении к коммунизму⁴⁴.

В 1982 г. умер Л.И. Брежнев. Во главе страны встал Ю.В. Андропов, которому, в отличие от его предшественника, был присущ более критический взгляд на недалекое советское прошлое [Зубок 2023, с. 558], включая всю 10-летнюю историю утверждения в политике и идеологии концепции развитого социализма.

Литература

- Афанасьев 1996 – *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ. 1996. С. 7–41.
- Елисеева 2001 – *Елисеева Н.В.* Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. 2001. № 2. С. 93–105.
- Зернов 2015 – *Зернов И.Н.* Марксизм и ленинизм в России: Взгляд из XXI века. М.: Алгоритм, 2015. 368 с.
- Зубок 2023 – *Зубок В.М.* Коллапс: Гибель Советского Союза. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. 656 с.
- Кара-Мурза 2008 – *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 1200 с.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. *Брежнев Л.И.* Исторический рубеж на пути к коммунизму. М.: Политиздат, 1977. С. 10–11.

⁴² Там же. С. 11.

⁴³ См.: Двадцать пятый съезд КПСС. Москва. 24 февраля – 5 марта 1976 г.: Резолюции и постановления съезда // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 13. С. 64; Двадцать шестой съезд КПСС. Москва. 23 февраля – 3 марта 1981 г. // КПСС в резолюциях и решениях... Т. 14: 1981–1984. М.: Политиздат. 1987. С. 53.

⁴⁴ См.: Двадцать пятый съезд КПСС... С. 64.

- Огрызко 2024 – *Огрызко В.В.* Михаил Суслов: У руля идеологии. М.: АФК «Система»: Вече, 2024. 560 с.
- Таубман 2008 – *Taubman У.* Хрущёв. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 650 с.; ил.

References

- Afanas'ev, Yu.N. (1996), “Phenomenon of Soviet historiography”, in Afanasyev, Yu.N., ed., *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet historiography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 7–41.
- Eliseeva, N.V. (2001), “The Soviet past. Starting the revaluation”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, pp. 93–105.
- Kara-Murza, S.G. (2008), *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization], Algorithm, Eksmo, Moscow, Russia.
- Ogryzko, V.V. (2024), *Mikhail Suslov: U rulya ideologii* [Michail Suslov. At the helm of ideology], AFK “Systema”, Veche, Moscow, Russia.
- Taubman, U. (2008), *Khrushchev* [Khrushchev], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Zernov, I.N. (2015), *Marksizm i leninizm v Rossii: Vzglyad iz XXI veka* [Marxism and Leninism in Russia. A view from the 21st century], Algoritm, Moscow, Russia.
- Zubok, V.M. (2023), *Kollaps: Gibel' Sovetskogo Soyuza* [Collapse. Demise of the Soviet Union], AST, OGIZ, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр Б. Безбородов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ab-bezborodov@yandex.ru

ORCID ID0000-0003-3226-0520

Information about the author

Aleksandr B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ab-bezborodov@yandex.ru

ORCID ID 0000-0003-3226-0520

Всеобщая история

УДК 929.5(37)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Генеалогия и история в римской Республике

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются легендарные генеалогии римских аристократических родов, среди которых наиболее политически значимым в эпоху Республики был клан Фабиев. Одна из генеалогий возводит происхождение рода к Геркулесу и обеспечивает ему божественное происхождение, другая представляет Фабиев как товарищей Рема и связывает их с древнейшим празднеством Луперкалий и с основанием Рима. Поначалу обе родословные не имели точек соприкосновения и развивались независимо друг от друга, пока различные их детали не перестали восприниматься в сочинениях авторов поздней античности как части самостоятельных рассказов. Происхождение Фабиев от Геркулеса рассматривается в статье на фоне генеалогий других римских аристократических родов, которые вели свое происхождение от троянских и греческих героев и от богов. Известно, что в I в. до н. э. появляются литературно оформленные генеалогии представителей римского политического класса, однако начало этого процесса мы можем отнести к более раннему времени – рубежу IV–III вв. до н. э. Фабии имели своего историографа – Квинта Фабия Пиктора, который приложил немало усилий, чтобы представить деяния своих предков в наиболее благоприятном свете. Однако несправедливо делать его ответственным за воссоздание всей истории клана с древнейших времен. Для Фабиев создание легенды об их происхождении от Геркулеса началось в конце IV в. до н. э. и связано с деятельностью Квинта Фабия Руллиана. К этому же времени относится и рождение легенды о Фабиях как товарищах Рема, которая связала их с основанием Рима.

Ключевые слова: легендарные генеалогии, Фабии, Геркулес, Луперкалии, основание Рима, Ромул и Рем, Фабий Пиктор, Квинт Фабий Руллиан

Статья поступила в редакцию 18 марта 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Сидорович О.В., 2025

Для цитирования: Сидорович О.В. Генеалогия и история в римской Республике // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 68–89. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Genealogy and history during the Roman Republic

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, varro52@mail.ru*

Abstract. The article deals with the legendary genealogies of the Roman aristocratic families. Among them the Fabii were the prominent clan in the political life of the Roman Republic. One of their genealogies goes back to Hercules and guarantees them a divine origin, the other presents them as the companions of Remus and connects the family with the most ancient festival of Lupercalia and the foundation of Rome. Both genealogies at first had nothing in common and developed irrespective of each other until their separate details stopped being interpreted as parts of independent tales in the works of Late Antiquity authors. The origin of the Fabii from Hercules is considered in the paper against the background of the other Roman families' genealogies, which go back to the Trojan and Greek heroes and the Gods. It is well known that in the I century B.C. there came into being the literary genealogies of the families belonged to the Roman political class, but the starting point of that process goes back to the earlier period, namely, the end of the 4th – beginning of the 2nd century B.C. The Fabii had their own historian – Quintus Fabius Pictor, who made efforts in order to present his ancestors' activities in the most favourable way. But it is unfair to make him responsible for the reconstruction of his family history from the ancient times. The composition of the legend about Hercules as the forefather of the Fabii was launched at the end of the IV century B.C. and was connected with the political activity of Quintus Fabius Rullianus. To that very time we can also refer the birth of the legend which connects the Fabii with Remus and with the Rome's foundation tale.

Keywords: legendary genealogies, Fabii, Hercules, Lupercalia, foundation of Rome, Romulus and Remus, Fabius Pictor, Quintus Fabius Rullianus

The article was submitted for publication 18.03.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Sidorovich, O.V. (2025), “Genealogy and history during the Roman Republic”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 68–89, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-68-89

Введение

Род Фабиев оставил заметный след в истории республиканского Рима. С первого своего появления в исторической традиции Фабии занимали первенствующее положение и были частью политической и военной элиты Рима. Поэтому несомненный интерес представляют свидетельства античных авторов, связывающие род Фабиев с началом Рима, точнее со временем до основания самого города, когда братья-близнецы, Ромул и Рем, вели пастушеский образ жизни.

Дионисий Галикарнасский подробно рассказывает историю близнецов Ромула и Рема, последнего он называет Ромом, следуя своим предшественникам – греческим авторам, писавшим об основании Рима начиная с V в. до н. э.¹ Братья, воспитанные пастухом, часто конфликтовали с соседями из-за пастбищ. В конце концов это завершилось организацией на них засады, но удар принял на себя Ром и был схвачен пастухами², тогда как Ромул в это время отбыл в Ценинус для совершения священнодействий. Эта версия, по замечанию Дионисия (1.79.4), основана на рассказах Фабия Пиктора и тех авторов, которые следовали ему – Луция Цинция, Порция Катона, Кальпурния Пизона и многих других. Значит, в версии Фабия Пиктора брат Ромула назывался Ромом, в соответствии с греческой традицией, которая не связывала этот эпизод биографии братьев с их участием в празднике Луперкалий, ведь священнодействия, в которых принимал участие Ромул, не названы. Связь священнодействий с Луперкалиями устанавливает только Элий Туберон (первая треть I в. до н. э.), версию которого также приводит Дионисий (1.80.1). В этом случае братья вместе участвуют в священнодействиях (точнее в беге вокруг Палатина)³, причем первенство принадлежит отряду

¹ Среди греческих авторов, упоминавших об основании Рима, Дионисий (1.72.2) называет Гелланика Лесбосского, автора сочинения по истории жриц Аргоса (*Dionys.* 1.22.3), и его ученика Дамаста Сигейского (2-я половина V в. до н. э.). Однако наиболее подробно историю Рима от основания города до 264 г. до н. э. изложил Тимей Сицилийский. О его роли в становлении римской историографии см.: Коптев А.В. Тимей из Тавромени и Рим в контексте глобализации античного Средиземноморья // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2007. Вып. 6. С. 89–127.

² *Dionys.* 1.79.12-14.

³ А. Мичелл высказала предположение, что путь луперков пролегал через долину Форума: *Michels A.K. Topography and interpretation of Lupercalia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 1953. Vol. 84. P. 48.

во главе с Ромом⁴. Но в результате пленены были оба брата. Далее Дионисий (1.80.3) вновь переключается на рассказ Фабия Пиктора, из которого следует, что в руках врагов оказался только Ром, его же в оковах привели в Альбу, а Ромул пришел ему на выручку. Следовательно, устойчивая связь близнецов с Луперкалиями встречается только в римской версии легенды⁵, с которой Дионисий познакомился в сочинении Элия Туберона. В ней Ром играет более важную роль в священнодействиях по сравнению с Ромулом. Такая ситуация выглядит нетипичной в сравнении с канонической версией рассказа, изложенной Ливием, в которой братья вплоть до основания города действовали во всем сообща как равноправные партнеры. Собранные Дионисием рассказы различных авторов наглядно демонстрируют тот факт, что не существовало единой и общепринятой истории Ромула и Рема: она представляла собой ряд различных, иногда несовместимых версий рассказа, частью которого было повествование о молодых годах близнецов.

Позже к периоду пастушеской жизни братьев обратился Овидий. Первое, что следует отметить – товарищеские отношения Фабиев с братом-близнецом Ромула Ремом. Овидий (Fast. 2.359-380) объясняет присутствие Фабиев в окружении Рема их совместным участием в ритуалах, сопровождавших празднование Луперкалий. Бег двух команд обнаженных юношей, который является центральным событием Луперкалий, представлен как ритуальное состязание участников празднества. В поисках «латинских» (то есть местных) причин для объяснения наготы луперков поэт переносит читателя в юные годы братьев, которые постоянно соперничали друг с другом. В этом соперничестве Фабии находились на стороне Рема, а Ромул вместе со своими сторонниками Квинтилиями представлен как неудачник⁶. Неудачи преследуют Ромула и во время совершения жертвоприношений, которыми сопровождаются Луперкалии⁷: первыми у столов с жертвенным мясом

⁴ Дионисий (1.80.2) говорит о трех отрядах луперков, т. е. передает известную ему ситуацию I в. до н. э., когда при Юлии Цезаре число отрядов луперков увеличилось с двух до трех.

⁵ Ливий (1.5.3) лишь пунктиром обозначил связь братьев с Луперкалиями, ограничившись замечанием о юношах, увлеченных праздничной игрой (*huius deditis ludicra cum sollempne notum esset insidiatos ob iram praede amissae latrones ...*).

⁶ Ovid. Fast. 2.376.

⁷ Античные авторы связывали культ луперков с различными божествами. Перечень источников приведен в кн.: Жреческие коллегии в раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001. С. 251. Согласно Овидию (Fast. 2.361)

оказались Рем и Фабии, которым это мясо и досталось, а Ромулу пришлось довольствоваться лишь костями жертвенного животного. Таким образом, Овидий принимает связь близнецов с Луперкалиями, подчеркивает главенство в них Рема, в окружении которого появляются Фабии.

Основная часть

Прежде всего обращает на себя внимание сам факт появления Фабиев в легенде о Ромуле и Реме, поскольку в рассказах историков о царском периоде Фабии полностью отсутствуют и вновь встречаются среди высших должностных лиц теперь уже республиканского Рима только в 485 г. до н. э.⁸ Каким образом и почему Фабиям нашлось место в компании близнецов периода их пастушеской жизни? В поисках ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на то, что Фабии еще раз появляются в окружении Ромула и Рема на завершающей стадии соперничества между ними за главенство во вновь основанном городе, по сути дела в споре братьев за то, кому быть царем в Риме.

Соперничество братьев приобрело враждебный оттенок уже при совершении ауспиций, которые должны были определить, кто из них даст свое имя будущему городу. Этот эпизод был в ходу у римлян с эпохи Энния, который описывает его в «Анналах» со знанием деталей практики авгуротов⁹. Соперничество в конечном итоге закончилось смертью Рема, о чем повествует уже вся античная историография, правда, порой, желая отвести от Ромула обвинение в братоубийстве¹⁰, называет вероятного убийцу Рема. Наиболее распространенная версия приписывает убийство Рема

Луперкалии спрятывались в честь Фавна, в жертву которому приносили козу. Т. Вайзман утверждает, что луперки почитали аркадского Пана, кульп которого начал проникать в Рим не ранее V в. до н. э.: [Wiseman 1995, p. 85].

⁸ Liv. 2.41.12. С этого года в течение семи лет (485–479 гг.) представители рода Фабиев неизменно занимали высшую магистратуру.

⁹ Энний определяет места проведения ауспиций Ромулом и Ремом (Ann. 72–78 Sk.), использует авгурские термины для обозначения побуждающих к действию птиц (Ann. 86–87 Sk.) и для характеристики полученного Ромулом знамения (Ann. 155 Sk.). Для Энния Ромул и Рем были искусными авгурями (Cic. Div. 1.107: Romulus augur, ut apud Ennium est, cum fratre item augure).

¹⁰ Flor. 1.1.8: dubium an iussu fratris occisus est.

(Рома) Целеру – сподвижнику Ромула¹¹. Но существует и менее распространенная версия, переданная Иеронимом Стридонским (345–420 гг. н. э.), которая выводит убийца Рема некоего Фабия (Fabius): во-первых, Фабий фигурирует здесь как военачальник (*dux*) Ромула; во-вторых, названо орудие убийства в руках Фабия – им был «пастушеский заступ» (*glutrum pastorale*)¹².

Валерий Анциат сообщает, что Целер был командиром отряда юношей в триста человек, которых Ромул использовал в качестве своей охраны. По имени своего командира Целера они стали называться целерами¹³. Этому командиру подчинялись три центуриона¹⁴, что дает основание предположить, что Целер являлся командиром всаднического отряда (*tribunus celorum*), состоявшего из трех центурий Тициев, Рамнов и Луцеров¹⁵. Что касается Фабия как возможного убийцы Рема (Рома), то, согласно Фесту, он именовался Фавиусом (Fauius) и возглавлял один из отрядов луперков, который получил название *luperci Fauiani*¹⁶. Два отряда луперков состязались в ритуальном беге за право совершить жертвоприношения, а предводитель самого быстрого отряда, члены которого в данном случае тоже выступали в роли *celeres* (быстрых), получал имя Fauius. Современные исследователи обратили внимание на то, что это имя было производным от Faunus / Fauius – божества, в честь которого совершались священное действия, а его спутники становились *fauni* / *fauiani* [Кортев 2005, р. 21]. Значит, изначально названия луперков не имели ничего общего с gens Fabia, а связь рода с Луперкалиями и, следовательно, с началом Рима могла стать достоянием исторической традиции значительно позже. В связи

¹¹ Dionys. 1.87.4. Правда, Дионисий приводит и свое мнение о смерти Рома в битве со сторонниками Ромула, которое он считает наиболее убедительным из всех рассказов (Dionys. 1. 87. 3–4). См. также: Liv. 1.15.7; Plut. Rom. 26, Numa 7; Fest. 48 L.: *celeres*; Plin. NH. 33.35; Serv. Aen. 11.603; OGR 23.7; Lyd. De mag. 1,9,14,37; Zon. 7.3.4.

¹² Hieronym. Chron. p. 152 Fotheringham: *Remus rutro pastorali a Fabio Romuli duce occisus est.*

¹³ Val. Ant. ap. Dionys. 2.13.2. Мнение большинства, в передаче Дионисия (*ibid.*), отличалось от свидетельства Валерия Анциата и сводилось к объяснению названия «целеры» от быстроты (*celeritas*), с которой юноши выполняли свои обязанности.

¹⁴ По-видимому, Дионисий (2.13.3) излагает далее информацию о целерах по Валерию Анциату.

¹⁵ По Ливию (1.13.8), три центурии всадников были составлены Ромулом.

¹⁶ Paul. Fest. 78 L: *Fauiani et Quintiliani appellabantur luperci, a Fauio et Quintilio praepositis suis.*

с этим интерес представляет наблюдение А.В. Коптева, что оба имени – и Celeres, и Fabius / Fauius относились к самому Ромулу, который был главой обеих молодежных групп – целеров, и луперков – главных действующих лиц религиозной жизни древнейшей римской общины с той лишь разницей, что луперки относились к ее догородской стадии развития, а целеры были продуктом более сложного, и социально структурированного, общества [Koptev 2005, pp. 21, 22].

Легендарное прошлое Фабиев, в котором устанавливалась их связь с Ремом и Луперкалиями, не подкрепляется сохранившимися в исторической традиции объяснениями происхождения родового имени Фабиев. Фест приводит сразу две версии происхождения этого патея: первоначально Фабии назывались Фовиями (*Fovi*), поскольку их родоначальник происходил от Геркулеса и женщины, с которой он сошелся в яме для ловли зверей (*in fovea concubuit*). Силий Италик (*Rip. 6.627–636*) называет эту женщину дочерью Эвандра, тем самым обеспечивая Фабиям не только древность происхождения, но и связь с героями Греции¹⁷. Другой вариант легенды указывает на Геркулеса как на героя, научившего Фабиев ловить медведей и волков с помощью ям¹⁸.

Переданная Фестом этимология родового имени Фабиев никак не отражает их предполагаемого участия в Луперкалиях, о чем повествует Овидий. Мы видим, что Фабии имели две родословные: одна делала их действующими лицами легенды о близнецах – основателях Рима – и закрепляла за ними изначальное место в религиозной жизни города (участие в священнодействиях луперков), другая – обеспечивала им божественное происхождение, указывая на Геркулеса как их прародителя. Поначалу обе родословные не имели точек соприкосновения и развивались независимо друг от друга, пока различные их детали не перестали восприниматься как части самостоятельных рассказов. Так, описанный Овидием пастушеский образ жизни Фабиев совместился с представлением о них как о ловцах зверей, использующих для этой цели ямы, вырытые «пастушеским заступом», который в поздней версии Иеронима превратился в орудие убийства.

¹⁷ В римской исторической традиции Эвандр выступал в роли культурного героя – ему приписывалось изобретение латинского алфавита (*Liv. 1.7.8*); он же познакомил италийцев со злаками и научил их сеять (OGR 5.4).

¹⁸ *Fest. 87 L: Fovi, qui nunc Favi appellabantur, dicti, quod princeps gentis eius ex ea natus sit, cum qua Hercules in fovea concubuit. Alii putant, eum primum ostendisse, quemadmodum ursi et lupi foveis caperentur.* Похожее объяснение приводит Плутарх (*Fab. 1*).

Вернемся к рассказу Овидия. Его изложение истории с жертвоприношением, когда один из участников мероприятия опаздывает к пиршеству, несомненно перекликается с рассказом Ливия (1.7.12–13) о Потициях и Пинариях, которые оказались в схожей ситуации во время жертвоприношения Геркулесу. Можно предположить, что идентичность содержания рассказов о Фабиях и Пинариях (род Потицииев вымер)¹⁹ объясняется их связью с культом Геркулеса – в одном случае с исполнением священнодействий у Великого Алтаря (*Ara Maxima*), как у Пинариев²⁰, в другом – с возведением к Геркулесу своей родословной, как у Фабиев.

Римляне никогда не сомневались в греческом происхождении культа Геркулеса²¹ и в то же время не относились к нему, как к чужеземному²². Такое положение Геркулеса в римском пантеоне Г. Виссова объясняет тем, что кульп был воспринят не прямо от греков, а из итальянских общин. Центром, из которого кульп Геркулеса распространился по всей Италии, Г. Виссова называет кампанский город Кумы, откуда он проник в Лаций и укоренился в Тускуле, Пренесте, Ланувии и Тибуре, а затем был перенесен в Рим²³.

¹⁹ Liv. 1.7.14, 9.29.9-10; Val. Max. 1.1.17; Fest. P. 237 L.

²⁰ Макробий (Sat. 3.6.12) цитирует Вергилия (Aen. 8.270), который назвал «дом Пинариев стражем святыни» (*domus Herculei custos Pinariae sacri hanc aram luco statuit*). Подробнее о служении Пинариев Геркулесу: Macrob. Sat. 3.6.14.

²¹ Вергилий (Aen. 8.268–305) описывает жертвоприношения в честь Геркулеса, которые совершались по греческому обряду (Liv. 1.7.3,15), характеризовавшемуся наличием лаврового венка на голове жреца (Macro. Sat. 3.6.17; Serv. Aen. 8.276). По мнению Дж. Шайда, греческий обряд (*Graecus ritus*) был искусственной категорией, созданной римлянами III–II вв., чтобы обозначить древние римские культы, у которых подчеркивалось «греческое» происхождение. См.: Шайд Дж. Римская религия / пер. с фр. О.П. Смирновой. М., 2006. С. 48.

²² Римская историческая традиция связывала появление культа Геркулеса с пребыванием Эвандра в Лации, на месте будущего Рима (Liv. 1.7.4–14). По словам Ж. Дюмезиля, «Рима еще не было, когда Геркулес освятил уже для него место»: Дюмезиль Ж.Э. Религия древнего Рима / пер. с фр. Т.И. Смолянской. СПб., 2018. С. 572.

²³ На этом основании Г. Виссова считал вероятным происхождение Пинариев из Тибура: Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912. S. 272, 275. О заимствовании римлянами культа Геркулеса из Тибура см. также: Helbig W. Die Castores als Schutsgötter des römischen Equitatus // Hermes. 1905. Bd. 40. S. 111. Р. Огилви говорит лишь о заимствовании Пинариями, а вместе с ними и Фабиями, их родового культа: Ogilvie R.M. A commentary on Livy books 1–5. Oxford, 1965. P. 61.

Римский антиквар I в. до н. э. Марк Теренций Варрон принял утверждение своего учителя Элия Стилона о том, что Дий Фидий назывался на сабинском языке Санком, а на греческом – Геркулесом²⁴, что позволяет говорить о функциональной близости этих божеств²⁵. Именно сабинскому Санку, по мысли Ю. Биндера²⁶, Фабии приносили жертвы, которые совершались на Квиринале²⁷. Скорее всего в основе известного в историческое время культа Геркулеса лежит древний местный ритуал²⁸, который восходил к почитанию Семона Санка или был близок к нему по содержанию священномий. Попутно следует отметить, что данная информация дала основания некоторым исследователям причислить Фабиев к родам сабинского происхождения и считать их представителями Квиринальской общины в религиозной организации древнейшего Рима [Momigliano 1963, p. 99]²⁹.

Представление о заселении Квиринала сабинянами опирается на свидетельства традиции, которая единодушно связывает появление сабинян в Риме вместе с их предводителем Титом Тацием, ставшим впоследствии соправителем Ромула³⁰. Более того, раннее присутствие сабинян в Риме подкреплялось этимологической цепочкой, устанавливавшей связь между словами *Quirites*, *curiae*, *curis* (для последнего слова прямо указывалось сабинское происхождение)³¹, а Ромул после смерти почитался под именем Квирина (*Quirinus*).

²⁴ Varro L.L. 5.66: *Aelius Dium Fidium dicebat Diovis filium, ut Graeci Dioskoron Castorem, et putabat hunc esse Sancum ab Sabina lingua et Herculem a Graeca.* Речь идет о божестве *Semo Sancus Dius Fidius*, которое отвечало за верность клятве.

²⁵ А. Швеглер считал, что на сабинского Санка были перенесены имя греческого Геракла и представления о нем: *Schwegler A. Römische Geschichte*. Tübingen, 1884. Bd. 1. S. 364.

²⁶ *Binder J. Die Plebs*. Leipzig, 1909. S. 115.

²⁷ Квиринал был одним из религиозных центров древнейшего Рима. Там располагалось третье святилище аргеев и храм Квирина (Varro L.L. 5.52). В традиции также говорится о Квиринале как о месте совершения родового культа Фабиев (Liv. 5.46.2; Val. Max. 1.1.11). Что представлял собой этот культ, сказать трудно.

²⁸ *Alfoldi A. Die Struktur des voretruskischen Römerstaates*. Heidelberg, 1974. S. 150. О почитании Геркулеса племенами Средней Италии см.: *Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима*. Воронеж, 1964. С. 106–112.

²⁹ *Binder J. Op. cit.* S. 115.

³⁰ Liv. 1.13.5; Fest. P. 304 L; Ovid. Fast. 2.475; Serv. Aen. 7.710.

³¹ Paul. Fest. P. 43 L: *curis est Sabine hasta*; P. 55 L: *hasta, quae lingua Sabinorum curis dicitur*.

Кристофер Смит отметил странность такой ситуации: термин *Quirites*, которым обозначались граждане древнейшего Рима, происходил от названия сабинского города Куры (Cures) [Smith 2006, pp. 198–199], тогда как сабиняне начали инкорпорироваться в римскую общщину в начале III в. до н.э. после военных побед над ними Мания Курия Дентата³², а полные права римского гражданства они получили между 268 и 241 гг. до н. э. Этот процесс не мог не отразиться на содержании термина *Quirites*, который в сознании римлян уже связывался не с их древнейшим обозначением, а с сабинским городом Куры [Smith 2006, p. 201]. Таким образом, связь Фабиев с Квириналом не следует рассматривать как свидетельство их сабинского происхождения³³, однако религиозная привязка к этому месту может пролить свет на роль клана Фабиев в сакральной организации древнейшего Рима.

В источниках сохранились указания на то, что население будущего Рима делилось на две группы – *montani* и *collini*. Если первые принадлежали к территории Палатина и участвовали в празднике Септимонтия (Septimontium), то вторые относились к Квириналу и были исключены из совместных с *montani* священнодействий³⁴. Римская историческая традиция упорно настаивает на заселении Квиринала сабинянами, хотя современная наука не обладает прямыми археологическими «доказательствами» этого факта [Grandazzi 1997, p. 142]³⁵. Согласно Варрону (L.L. 5.45), на этих территориях располагался город «четырех регионов», которые включали Субур, Эсквилин, Коллину (в которую входил Квиринал) и Палатин,

³² Cic. Sen. 55; Liv. Per. 11; Val. Max. 4.3.5; Flor. 1.10.2-3; Apul. Apol. 17; Eutr. 2.9.3; Oros. 3.22.11.

³³ Аналогичные сомнения относительно сабинского происхождения рода Клавдиев высказал В. Шур, хотя традиция единодушно указывает на сабинские корни Клавдиев (Liv. 2.26.4; Dionys. 5.40.5; Tac. Ann. 11.24; Suet. Tib. 1.1). В. Шур исходил из топографии Клавдиевой трибы, территория которой, по его мнению, не могла быть сабинской, так как отделялась от собственно сабинской земли Крустуминской трибой. Родиной Клавдиев он считал одну из восточно-латинских общин: *Schur W. Fremder Adel in römischen Staat der Samniter Kriege // Hermes. 1925. Bd. 59. S. 469.*

³⁴ Fest. P. 474–476 L: Septimontio; P. 458 L: Septimontium; Paul. – Fest. P. 459 L: Septimontium.

³⁵ Более того, в повествовании Ливия можно встретить немало деталей, которые позволяют усомниться в сабинском происхождении Тита Тация, рода Клавдиев и религиозной коллегии *sodales Titii*. См.: Сидорович О.В. «Сабинская тема» и начало Рима в сочинении Тита Ливия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2019. № 2. Ч. 2. С. 197–207.

то есть римский антиквар зафиксировал уже стадию существования единого городского пространства и для *montani*, и для *collini*. Исследуя местоположение святилищ республиканского Рима, А. Жолковски обратил внимание на то, что они разделялись на две большие группы: десять храмов находились в Коллинском районе (т. е. на Квиринале) и девять в районе Палатина³⁶. Этот факт, помимо того, что свидетельствует о двуучленной структуре социальной и религиозной организации архаического Рима [Кортев 2005, pp. 23–29], указывает на Квиринал как на сакральный центр группы *collini*. Участие республиканских Фабиев в священнодействиях на Квиринале несомненно выдает уходящую в глубь веков связь их предков с Коллинским районом и его населением. В эпоху формирования исторической традиции ритуальный дуализм населения будущего Рима трансформировался в этнический дуализм латинян и сабинян, который, помимо всего, был отмечен их противостоянием, пока оба народа не образовали единый гражданский коллектив. Таким образом, о предыстории Фабиев можно сказать, что они относились к латинской общине, обитавшей на Квиринале, и занимали заметное положение в религиозной жизни коллектива, выполняя определенные священнодействия.

Римская историческая традиция неоднократно подчеркивает приверженность Фабиев исполнению своих *sacra*. Так, Ливий (5.46.2–3) сообщает, что во время осады Рима галлами (390 г. до н. э.) Гай Фабий Дорсун на глазах у неприятеля спустился с Капитолия, чтобы выполнить на Квиринале установленный обряд. А Дионисий (9.19.1) объясняет поражение Фабиев при Кремере (477 г. до н. э.) необходимостью покинуть лагерь и вернуться в Рим для совершения семейного жертвоприношения, т. е. для раннего периода существования Республики традиция недвусмысленно подчеркивает *pietas* как фамильную черту Фабиев, которая очевидно должна была обеспечить им уважение со стороны сограждан и дать возможность претендовать на ведущую роль в политической жизни Рима, если не благодаря ярким военным победам, то приверженностью фундаментальным ценностям гражданского коллектива³⁷.

Имели ли Фабии непосредственное отношение к культу Геркулеса, сказать трудно, но почитание Семона Санка, которого впоследствии начали отождествлять с Геркулесом, могло быть частью их фамильных *sacra*. Как мы уже видели, Варрон подчеркивает

³⁶ Наблюдения А. Жолковски приведены в кн.: [Grandazzi 1997, pp. 97–198].

³⁷ Основными добродетелями римского гражданина являлись *fides* (верность по отношению к богам), *pietas* (благочестие) и *virtus* (доброта). Все они образовывали неразделимое единство.

сабинское происхождение Санка. Но также к сабинским божествам он причисляет Марса, Квирина, Флору и даже – Сатурна³⁸. Однако современная наука относит всех их к общечиталийским божествам [Немировский 1964, с. 6]. Правда, одно дело быть причастными к культу Геркулеса, как Пинарии, другое – возводить к нему свою родословную, как это делали Фабии³⁹.

В Риме известно немало родов, которые вели свое происхождение от троянских и греческих героев и даже богов⁴⁰. В I в. до н. э. римские антиквары создавали сочинения, которые содержали родословия знатных семей. Среди авторов подобных работ можно назвать Тита Помпона Аттика⁴¹, Марка Теренция Варрона⁴² и Мессалу Корвина⁴³. Однако появление таких сочинений скорее можно рассматривать как завершение длительного процесса создания генеалогий, который, по мнению Т. Вайзмана, охватил семью римской аристократии еще в эпоху Пунических войн, сопровождавшуюся тесными контактами Рима с эллинистическими государствами [Wiseman 1974, pp. 153–164]. Следует отметить также род Корнелиев, один из представителей которого – Публий Корнелий Сципион – претендовал на связь с Геркулесом. Подобная ситуация объясняется исследователями тем, что Фабии и Корнелии Сципионы враждовали между собой, и эта вражда отразилась в борьбе за божественного покровителя [Леус 2006, с. 129]. «Соревновательные» генеалогии не были редкостью среди римской политической элиты [Smith 2006, p. 41]. Примером могут служить роды альбанского происхождения, список которых нам оставили Ливий (1.30.2) и Дионисий (3.29.7). Среди альбанских родов Юлии, Гегани и Клелии продолжили генеалогию в глубь веков и связали свое происхождение с Энеем и Троей. Но если Гегани (Verg. Aen. 5.118) и Клелии (Paul. p. 55 L) возводили свои роды к спутникам Энея,

³⁸ Varro L.L. 5.66, 73, 74.

³⁹ Plut. Fab. 1; Ovid. Fast. 2. 237; Ovid. Ex Ponto 3.3.100; Juven. 8.14; Sil. It. 6. 633–635.

⁴⁰ Интересен пример создания родословной Юлиев. Они входили в список родов альбанского происхождения (Liv. 1.30.2; Dionys. 3.29.7; Plut. Rom. 28; Tac. Ann. 11.24), но затем продлили генеалогию в глубь веков и связали свое происхождение с Энеем и Троей (Suet. Jul. 6.1).

⁴¹ Nep. Att. 18. Именно он составил генеалогии Юниев, Клавдииев Марцеллов, Фабиев и Эмилиев.

⁴² Варрон написал сочинение *De familiis Troianis* («О троянских родословиях»), на которое ссылается Сервий, говоря о Навциях (Serv. Aen. 5.704).

⁴³ Plin. N.H. 35.8: *similis causa Messalae seni expressit volumina illa quae de familiis condidit...*

то Юлии – к сыновьям Энея – к Асканию, родившемуся после прибытия Энея в Италию (Dionys. 2.63.3), или к Юлу, появившемуся на свет до разрушения Илиона (Liv. 1.3.2), и даже – к отцу Энея Анхизу (Vell. Pat. 2.41.1)⁴⁴. К «тroyянским» родам причисляли себя Сергии (Verg. Aen. 5.121), Навции⁴⁵, Эмилии⁴⁶, которые по одной из версий происходили от дочери Энея⁴⁷, и Юнии (Dionys. 4.68.1). Экскурс в родословия римских аристократических семейств свидетельствует о том, что большинство из них ограничивались декларацией своего происхождения от спутников Энея, и только Юлии и Эмилии устанавливали непосредственное родство с самим Энеем. Именно в создании легендарно-мифологических генеалогий отразилось соперничество в рядах римской аристократии⁴⁸. Как правило, оно выражалось у большинства родов в появлении альбанских родословий, немногие могли себе позволить «тroyянские» родословные, и только отдельные кланы, как Юлии и Эмилии, смогли максимально удревнить своих предков. На фоне такого соревнования Фабии со своим прародителем Геркулесом бросали вызов не только Корнелиям Сципионам, но и «тroyянским семьям» в древности их знатного происхождения.

В связи с этим важно ответить на вопрос, когда начали складываться родословные аристократических кланов и отражали ли они реальное политическое значение их обладателей. Как уже было отмечено, над литературной обработкой таких родословий трудились римские эрудиты I в. до н. э. В науке существует мнение о том,

⁴⁴ Генеалогия Юлиев была официально представлена Юлием Цезарем в речи, которую он произнес на похоронах своей тетки, в которой обосновывалось происхождение рода от богини Венеры (Suet. Jul. 6.1).

⁴⁵ Навций, товарищ Энея, был жрецом Афины (Dionys. 6.69.1). Афина в Италии почиталась под именем Минервы, служение которой было родовым культом Навциев.

⁴⁶ Павел Диакон (р. 22 L) приводит два объяснения происхождения родового имени Эмилиев: от сына философа Пифагора Мамерка, прозванного Эмюлоном, и от Эмилия, сына Аскания.

⁴⁷ Плутарх (Rom. 2) говорит об Эмилии – дочери Энея и Лавинии, которая и была матерью Ромула.

⁴⁸ Наличие соперничающих группировок среди римской аристократии начинает с V в. до н. э. отмечал Фр. Корнелиус, выделяя группы во главе с Фабиями, Юлиями и Валериями: *Cornelius Fr. Unterzuchungen zur frühen römischen Geschichte*. München, 1940. S. 119–121. Известно политическое соперничество между Аппием Клавдием Цеком и Фабием Руллианом (Vir. ill. 34.5). Э. Ференци относил противостояние Фабиев и Клавдиев, к которым примыкали Валерии, к началу Республики: *Ferenczy E. From the patrician state to the patricio-plebeian state*. Budapest, 1976. P. 134–135.

что именно они заложили основы историко-генеалогической традиции римских аристократов [Молчанов 2013, с. 416]. Оценить эту точку зрения нам поможет объяснение происхождения гентиилиция Пинариев.

Плутарх (QR 60) устанавливает связь между именем Пинариев и их отстранением от трапезы, что впоследствии повлияло на представления об этимологии этого имени как идущей от греческого глагола *reipao* (голодаю). Сервий (8.270), комментатор «Энеиды», приводит даже слова Геркулеса, который обрекает Пинариев на голодное существование: «отныне вы будете голодными» (*reipinasete*)⁴⁹. Подобная этимология подсказывает, что имя рода первоначально писалось в форме *Peinasios* и превратилось в *Peinarios* не ранее IV в. до н. э., а форма *Pinarius* появилась только во II в. до н. э. [Wiseman 2008, pp. 28, 31]. Все это указывает на древность происхождения рассказа, а, следовательно, и на раннее начало складывания родословных, причем, даже у таких родов, которые не были отмечены выдающимся положением в государстве⁵⁰. То же можно сказать и о Юлиях, которые включили Прокула Юлия как своего предка в рассказ о кончине Ромула⁵¹. Дионисий (2.63.2) называет Юлия потомком Аскания, а по свидетельству Катона Старшего, Юлом стал зваться сам Асканий после победы над Мезенцием⁵², царем тирренов. Некоторые авторы приписывают этому Юлию альбанское происхождение⁵³. Возможно, это свидетельство является наиболее древней частью родовой традиции, которая связывала Юлиев с Альба-Лонгой, обеспечив им со временем включение в официальный список альбанских родов⁵⁴. Несмотря на то, что

⁴⁹ Анонимный автор сочинения «Происхождение римского народа» (OGR 8.3) придерживается такой же этимологии для Пинариев.

⁵⁰ Впервые Пинарии встречаются на должности высшего магистрата в 472 г. до н. э. Ливий (2.56.1) называет консулом этого года Луция Пинария. И хотя Пинарии встречаются в консульских фастах и после децемвирата, они никогда не отличались высокой политической активностью.

⁵¹ Liv. 1.16.5-7; Cic. de rep. 2.20; de leg. 1.3. Дионисий (2.63.3) называет Юлия потомком Аскания.

⁵² На Катона ссылается комментатор Вергилия Сервий (Aen. 1.267–268: *secundum Catonem historiae hoc habet fides: ...et occiso Mezentio Ascanium Iulum coeptum vocari...*). Об авторстве этого свидетельства, принадлежит ли оно Канону или Луцио Цезарю (OGR 15.5), см. комментарий: *The fragments of the Roman historians / ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. Vol. 3. P. 71–72.*

⁵³ Ovid. Fast. 2.499; Plut. Rom. 28; Tac. Ann. 11.24.

⁵⁴ Списки альбанских родов присутствуют в сочинении Ливия (1.30.2) и Дионисия (3.29.7), но порядок их перечисления у обоих авторов неоди-

первый представитель рода Юлиев появляется в фактах под 482 г. до н. э.⁵⁵, а в целом Юлии редко занимали высшую магистратуру, это не дает основание современным исследователям придерживаться точек зрения Фр. Мюнцера и Р. Сайма и причислять Юлиев к малозаметным в политической жизни Рима родам вплоть до I в. до н. э.⁵⁶

Приведенные примеры позволяют сделать следующие наблюдения: генеалогии начали создаваться в Риме с IV в. до н. э.; процесс их формирования был длительным и не зависел от политической активности клана; на него повлияли контакты с греческим миром, причем наметилась основная тенденция искать праородителя среди героев троянского цикла или возводить происхождение к божественным сущностям. Последние могли быть одинаковыми у родоначальников различных кланов, как у Пинариев, Фабиев и Корнелиев Сципионов. Фабии и Корнелии Сципионы стали претендовать на Геркулеса как на своего праородителя/покровителя, что закреплялось в генеалогиях этих родов. Идея сравнения Геркулеса и Сципиона зародилась еще при жизни последнего, причем к ее оформлению приложил руку поэт Энний, родом из Великой Греции, где сохранялась традиция почитания героев [Леус 2006, с. 131, 135; Бобровникова 1997, с. 40–44]. А вот Фабии вероятно позаботились об этом раньше.

В этом отношении наше внимание привлекает личность Квинта Фабия Руллиана, ставшего цензором в 304 г. вместе с Публием Децием. Он был первым из Фабиев, который получил когномен *Maximus* за свою реформаторскую деятельность, способствовавшую примирению сословий в Риме, пять раз избирался консулом (322, 310, 308, 297, 295 гг. до н. э.) и трижды справлял триумфы⁵⁷. Ливий (9.44.16) сообщает, что в 305 г. до н. э. после очередной победы над самнитами «на Капитолии воздвигли и освятили огромное изваяние Геркулеса»⁵⁸. Мы не знаем, был ли Фабий Руллиан инициатором этого мероприятия, однако можно предположить, что уже в то время Фабии начали проявлять интерес к Геркулесу. Впоследствии, уже во время II Пунической войны, Фабий Максим

наков. Первое и второе места в обоих списках занимают Юлии и Сервилии, что дало основание Фр. Мюнцеру говорить об их исключительном положении среди других родов: Münzer Fr. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 133.

⁵⁵ Ливий (2.43.1) пишет, что консулом этого года был Гай Юлий Юл.

⁵⁶ Консул из рода Юлиев появился в 157 г. до н. э., а в 120-х гг. была отчеканена монета Секста Юлия с изображением Венеры: The fragments of the Roman historians. Oxford, 2013. Vol. 3. P. 72.

⁵⁷ Liv. 9.46.14–15; Plut. Fab. 1, 24; Val.Max. 2.2.9; OGR 32.

⁵⁸ Liv. 9.44.16. Пер. Н.В. Брагинской.

Веррукоз – внук Фабия Руллиана⁵⁹, после взятия Тарента перенес оттуда «огромное изображение Геракла и воздвигнул его на Капитолии»⁶⁰. Рядом он поставил свою конную статую из бронзы, желая, очевидно, увековечить свою победу соседством с Геркулесом Непобедимым (*Hercules Invictus*). В обоих случаях речь идет о статуях Геркулеса/Геракла на Капитолии, расположенных по соседству с алтарем (*Ara Maxima*), посвященным Геркулесу, на Бычьем Форуме (*Forum Boarium*), который пролегал от подножия Авентина до подножия Капитолия, образуя единое пространство, отмеченное почитанием Геркулеса⁶¹. Именно здесь Геркулес почитался как Непобедимый, поскольку алтарь был возведен в честь его победы над силачом (или чудовищем) Каком⁶². Думается, что истории легенды о происхождении Фабиев от Геркулеса следует искать уже в конце IV в. до н. э. Начало этого процесса несомненно можно связать с Фабием Руллианом, который к тому же занимался религиозными вопросами на государственном уровне.

Известно, что во время своего цензорства Фабий Руллиан учредил торжественный выезд всадников⁶³, маршрут которого пролегал через Форум от храма Марса до храма Диоскуров – братьев-юношей, которые помогли римлянам одержать победу над латинами в битве у Регилльского озера⁶⁴. Из сообщения Валерия Максима выясняется, что процессия всадников состояла из юношей, которых он сравнивает с луперками. И выезд всадников, и бег луперков он рассматривает как ежегодную возможность для юношей из всаднического сословия показать себя⁶⁵. Подобная ситуация дала возможность Т. Вайзману утверждать, что разделение луперков на две группы Фабиев и Квинкциев проходило по аналогии с формированием всаднического корпуса из элитой молодежи (*equites priores et posteriores*) и являлось результатом деятельности Фабия Руллиана на посту цензора [Wiseman 1995, pp. 127, 140]. Развивая взгляды Т. Вайзмана на реорганизацию луперков, А.В. Коптев приходит к выводу, что деятельность Руллиана скорее всего была нацелена

⁵⁹ Liv. 24.9.8.

⁶⁰ Plut. Fab. 22. Пер. С.П. Маркиша. Согласно Плинию (N.H. 34.40), это была статуя Геракла работы Лисиппа.

⁶¹ О существовании нескольких святилищ Геркулеса вблизи *Ara Maxima* см.: Varro L.L. 6.54; Strabo 5.3.3 <230>; Solin. 1.10; Plut. Q.R. 90.

⁶² Liv. 1.7.5-11; Ovid. Fast. 1.581; Macrob. Sat. 3.6.17, 11.7, 12.4.

⁶³ Liv. 9.46.15; Dionys. 6.13.4; Val. Max. 2.2.9; De vir. ill. 32.3.

⁶⁴ Cic. De nat. deor. 2.6; Liv. 2.20.12; Flor. 1.11.4.

⁶⁵ Val. Max. 2.2.9: *equestris... ordinis iuventus omnibus annis bis urbem spectaculo sui sub magnis auctoribus celebrabat*. Луперкалии проходили 15 февраля, выезд всадников осуществлялся 15 июля.

на замену первоначального обозначения команды луперков-победителей как *fauiani* на *fabiani*, что впоследствии приобрело устойчивую связь с Фабиями [Кортев 2005, р. 21, №. 73]. Очевидно, именно здесь следует искать появление в легенде о близнецах Фабиев как товарищей Рема, который стал восприниматься первым главой *Luperci Fabiani*. Этот вариант легенды и передал в своем сочинении Овидий.

Следует также обратить внимание на то, что в схожих эпизодах Ливий и Овидий используют лексику из профессионального языка жрецов: *exta* (внутренности), *stridentia exta* (шипящие на огне внутренности). Разъяснения по поводу приготовления внутренностей жертвенного животного со ссылкой на книги понтификов делает Варрон (L.L. 5.98): внутренние органы жертвенного животного либо варили в горшке, либо жарили на вертеле. Данное свидетельство Варрона позволяет говорить о том, что и Ливий, и Овидий использовали информацию, восходящую к письменным памятникам коллегии понтификов, которые отвечали за совершение общественных жертвоприношений в Риме. Вероятно, что и сами эпизоды, связанные с объяснением причины отстранения Пинариев от поедания внутренностей жертвы у Ливия, и причины, по которой Фабиям предписывалось участие в подобной практике у Овидия, происходят из сочинений понтификов, в которых фиксировались различные стороны их ритуальной практики. Оба рассказа повествуют о распределении ролей среди двух групп участников жертвоприношений – Фавну и Геркулесу: одни поедали внутренности жертвенного животного (*exta*), а другие – его мясо (*viscera*)⁶⁶. Однако Фабии у Овидия (Fast. 2.376), судя по всему, съели не только внутренности, но и остальные части жертвенного животного, оставив Ромулу и его людям лишь обглоданные кости (*ossa nuda*).

Ливий и Овидий рассказывают сходные истории с разным настроением: у Ливия – краткое в сдержанной тональности повествование о Потициях и Пинариях, у Овидия – шутливый рассказ не столько о Реме, сколько о его товарищах Фабиях, которые оставили Ромула ни с чем. Описанная Овидием курьезная ситуация перекликается с еще одним анекдотичным случаем, который приключился с начальником конницы Квинтом Фабием Руллианом и диктатором Луцием Папирипем Курсором во время Второй Самнитской войны⁶⁷. Об этом повествует Ливий (8.30.2–13). В отсутствие дикта-

⁶⁶ Хотя Пинарии опоздали к раздаче внутренностей, они участвовали в жертвенном обеде (Liv. 1.7.13: *Pinarii extis ad ceteram venirent dapem*).

⁶⁷ Liv. 8.29.9.

тора, который отправился в Рим для проведения повторных ауспиций, и вопреки его запрету вести войну начальник конницы Квинт Фабий возглавил войско и одержал победу над самнитами, захватив множество вражеских доспехов и оружия, которые он приказал свалить в огромную кучу и поджечь ее. Объяснения причин такого поведения разнятся. Одно из них приводит историк Фабий Пиктор: начальник конницы сделал это, чтобы диктатор не мог воспользоваться плодами чужой победы, написав на военной добыче свое имя и взяв ее с собой в Рим на время триумфа.

Оба эпизода, в которых рассказывается о Фабиях, объединяет общая черта – они связаны с религиозными правилами: в одном – с распределением внутренностей жертвенного животного между участниками священномействия⁶⁸, в другом – с проведением ауспиций перед началом военного похода⁶⁹. Оба анекдотичных случая, несомненно, были заимствованы из семейных преданий рода Фабиев, точнее из песен (*carmina*), которые складывались в среде воюющей молодежи [Сидорович 2005, с. 24–25]⁷⁰, ведь и спутники Рема, и начальник конницы были юношами⁷¹. Передаваемая таким образом информация о деяниях предков рода Фабиев попала в сочинение Фабия Пиктора, став впоследствии достоянием археологической историографии и поэтического сочинения⁷². Важно отметить еще одну деталь: оба рассказа выстраиваются вокруг информации религиозного содержания, которая заносилась в документы жреческих коллегий, в данном случае – понтификов и авгуротов⁷³. Участие представителей рода Фабиев в качестве действующих лиц рассказов,

⁶⁸ Считается, что Овидий изложил причину, по которой род Фабиев имел привилегию поедания жертвенного животного во время Луперкалий: Ovid *Fasti* Book 2 / ed. by M. Robinson. Oxford, 2011. P. 260.

⁶⁹ Ливий (8.30.1) говорит об ошибке, закравшейся при проведении птицегаданий и проявившейся в неистовой вражде военачальников. Именно для проведения повторных ауспиций диктатор Папирий отправился в Рим.

⁷⁰ О таких песнях говорят Катон Старший (Cic. *Brut.* 75; *Tusc.* 1.2.3; 4.2.3) и Варрон (de *vita pop.* *Rom.* 2).

⁷¹ Начальника конницы Квinta Фабия Ливий (8.30.4) называет *ferox adulescens* (дерзким юношем).

⁷² В рассказе о рождении близнецов и их судьбе Овидий (F. 2.381–422) также следует версии Фабия Пиктора, выбирая ее из множества других существовавших рассказов (Plut. *Rom.* 2.1–8), на что обратил внимание комментатор Овидия М. Робинсон: Ovid *Fasti* Book 2. P. 263.

⁷³ О содержании документов жреческих коллегий см.: Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э. М., 2005. С. 37–71, 77–80.

которые складываются на основе религиозных предписаний, свидетельствует об их доступе к жреческим документам и, следовательно, о занятии ими жреческих должностей. Достаточно вспомнить, что Фабий Руллиан – главный персонаж рассказа о конфликте с диктатором, став цензором, учредил новую праздничную церемонию, о чём речь шла выше.

Еще один, относящийся к 483 г. до н. э. эпизод, связывает в анналистической традиции род Фабиев с информацией жреческого происхождения. Под этим годом у Ливия (2.42.7) консулами значатся Марк Фабий и Луций Валерий. Их пребывание во власти не отмечено никакими военными победами, зато сопровождалось грозными небесными знамениями. Ливий завершает описание этой ситуации краткой заметкой: «страхи... разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили»⁷⁴. Лаконизм Ливия может указывать на происхождение данной заметки из каких-то жреческих записей, а соединение зловещего знака, к которому относилась потеря целомудрия весталкой, с консульством Фабия (и Валерия) свидетельствует о том, что Фабии были представлены в коллегии понтификов⁷⁵ и авгуроров⁷⁶, и либо имели доступ к архивам этих жреческих коллегий, либо хранили копии записей в семейном архиве. В любом случае их нахождение в высшем эшелоне римского жречества уже в V в. до н. э. было неоспоримым для Фабия Пиктора, что нашло отражение в рассказе Ливия.

Заключение

Конечно, Фабии имели своего историографа – Квинта Фабия Пиктора, с которого началась практика написания исторических сочинений в Риме. Он приложил немало усилий, чтобы представить действия своих предков в наиболее благоприятном свете. Однако несправедливо делать его ответственным за воссоздание всей истории клана с древнейших времен.

⁷⁴ Liv. 2.42.11: *qui terrores tamen eo evasere ut Oppia virgo Vestalis damnata incesti poenas dederit.* Пер. Н.А. Поздняковой. Эту же историю со многими подробностями описывает Дионисий (8.87–89.5), но называет весталку Опимией.

⁷⁵ Первое предположение основывается на том, что в эпоху Республики коллегия весталок находилась под контролем великого понтифика.

⁷⁶ Второе предположение основывается на том, что все зловещие знаки входили в перечень наблюдавшихся авгурами знамений (Paul. Fest. P. 125 L) и истолковывались ими. См.: Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме: Культ, ритуал, история. М., 2018. С. 85.

Появление Фабиев в рассказе о пастушеской юности братьев-близнецов восходит ко времени не позднее конца IV – начала III в. до н. э. Представление их Овидием как людей из окружения Рема, который на рубеже эр уже считался проигравшей стороной, отражает начальную стадию формирования легенды, связанную с деятельностью Квinta Фабия Руллиана на политическом и религиозном поприщах. Его можно считать ключевой фигурой в формировании легендарных родословных Фабиев: одна родословная связывала Фабиев с Ремом и древнейшими священнодействиями луперков, другая – указывала на Геркулеса как на их прародителя. От Руллиана также берет начало интерес Фабиев к деталям религиозной жизни, которые они включали в рассказы о своем прошлом, имея доступ к записям жреческих коллегий. В исторической традиции Фабии выступают как носители благочестия – качества, которое в сочетании с воинской доблестью выгодно отличало их от других аристократических кланов республиканского Рима.

Литература

- Бобровникова 1997 – *Бобровникова Т.А.* Сакрально-правовые и философские взгляды Квinta Энния // Древнее право. *Ius antiquum*. 1997. № 1 (2). С. 40–44.
- Леус 2006 – *Леус В.А.* Сципион и Геркулес // *Antiquitas Iuventae* / под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов, 2006. С. 125–135.
- Молчанов 2013 – *Молчанов А.А.* Маний Ацилий Глабрион – «потомок Энея» (К интерпретации одного из сообщений Геродиана) // *Monumentum Gregorianum: Сб. научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина / отв. ред. А.И. Иванчик*. М., 2013. С. 413–418.
- Немировский 1964 – *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. 208 с.
- Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. С. 18–30.
- Grandazzi 1997 – *Grandazzi A.* The foundation of Rome. Myth and history / transl. by J.M. Todd. Ithaca; L: Cornell Univ. Press, 1997. 236 p.
- Koptev 2005 – *Koptev A.* Exploring the tripartite archetype in the historical tradition on archaic Rome // *Studies in Latin literature and Roman history / ed. by C. Deroux*. Bruxelles, 2005. P. 5–47. (Collection Latomus; vol. 12, iss. 287)
- Momigliano 1963 – *Momigliano A.* An interim report on the origins of Rome // *The Journal of Roman Studies*. 1963. Vol. 53. P. 95–121.

- Smith 2006 – *Smith C.J. The Roman clan. The gens from ancient ideology to modern anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 393 p.
- Wiseman 1974 – *Wiseman T.P. Legendary genealogies in late-republican Rome // Greece and Rome*. 1974. Vol. 21. No. 2. P. 153–164.
- Wiseman 1995 – *Wiseman T.P. Remus. A Roman myth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 243 p.
- Wiseman 2008 – *Wiseman T.P. The Myths of Rome*. Exeter: University of Exeter Press, 2008. 390p.

References

- Bobrovnikova, T.A. (1997), “Sacral, legal and philosophical views of Quintus Ennius”, *Ius antiquum*, vol. 2, no. 1, pp. 40–44.
- Grandazzi, A. (1997), *The foundation of Rome. Myth and history*, Cornell Univ. Press, Ithaca, USA, London, UK.
- Koptev, A. (2005), “Exploring the tripartite archetype in the historical tradition on archaic Rome”, in Deroux, C., ed., *Studies in Latin literature and Roman history*, Bruxelles, Belgium, pp. 5–47. (*Collection Latomus; vol. 12, iss. 287*)
- Leus, V.A. (2006), “Scipio and Hercules”, in Smykova, E.V. and Mosolkina, A.V., eds., *Antiquitas Iuventae*, Saratov, Russia, pp. 125–135.
- Molchanov, A.A. (2013), “Manius Acilius Glabrio – ‘the descendant of Aeneus’ (On interpretation of a Geordian’s report)”, in Ivanchik, A.I., ed., *Monumentum Gregorianum: Sbornik nauchnykh statei pamяти akademika Grigoriya Maksimovicha Bongard-Levina* [Monumentum Gregorianum. The Grigori Bongard-Levin memorial collected articles], Moscow, Russia, pp. 413–418.
- Momigliano, A. (1963), “An interim report on the origins of Rome”, *The Journal of Roman Studies*, vol. 53, pp. 95–121.
- Nemirovskii, A.I. (1964), *Ideologiya i kul'tura rannego Rima* [Ideology and culture of early Rome], Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, USSR.
- Sidorovich, O.V. (2005), “Single combat in the value system of a Roman citizen during the Republican period”, in Senyavskaya, E.S., ed., *Voenno-istoricheskaya antropologiya: Ezhegodnik, 2003/2004. Novye nauchnye napravleniya* [Military and historical anthropology. Annual, 2003/2004. New academic approaches], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 18–30.
- Smith, C.J. (2006), *The Roman clan. The gens from ancient ideology to modern anthropology*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wiseman, T.P. (1974), “Legendary genealogies in late-republican Rome”, *Greece and Rome*, vol. 21, no. 2, pp. 153–164.
- Wiseman, T.P. (1995), *Remus. A Roman myth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wiseman, T.P. (2008), *The myths of Rome*, University of Exeter Press, Exeter, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

УДК 325.3(6+430)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-90-101

Антиколониальные восстания в германских колониях Африки

Сергей А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, saf1998@rambler.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ антиколониальных восстаний, произошедших в германских колониях в Африке в период с конца XIX до начала XX в. Африка является регионом, где находились важнейшие колонии Германской империи, а также происходили самые крупные восстания против колониальных властей. Автором исследуются методы закрепления германских колониальных властей, включающие как мирные инициативы, так и жестокие действия с использованием колониальных войск. Особое внимание обращается на изучение основных причин, хода событий и последствий этих восстаний, а также их дальнейшее влияние на структуру колониального управления. Рассматриваются характерные особенности каждого восстания, включая социальное и экономическое неравенство, культурный и религиозный контекст, а также коммуникацию колониальных администраций с коренными народами. Автор также анализирует реакцию германских колониальных властей на восстания, методы их подавления и последствия для жителей регионов. В статье выделены ключевые лидеры и движения, которые объединяли народы в борьбе против колониальных властей. Изучаются методы подавления восстаний германскими колониальными войсками, а также меры, направленные на предотвращение возможных выступлений.

Ключевые слова: германская колониальная политика, антиколониальные восстания, Германская Юго-Западная Африка, Германская Восточная Африка, гереро, нама, Маджи-Маджи

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2024 г.;
принята к публикации 17 апреля 2025 г.

Для цитирования: Филин С.А. Антиколониальные восстания в германских колониях Африки // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 90–101.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-90-101

Anti-colonial uprisings in the German colonies of Africa

Sergei A. Filin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, saf1998@rambler.ru*

Abstract. The article provides an analysis of the anti-colonial uprisings that occurred in the German colonies in Africa from the late 19th to the early 20th centuries. Africa is the region where the most important colonies of the German Empire were located, and where the largest uprisings against the colonial authorities took place. The author studies the methods of consolidating the German colonial authorities, including both peaceful initiatives and brutal actions using colonial troops. Particular attention is paid to the study of the main causes, the course of events and the consequences of those uprisings, as well as their further impact on the structure of the colonial administration. There are characteristics of each rebellion, along with the social and economic inequality, the cultural and religious context, and the communication of the colonial administrations with the indigenous peoples. The author also analyzes the reaction of the German colonial authorities to the uprisings, the methods of suppressing them and the consequences for the inhabitants of the regions. The article highlights the key leaders and movements that united the ethnic communities in their struggle against the colonial authorities. The methods of suppressing the uprisings by the German colonial troops are studied, as well as the measures aimed at preventing possible rebellions.

Keywords: German colonial policy, anti-colonial uprisings, German South-West Africa, German East Africa, Herero, Nama, Maji-Maji

The article was submitted for publication 19.11.2024;
accepted for publication 17.04.2025.

For citation: Filin, S.A. (2025), “Anti-colonial uprisings in the German colonies of Africa”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 90–101, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-90-101

Введение

После того, как Германская империя захватила обширные территории в Африке, они объявились ее протекторатами (Schutzgebiete). В 1884–1885 гг. между представителями империи и вождями африканских племен были заключены соглашения, которые стали своего рода основой германской власти в регионах. После этого организовывались масштабные экспедиции, целью которых было исследование территорий на предмет их возможного использо-

зования в перспективе. В результате экспедиций был сделан вывод, что весь континент отличается необычайным однообразием¹. Под однообразием понимались, прежде всего, одинаковый климат, схожая растительность, а также коренное население, их образ жизни и обычаи.

Первой немецкой «охраняемой территорией» на континенте была Юго-Западная Африка, где благодаря напряженности и противостоянию между двумя самыми большими племенами, гереро и нама, вождями которых были Самуэль Махереро и Хендрик Витбуи, удалось закрепить власть империи. Оба вождя старались использовать немцев и их оружие для укрепления собственной власти. Одновременно немецкий губернатор Теодор Лойтвайн начал укреплять власть германской колониальной администрации в регионе, используя стратегию «разделяй и властвуй»², которая впоследствии будет известна как «система Лейтвейна». Нельзя сказать, что такой метод, сопровождавшийся многочисленными военными экспедициями, был мирным.

Контакты между германскими представителями и коренным населением были характерны общей заинтересованностью, так как каждая из сторон стремилась извлечь максимальную пользу из дальнейшего сотрудничества. Коренное африканское население было заинтересовано в новых и уникальных для себя европейских товарах, а также видело возможность использовать военную мощь Германии для возвышения над другими племенами.

Находились и другие способы укрепления немецкой власти, которые подразумевали привлечение колониальных войск. Такие меры применялись в тех случаях, когда мирная дипломатия или европейские «блага» не приводили к формированию партнерских или даже дружественных отношений. Нельзя не отметить тот факт, что проникновение и закрепление любой европейской империи в регионах приводило к уничтожению традиционного для населения положения вещей. Необходимость быстрого захвата обширных внутренних районов с целью разграничить границы своих колоний приводило к тому, что европейские державы использовали самые разные методы для достижения своих целей.

Колонизация территорий была наиболее эффективна в тех случаях, если она начиналась одновременно через несколько отправных точек, то есть в административных районах на побережье и в прилегающих районах. В то же время по мере того, как немецкое

¹ *Reichard P. Deutsch-Ostafrika: Das Land und seine Bewohner.* Leipzig: Verlag von Otto Spamer, 1892. S. 22.

² *Leutwein T. Elf Jahre Gouverneur in Deutsch-Südwestafrika.* Berlin: Mittler&Sohn, 1908. S. 95.

правление становилось все более и более прочным, происходило экономическое манипулирование населением, которое было необходимо для достижения колониально-политических целей «местного использования» [Hausen 1970, S. 162].

Первые несколько лет, однако, показали ошибочность предположения, что европейские ценности и блага, подаренные немцами «отсталому» африканскому населению, будут способствовать успешному формированию союзов с аборигенами. Чаще всего это было связано с тем, что многие племена просто отказывались от германской «цивилизации». Объяснялось это существованием изолированных племен, не стремившихся контактировать с кем-либо, а также племен, враждебно относящихся к любым европейцам.

Те племена, которые были готовы пойти на сотрудничество с империей, подписывали так называемые «договоры о защите» (*Schutzverträge*). Сам факт заключения этих договоров был важнее их содержания. Содержание заключенных в 1884–1885 гг. «договоров о защите» сводилось к следующему: вождь, подписывающий договор, берет на себя обязательства не заключать договоров с другими государствами, не отдавать свою страну или ее части какому-либо другому государству без согласия германского правительства, а также охранять жизнь и собственность немецких граждан. За это германское правительство обещает соответствующему вождю и его племени защиту, право вождя распоряжаться своими подданными признается и поддерживается, европейцы должны уважать существующие традиции и обычаи африканцев и не делать ничего такого, что противоречит законам и правилам их собственной страны.

Проблемой для аборигенов и вождей племен стало то, что при подписании договоров не всегда был прозрачен и понятен смысл таких соглашений. Это обуславливалось незнанием очевидных для европейцев правовых норм, которые из-за некоторых формулировок могли трактоваться в пользу колонизаторов. Даже губернатор Т. Лейтвайн, отмечая сложность в понимании смысла договоров для африканцев, писал: «В договорах туземцы, по-видимому, подписали даже больше, чем обычно, не зная, что они делают»³. В будущем это могло привести к еще большей конфронтации между сторонами.

При канцлере Л. Каприви правительство империи поставило себе задачу – завершить период водружения флагов и заключения договоров с целью перехода к освоению уже завоеванных территорий⁴. Такой поворот в колониальной политике произошел на фоне

³ Ibid. S. 261.

⁴ Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preussischen Landtage und bei besonderen Anlässen / Hrsg. von R. Arndt. Berlin: Ernst Hofmann & Co., 1894. S. 89.

серьезного сопротивления со стороны коренного населения Восточной и Юго-Западной Африки и привел ко многим мятежам, особенно в Восточной Африке. Уже тогда назревал кризис германского империализма, а предыдущий канцлер Бисмарк в своем докладе кайзеру отмечал подавление мятежа в Восточной Африке при активном посредничестве империи. Он также писал о необходимости выделения больших средств для решения проблем в регионе, чтобы было возможно только с одобрения Рейхстага⁵.

Необходимо отметить одну особенность германской системы колониального управления, а именно отсутствие лозунгов о высоких моральных целях, которыми часто руководствуется колониальная политика. Так, задачи по превращению африканцев в необходимый инструмент по извлечению богатств в колониях решались как мягкими, так и суровыми методами. Губернатор Путtkamer открыто говорил о наличии у себя и своей администрации эксплуататорских интересов. Губернатор Зейтц, напротив, вставал на сторону туземцев, даже когда такая политика навлекла на него критику и неприязнь других колонизаторов [Rudin 1938, S. 298].

В колониях одной из проблем довольно долгое время оставался вопрос рабства, даже несмотря на общеевропейское стремление бороться с ним после Конголезской конференции. Рабство продолжало существовать во многом из-за развития плантационной экономики. Безусловно, использование рабского труда в качестве бесплатной рабочей силы применялось для получения большей прибыли с колоний, но это также противоречило принципам «цивилизаторской миссии». Географ Пассарге, рассуждая о рабстве, отмечал, что «рабство существует как социальная необходимость, уничтожить которую по исключительно филантропическим соображениям невозможно». Он также отметил, что отмена рабства означала бы разрушение культуры страны и создание условий для хаоса⁶. Туземцы были для колонизаторов скорее рабочими, так как только они были адаптированы к жаркому климату тропической Африки, в то время как европейцы не были в состоянии самостоятельно обрабатывать землю даже в долгосрочной перспективе⁷.

⁵ Bericht Bismarcks an den Kaiser vom 9. November 1888 über die Lage in und um Ostafrika // Sorge R. Der neue deutsche Imperialismus. Berlin: Dietz, 1988. S. 144–145.

⁶ Passarge S. Adamaua. Bericht über die Expedition des Deutschen Kamerun-Komitees in den Jahren 1893/94. Berlin: Geographische Verlagshandlung Dietrich Reimer, 1895. S. 526.

⁷ Puttkamer J. Gouverneursjahre im Kamerun. Berlin: Verlag von Georg Stilke, 1912. S. 330.

Изначально было запланировано, что дешевой рабочей силой для работы на плантациях будет коренное население. Это иногда приводило к злоупотреблению полномочиями со стороны руководителей, как плантаций, так и рядовых колонистов, которые могли совершать преступления против коренного населения. Несмотря на то, что телесные наказания были отменены в Германии еще в 1871 г., немецкие фермеры зачастую настаивали на их использовании в колониях. Жители африканских колоний не считались равными европейцам, поэтому жестокое отношение к ним во многих районах было обыденным делом.

Преступления колонистов чаще всего наказывались незначительными штрафами или вовсе игнорировались властями. Безусловно, нельзя сказать о повсеместном жестоком отношении к туземцам, и некоторые руководители отмечали, что ни за совершенные насильственные действия и преступления отдельными лицами, ни за ошибки определенной категории белого населения, ни за отдельные случаи нападений нельзя винить все белое, и в основном немецкое население страны⁸.

Проводимая немецкой администрацией политика «грабежа» скота, насильственный труд и искоренение традиционных обычай – все это не могло не вызывать недовольства коренного населения, однако крупные восстания против властей происходили только в Юго-Западной и Восточной Африке. В Юго-Западной Африке политика губернатора Лейтвейна отчасти провоцировала сами племена восстать против колонистов. Кроме того, проводимая им политика «разделяй и властвуй» стремилась к делению крупных племен на более мелкие группы⁹. Таким способом были изолированы племена мбандьери и кхаяу во время восстания 1896 г., что не позволило им оказать сопротивление колониальным войскам. По итогам восстания немцы смогли укрепить отношения с теми племенами, которые остались лояльными к колониальным властям, а также экспроприировать около 12 000 голов скота во время военных действий и после их окончания в качестве reparаций [Conrad 2016, S. 93–94].

На тот момент это было единственное крупное выступление против германских властей в Юго-Западной Африке. Однако в 1904–1907 гг. подряд происходят два крупных восстания: гереро и нама. Основными причинами были насильственная экспроприация собственности, жестокое отношение и абсолютное бесправие населения колонии. Тот факт, что восстания произошли по оче-

⁸ Schwabe K. Der Krieg in Deutsch-Südwestafrika, 1904–1906. Berlin: Weller, 1907. S. 70.

⁹ Leutwein T. Op. cit. S. 95.

реди, а не одновременно, сыграл очень важную роль в их подавлении. Союз двух самых крупных племен Юго-Западной Африки мог изменить положение дел в войне, а политика, проводимая губернатором Лейтвейном по предотвращению каких-либо союзов, стала, по его словам, спасением для немецких властей в начале восстания¹⁰. Восстание гереро стало полной неожиданностью для колониальных властей. По словам командующего войсками Юго-Западной Африки, в начале 1904 г. положение дел в колонии не вызывало особого беспокойства¹¹.

В самом начале восстания гереро немецкие колониальные власти не имели возможности подавить его и были вынуждены ждать подкрепления из Германии. Специально для подавления восстания из Германии был вызван офицер фон Трота, имевший представление о ведении боевых действий в Африке. После его прибытия при Ватерберхе произошла решающая битва, в которой гереро были разбиты, а немецкие войска начали преследование оставшихся гереро по направлению к безводной пустыне Омахеке. Дальнейшие действия германских войск сегодня расцениваются как геноцид целого народа. Подчеркивается, что конфликт вступает в фазу геноцида после того, как собственно война уже подошла к концу. Приказ генерала фон Троты стрелять по людям гереро на месте был нацелен на уже побежденного противника [Melber 2005, S. 151]. Приказ стрелять в восставших, в число которых также входили женщины и дети, создание лагерей для пленных и изгнание гереро в район пустыни Омахеке – все это привело к тому, что война под руководством Троты современными постколониальными исследованиями интерпретируется как война на уничтожение [Conrad 2016, S. 52].

После разгрома восстания всем оставшимся гереро было приказано покинуть территорию страны, а тех, кто решил остаться, разрешено было убивать на месте, включая женщин и детей. Этот приказ привел к еще большей ненависти со стороны народов Юго-Западной Африки к колониальным властям и сделал абсолютно невозможным ведение любых переговоров между сторонами.

Восстание племени нама случилось вскоре после разгрома гереро. Поводом для него стали угрозы, что после гереро колониальная администрация попытается расправиться и с нама. Несмотря на то, что нама поддерживало колониальные власти и даже присыпало людей на войну с гереро, ранее поступали угрозы разоружения населения, устронения вождей и роспуск племенных союзов. Ключевым моментом восстания стала смерть лидера нама Хендрика Витбоя 29 октября 1905 г., который смог успешно объединить и сплотить

¹⁰ Ibid. S. 492.

¹¹ Schwabe K. Op. cit. S. 59.

весь народ нама на борьбу против колонистов. После этого от его сына Хендрика, ставшего новым лидером племени, начали отделяться вожди со своими людьми, что сильно ослабляло восставших. Уже в феврале 1906 г. восставшие были вынуждены сдаться, однако их участь оказалась чуть лучше, чем у гереро, так как у немцев не было планов по полному выселению или тем более истреблению народа. Население подвергалась насильственному расселению в специально отведенных местах и постоянной военной охране. Партизанская война отдельных отрядов длилась вплоть до 1907 г., однако уже в меньших масштабах.

Оба восстания привели к огромному количеству жертв и поставили на грань исчезновения два крупных африканских народа. Точные цифры отсутствуют, но перепись 1911 г. сообщает только о 15 000 гереро (по сравнению с примерно 80 000 до восстания). Численность народа нама, составляющее около 20 000 человек, также сократилось примерно вдвое. Из 14 000 немецких солдат в Юго-Западной Африке около 1500 умерли от болезней и военных действий [Conrad 2016, S. 53].

Сходной была ситуация в Германской Восточной Африке: население в этой колонии было недовольно не только сложными условиями принудительного труда, но и увеличением количества новых налогов, как, например, подушный налог или налог на хижину. У африканцев просто не было средств для оплаты всех введенных налогов, что влекло за собой принудительную отправку на обработки вдали от дома. Кроме того, со стороны властей происходило подавление или подчинение традиционных политических институтов, произвол и насилие над населением.

Конкретными причинами были меры правительства по увеличению доходности колонии за счет налогов и принудительного выращивания хлопка, а также назначение деревенских старост, часто неместных арабов, которые ставили под сомнение автономию деревень. Однако в отличие от Юго-Западной Африки восстание не было поддержано более широким политическим сообществом, а произошло в регионе, где бок о бок проживало множество различных групп. Тот факт, что восстание вообще нашло надрегиональную поддержку, был обусловлен религиозным движением, возникшим под руководством пророка Кинджикителе в конце 1904 г. и вращавшимся вокруг культового поклонения «Маджи», который оказывал чудесное действие даже против винтовок колониальной державы. Преодолевая языковые, социальные и культурные границы, это движение смогло объединить преимущественно сельское население и даже нескольких полудиких народов.

Начало самого крупного восстания в Восточной Африке, которое будет известно как «восстание Маджи-Маджи», случилось

именно в тех районах, где происходила особенно жестокая эксплуатация природных и людских ресурсов. В рейхстаге заявили, что причиной возмущения на этот раз стали слишком невнимательный сбор налогов и применение принудительного труда среди населения¹². Начавшись с локальных вооруженных выступлений, восстание впоследствии приобрело характер «национальной войны против иноземного господства», как его называл губернатор Восточной Африки Густав Адольф фон Гётцен¹³. Стоит также отметить, что восстание оказалось полной неожиданностью для колониальных властей, так, они полагали, что племена и народы в данной колонии слишком были разобщены и не имеют военного потенциала из-за длительной прошлой борьбы против германского правления.

В начале восстания, по причине полной неожиданности, немецким колониальным войскам не удавалось оперативно реагировать на отдельные бунты, начинавшиеся в разных частях страны. Губернатор Гётцен отмечал сложность ведения войны против восставших ввиду их тактики, по которой они в начале появлялись большими группами до 1000 и 2000 человек, но со временем они распадались на множество мелких отрядов и этим вынуждали противника в горной местности вести затяжную мелкомасштабную войну, всегда сопровождавшуюся незначительными успехами¹⁴. Даже пленение и казнь лидера восстания Кинджикителе в самом начале восстания, никак не помогло остановить ход событий. Напротив, первоначальные успехи восставших убедили новые племена и народы присоединиться к восстанию.

Даже обладая многократным численным преимуществом, у восставших не получилось добиться крупных успехов. Сложностью для них были укрепленные пункты, которые немецкие войска могли успешно оборонять даже с маленьким гарнизоном. Немецкими колониальными войсками активно применялась тактика «выжженной земли», что привело к голоду во многих районах, который про длился около трех лет.

Восстание получилось подавить постепенно, но число жертв было невероятным. Именно сокращение населения, а не последовавший после восстания голод или разрушенные деревни, принесли тот ущерб, который более всего сказывался на экономической эффективности страны. В годовом отчете о развитии Восточной Африки даже говорилось: «то, что последовало за восстанием, было

¹² Zimmermann A. Geschichte der deutschen Kolonialpolitik. Berlin: Mittler, 1914. S. 252.

¹³ Götzen G. Deutsch-Ostafrika im Aufstand 1905/06. Berlin: Dietrich Reimer, 1909. S. 63.

¹⁴ Ibid. S. 58.

для туземцев хуже, чем открытые бои»¹⁵. Огромное количество скота и продовольствия было реквизировано или уничтожено, а жителей насильно переселяли в другие районы, что походило на методы в Юго-Западной Африке. По разным оценкам в результате подавления восстания погибло от 100 до 200 тыс. человек, лишь часть из которых погибла в результате боевых действий [Пегушев, Туполев 1991, с. 188]. Антиколониальные выступления народов в Восточной и Юго-Западной Африке в будущем были названы «большими восстаниями» [Дрекслер 1987, с. 176]. Во многом они являлись ответом африканского коренного населения на ту политику, которую проводили германские колониальные власти. Сразу активно началось обсуждение вопроса об изменениях в управлении колониями, для предотвращения подобных массовых восстаний в будущем. Даные восстания отчетливо указывали на явный кризис всей «туземной политики». Для многих становилось очевидно, что подавление крупных восстаний снижает градус напряжения между сторонами только на какое-то время, при этом не давая гарантий, что подобные восстания не будут повторяться.

Для стабилизации положения и исключения повторения подобных выступлений в будущем необходимо было понять причины «больших восстаний»: были ли виноваты колониальные чиновники, предприниматели, миссионеры или военные. Каждая из этих групп старалась снять с себя вину за произошедшее. В правительстве считали, что причиной была деятельность предпринимателей и торговцев, не замечавших последствий в своей погоне за прибылью. Предприниматели напротив, считали главными причинами антиколониальных восстаний действия правительства, включая явное пренебрежение к традициям и жизни коренного населения в регионах, а также передел земли и его несправедливые для африканцев последствия. Некоторая ответственность перекладывалась на христианских миссионеров. В Восточной Африке в восстании обвинили местных шаманов и колдунов, которые уверяли население в магии, которая способна помочь им избавиться от немецких колонистов.

Империя понимала необходимость решения «туземной проблемы», которая оставалась даже после подавления всех восстаний, поэтому было подготовлено два метода: военный и политический. Вариант с либерализацией рассматривался ввиду успешной политики в колонии Того, которую часто называли образцовой колонией из-за отсутствия выступлений против колониальной администрации. Однако, в большей части колоний, особенно в тех, где происходили восстания, вводились суровые постановления о сокращении прав и свобод коренного населения. Так, например,

¹⁵ Ibid. S. 233.

в Юго-Западной Африке «туземная проблема» решалась с помощью тотальной и насильтвенной экспроприации земельной собственности у населения. Однако те земли, которые по разным причинам не находились в собственности коренного населения и, следовательно, не использовались, объявлялись собственностью государства. Смена местожительства и выезд в другой округ даже на короткий период времени был возможен только с разрешения чиновника в своем регионе. Безусловно, это могло усложнить получение рабочего места, усиливало статус туземцев как дешевой рабочей силы и укрепляло правовую незащищенность туземцев. Таким образом, возможность выбора работы была официально ограничена пределами колониального округа. Кроме того, земельная собственность гереро и нама после восстания была конфискована, а родоплеменная организация полностью разрушена. Местному населению полностью запрещалось содержание скота [Дрекслер 1987, с. 200–202]. В германской Восточной Африке происходила не только экспроприация земель и скота, но также был введен специальный налог для покрытия расходов на его подавление.

Нельзя, однако, сказать, что действия германских властей выделялись среди схожих процессов других европейских держав. Современные исследования немецкого колониального насилия пролили значительный свет на механику применения силы Германией в колониальных вопросах по всему миру, ставя немецкое колониальное насилие в один ряд с насилием, применяемым другими европейскими имперскими державами в своих колониях [Fitzpatrick 2018, S. 86–87].

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что использование коренного населения в качестве дешевой рабочей силы, жестокое обращение и пренебрежение их обычаями и традициями со стороны колониальных администраций – все это привело к крупным антиколониальным восстаниям. Безусловно, рассмотренные антиколониальные восстания являются проявлением кризиса германской колониальной администрации. Это заставило ее перейти к масштабным изменениям в управлении зависимыми территориями в целом, чтобы в дальнейшем исключить какое-либо активное противодействие местного населения метрополии.

Литература

Пегушев, Туполев 1991 – *Пегушев А.М., Туполев Б.М. Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке*. М.: Наука, 1991. 262 с.

- Дрекслер 1987 – *Дрекслер Х.* Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884–1915 / пер. с нем. А.С. Балезина. М.: Наука, 1987. 292 с.
- Conrad 2016 – *Conrad S.* Deutsche Kolonialgeschichte. München: Verlag C.H. Beck, 2016. 127 S.
- Hausen 1970 – *Hausen K.* Deutsche Kolonialherrschaft in Afrika: Wirtschaftsinteressen und Kolonialverwaltung in Kamerun vor 1914. Zürich: Atlantis, 1970. 340 S.
- Fitzpatrick 2018 – *Fitzpatrick M.* Colonialism, postcolonialism, and decolonization // Central European History. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 83–89.
- Melber 2005 – *Melber H.* Genozid und Gedenken: Namibisch-deutsche Geschichte und Gegenwart. Frankfurt a/M.: Brandes & Apsel, 2005. 208 S.
- Rudin 1938 – *Rudin H.R.* Germans in the Cameroons 1884–1914. A case study in modern imperialism. New Haven: Yale University Press, 1938. 456 p.

References

- Conrad, S. (2016), “Deutsche Kolonialgeschichte, Verlag C.H. Beck, München, Germany.
- Dreksler, H. (1987), *Yugo-Zapadnaya Afrika pod germanским колониальным господством, 1884–1915* [Südwestafrika unter deutscher Kolonialherrschaft: Der Kampf der Herero u. Nama gegen den deutschen Imperialismus (1884–1915)], Nauka, Moscow, USSR.
- Hausen, K. (1970), *Deutsche Kolonialherrschaft in Afrika: Wirtschaftsinteressen und Kolonialverwaltung in Kamerun vor 1914*, Atlantis, Zürich, Switzerland.
- Fitzpatrick, M. (2018), “Colonialism, postcolonialism, and decolonization”, *Central European History*, vol. 51, no. 1, pp. 83–89.
- Melber, H. (2005), *Genozid und Gedenken: Namibisch-deutsche Geschichte und Gegenwart*, Brandes & Apsel, Frankfurt a/M., Germany.
- Pegushev, A.M. and Tupolev B.M. (1991), *Vosstanie Madzhi-Madzhi. Stanovlenie i krizis germanского колониального правления в Восточной Африке* [The Maji-Maji rebellion. The rise and crisis of the German colonial rule in East Africa], Nauka, Moscow, Russia.
- Rudin, H.R. (1938), *Germans in the Cameroons 1884–1914. A case study in modern imperialism*, Yale University Press, New Haven, USA.

Информация об авторе

Сергей А. Филин, аспирант, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; saf1998@rambler.ru

ORCID ID: 0009-0006-6542-8683

Information about the author

Sergei A. Filin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; saf1998@rambler.ru

ORCID ID: 0009-0006-6542-8683

УДК 323.23(450)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-102-115

Рекламные и пропагандистские институты в фашистской Италии: версии взаимодействия

Елена Н. Якутина

*Московский гуманитарный университет,
Москва, Россия, yakutinaelena@gmail.com*

***Аннотация.** Фашистское государство в Италии имело последовательную программу развития рекламы, рекламных институтов и использования пропагандистских методов, укрепляя не только государственную машину воздействия на население, но решая задачи развития самой профессии рекламиста (или «техника» в терминах 20–30-х годов XX в.). Автор затрагивает проблему, которая в недавних работах итальянских и британских авторов вновь обсуждается – подавление фашистским государством отдельных сфер функционирования государства и общества. Институциональная ретроспектива в данной статье объединяется с историей знания о связях между коммерческим и политическим: отношения между зарождающейся в те годы профессией рекламиста и режимом, рождение Национального фашистского синдиката «Агентства и дома рекламы» и его органа, журнала «La Pubblicità d'Italia», исследования рекламы и пропаганды, проведенные в 1930-е гг., итоги работы профессиональных конгрессов и развитие международных обменов между специалистами. Фашистские коммуникации в Италии, их истоки и развитие, выявление новых ракурсов затрагиваемых проблем позволяют оказать теоретико-методологическую помощь в процессе их идентификации в условиях современных реалий.*

***Ключевые слова:** итальянский фашизм, история рекламы, политическая пропаганда, Национальный фашистский синдикат «Agenzie e case di pubblicità», журнал «La Pubblicità d'Italia»*

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2024 г.;
принята к публикации 19 мая 2025 г.

Для цитирования: Якутина Е.Н. Рекламные и пропагандистские институты в фашистской Италии: версии взаимодействия // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 102–115. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-102-115

© Якутина Е.Н., 2025

Advertising and propaganda institutions in fascist Italy. Versions of interaction

Elena N. Yakutina

Moscow University for the Humanities,

Moscow, Russia, yakutinaelena@gmail.com

Abstract. The Fascist State in Italy had a consistent programme for the development of advertising, advertising institutions and the use of propaganda methods, strengthening not only the state machine of influencing the population, but also resolving the problems of developing the profession of an advertiser (or a “technician” in the terminology of the 1920s-1930s). The author touches upon the issue that started to be discussed again in the recent works of the Italian and British authors – the suppression by the Fascist State of the certain spheres of state and society functioning. The institutional retrospective is combined in the article with the history of knowledge about the links between the commercial and the political: the relationship between the emerging advertising profession and the regime; the foundation of the National Fascist Syndicate, “The Agencies and Houses of Advertising”, and its publication, the magazine *La Pubblicità d’Italia*; the research on advertising and propaganda carried out in the 1930s; the results of the professional congresses and the development of international exchanges between professionals. The Fascist means of communication in Italy, their origins and development, the identification of the new perspectives on the issues addressed will provide a theoretical and methodological assistance in the process of their identification in the context of contemporary realities.

Keywords: Italian Fascism, advertising history, political propaganda, National Fascist Syndicate “Agenzie e case di pubblicità”, “La Pubblicità d’Italia” magazine

The article was submitted for publication 01.11.2024;
accepted for publication 19.05.2025.

For citation: Yakutina, E.N. (2025), “Advertising and propaganda institutions in fascist Italy. Versions of interaction”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 102–115, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-102-115

Введение

Идеологическая подоплека развития рекламы в период прихода к власти фашистов в Италии 1922–1939 гг. не является всеми исследователями однозначно трактуемой. Долгое время в публикациях об истории рекламы авторы опирались на тенденциозные работы, относящиеся к периоду сопротивления. Новые исследования и более тщательное изучение источников, в частности,

архивных каталогов и отчетов рекламных конгрессов и прессы рекламной индустрии, возникшей при фашизме, позволяет прийти к иным выводам о взаимосвязи рекламы и пропаганды в изучаемый автором данной статьи период и о подавлении любого политического и социального действия, не подчиненного фашистской идеологии. Целью данного исследования стало выявление создания, роста и выживания государственных институтов и общественных структур, которые появились под управлением фашистского государства или были разрешены, потому что государство видело свои интересы в рекламной сфере.

Пропаганда и реклама имеют общую идеологическую подоплеку, общественного и коллективного адресата, цели убеждения, риторико-аргументативную систему, язык, и отличаются по субъектно-объектному признаку. По мнению Т. Парсонса, задача пропаганды состоит в том, чтобы влиять на отношения, а отсюда – на действия людей [Parsons 1967, pp. 142, 171–172]. Между пропагандой и рекламой признается сходство в таких характеристиках как: в высшей степени убедительное намерение, коммуникационные стратегии, целевая аудитория, используемые средства массовой информации. А. Теста подчеркивает фундаментальный аспект, который с лингвистической точки зрения четко различает два типа сообщения: «рекламная коммуникация выражается на языке адресата. Пропагандистский посыл выражается языком вещателя» [Testa 2003, p. 24].

Границы между политической пропагандой и коммерческой рекламой размыты, пропагандистские приемы все чаще вдохновляются рекламными. Муссолини начал с рекламирования своей новой идеологии, себя как лидера и созданного им образа новой римской империи [Якутина 2015, с. 212–213]. Позже методы преподнесения рекламной информации государственных институций, включая самого дуче, сменились на более жесткие, прямые, призывающие к присоединению, а затем подчинению новой власти. В случае с коммуникацией фашизма, тон Муссолини нашел в доступных СМИ того времени идеальный отзвук – приоритет отдавался прессе, затем были использованы радио и кино.

В данной статье вопросы отношений между рекламодателями и режимом, обмен между рекламой и пропагандой в период фашизма затронуты в качестве предварительных изысканий, чтобы отделить рекламу от пропаганды, явно коммерческое от исключительно политического. Цель – придать историческую глубину паре «реклама – пропаганда». Для этого рассмотрены попытки профессиональной легитимации и способы интеграции рекламистов в фашистское государство, а также навыки и знания, которые составляли основу их балансировки между рынком и политикой.

Управление и профсоюзы

С точки зрения узаконивания рекламной деятельности, фашистское государство создало такое управленческое звено как Главное управление рекламы, Национальный фашистский синдикат «Агентства и дома рекламы», а также его официальный печатный орган, журнал «Реклама Италии». Идея о том, что рекламная профессия не пользовалась симпатией со стороны фашистского государства, повторена, например, В. Коделуппи в книге «История итальянской рекламы», который говорит в этом смысле о настоящем «черном двадцатилетии рекламы» [Codeluppi 2013, p. 71]. Это часто встречающийся в литературе образ [Ottaviani 2004; Giannini 2017] контрастирует с фактом: за двадцать лет фашизма на всех видах носителей были созданы и распространены тысячи рекламных объявлений, не являющихся дилетантскими, что делает неправдоподобной идею неприятия режима или, наоборот, предполагаемую оппозицию режиму со стороны рекламодателей. Речь не идет о том, чтобы играть словами и утверждать, что режим использовал «паблисити», а не «пропаганду», чтобы придать видимость новизны известным событиям и создать новое представление о госструктурах фашистской Италии. Напротив, речь идет о том, чтобы исследовать связь между рекламой и режимом, отталкиваясь от конкретных фактов, которые можно почерпнуть из источников и которые заставляют усомниться в связи между «рекламой» и «пропагандой».

Рекламная деятельность в годы фашизма претерпела значительные изменения [Brioschi 1984, pp. 190–191], причем не только в коммерческой сфере. Итальянские рекламисты заинтересовались пропагандой в классическом и политическом смысле этого слова, анализируя ее приемы и занимаясь её производством. Ярким примером проницаемости границ между рекламой и пропагандой является «Guida Ricciardi» – знаменитый ежегодник по рекламе, где уже во втором выпуске был добавлен подзаголовок «Реклама и пропаганда в Италии»¹, вплоть до того, что перевесил само название, к 1941 г. стал называться «Guida Ricciardi. Pubblicità e propaganda» (далее PP-GR). В предисловии к изданию 1936 г. четко сформулирован ряд принципов, широко разделявшихся в то время европейскими и американскими рекламистами: идея технической трансверсальности (пересекаемости) рекламы, польза которой выходит далеко за пределы чисто коммерческой сферы; определение Великой войны как конечного пункта всеобщего осознания; определение пропаганды как настоящего «оружия войны», необходимого

¹ Guida Ricciardi. Pubblicità e propaganda in Italia. Milano: Esperia, 1936. P. 5.

каждому государству; необходимость государственных «соответствующих органов для гражданской, политической, коммерческой и спортивной пропаганды». «Важность рекламы для целей пропаганды, выходящей за рамки представления товара или запуска отрасли, приобретающей значение акции национального интереса, подтверждается ее постоянно растущим и все более организованным использованием во всем мире. <...> Из этой посылки прямо следует, что пропаганда вышла из сугубо частной сферы и приобрела сегодня подлинный характер государственной функции. Ни одно правительство, ни одна вновь организованная страна не может абстрагироваться от этой реальности и освободить себя от необходимости иметь сегодня соответствующие органы гражданской, политической, военной, торговой и спортивной пропаганды»².

Фашистская «фабрика консенсуса» стала предметом важных исследований, которые позволилиочно установить политические и институциональные артикуляции структур, занимавшихся «пропагандой» [Ferrara 2011]³. Под термином подразумеваются формы убеждающей коммуникации, сложившиеся в явно политическом поле. Более разнородными – и по большей части недавними – являются материалы, которые относят рекламу к коммерческой коммуникации в течение двадцатилетнего периода. Из ее составной природы, находящейся на границе между экономикой, обществом, культурой и политикой, вытекает плюрализм подходов, которым подвергается феномен рекламы, – плюрализм, который проявляется в различных способах написания ее истории.

В конце 1930-х гг. рекламисты фактически входили в Национальную фашистскую федерацию коммерческих помощников⁴, которая являлась членом Континентального союза рекламы, основанного в 1927 г. Итальянские рекламисты действовали, имели классификацию и были заметны. Создание же профсоюза как этапа формирования профессиональной идентичности и поиска рекламистами официального признания началось еще до фашизма и продолжилось после Первой мировой войны. Национальный фашистский синдикат рекламных агентств и домов был создан в январе 1936 г.⁵

² Ibid. P. 8–9.

³ См. также: *Villani D. 50 anni di pubblicità in Italia. Milano, 1957; Ferrara P. Il Ministero della cultura popolare. Il Ministero delle poste e telegrafi / L'amministrazione centrale dall'unità alla repubblica. Le strutture e i dirigenti / a cura di P. Ferrara, M. Giannetto. Vol. 4. Bologna: Il Mulino, 1992. 278 p.*

⁴ *Bondanini G. Trade Union framing // Guida Ricchardi. Milano: Esperia, 1941–1942. P. 25.*

⁵ *Notiziario Sindacale // La Pubblicità d'Italia. 1937. № 1. P. 54.*

и начал работу в сентябре 1939 г. с комиссаром Д. Бонданини во главе. Несколько запоздалое провозглашение профсоюза означало, что категория «рекламистов» закрепила правила в корпоративном государстве. В марте 1922 г. была образована первая итальянская ассоциация рекламистов «Национальная федерация рекламы, техников, специалистов и пользователей». Этим факты подтверждают, что границы между рекламой и пропагандой были нечеткими, использование слова «пропаганда» не должно приводить к поспешным выводам о политическом характере рекламной работы.

В августе 1934 г. Фашистская конфедерация торговцев выделила категорию рекламодателей для «Агентства и рекламные дома» в Национальную фашистскую федерацию торговых помощников⁶. В Совете федерации, возглавляемом сенатором Д. Банелли, рекламодателей представляют профессор и промышленник К. Момильяно, руководитель рекламного отдела А. Доменегини и директор по рекламе компании «Manzoni» А. Фиора.

В 1935 г. было создано Министерство печати и пропаганды, и несколько итальянских рекламистов потребовали создания при нем Главного управления по рекламе, не только чтобы добиться регулирования рекламы, но и прежде всего потому, что реклама может «и должна быть грозным оружием <...>. В рамках фашистской организации <...> можно предвидеть применение нового оружия войны и <...> применение нового оружия рекламы»⁷.

Поэтому речь шла не только о том, чтобы добиться регламентации рекламы и признания профессиональной категории в рамках корпоративного государства (что уже происходило под эгидой Министерства корпораций)⁸, но и о том, чтобы показать функциональность рекламных приемов для государственной пропаганды, а значит, и о заинтересованности в создании Главного управления в рамках Министерства пропаганды.

21 января 1936 г. Исполнительный совет Национальной фашистской федерации торговых помощников принял решение о создании Национального фашистского синдиката рекламных агентств и домов. Постановление было ратифицировано с положением Министерства корпораций от 29 марта 1937 г. К. Момильяно, вице-президент Федерации, в июне 1936 г. был назначен комиссаром профсоюза, а в июле 1937 г. – главным редактором «La Pubblicità d’Italia», нового официального органа профсоюза⁹. Вице-президент

⁶ Ibid.

⁷ Guida Ricciardi... P. 10–11.

⁸ La Pubblicità d’Italia. 1937. Agosto–settembre. No. 2–3. P. 3.

⁹ Ibid. 1937. Luglio. N. 1. Ultima pagina (non numerata).

представлял Национальную фашистскую федерацию вспомогательных профсоюзов также в Совете директоров Континентального союза рекламы, с которым была связана итальянская федерация¹⁰.

Создание образовательных структур

Начиная с 1920-х гг. при определении квалификации важным является владение знаниями и приемами убеждающей коммуникации. На заседании Совета Национальной рекламной федерации 31 мая 1922 г. был поднят вопрос о «создании настоящей национальной школы рекламы»¹¹. Отдельные курсы уже существовали: с 1919 г. в вечерней коммерческой школе при Миланской торговой палате; пионер рекламы Э. Грего создал вечернюю школу углубленного изучения рекламы и коммерческой психологии в 1922 г. под эгидой недавно созданной и недолго просуществовавшей Национальной федерации техников, специалистов и пользователей рекламы [Di Jorio 2014, pp. 89–116]. Из журнала Итальянского центра изучения рекламы и пропаганды в Турине следует, что в 1923 г. на Национальном конгрессе Федерации высшего коммерческого образования была создана комиссия, которой поручалось изучить программу, необходимую для преподавания рекламы, и заручиться поддержкой представителей всех вовлеченных в проект секторов – от политики до промышленности. Но «никто не оказал никакой конкретной помощи инициаторам проекта, которым пришлось на время отказаться от его реализации»¹². В различных источниках упоминается о зарождении в 1924 г. Национального рекламного синдиката [Brioschi 1984, p. 222], который также оказался недолговечным.

После середины 1920-х гг. проблема школ оставалась нерешенной. В 1927 г. новый ежемесячный журнал «Современный офис», («L’Ufficio Moderno», далее UM) [Brioschi 1984, p. 199–200] выступил с предложением о создании школы продаж, открыто надеясь на содействие Миланской торговой палаты¹³, и был поддержан бизнесом¹⁴. В 1928 г. журнал совместно с Высшей школой практи-

¹⁰ Notiziario Sindacale... P. 55.

¹¹ L’Impresa Moderna e l’Ufficio Moderno Riuniti. 1922. May–June. A. 11. No. 5–6. P. 202.

¹² Perché // Pubblicità e propaganda. Rivista del Centro Italiano studi pubblicità e propaganda. 1955. Ottobre–dicembre. No. 1. P. 9.

¹³ L’Ufficio Moderno. 1927. September. A. 2. No. 9. P. 473–475.

¹⁴ Rocca P. Per una scuola di vendita – Adesioni e incoraggiamenti // L’Ufficio Moderno. 1928. April. A. 2. No. 4. P. 214.

ческой рекламы в Париже (скорее всего речь идет о Высшей школе публицистики, основанной в Париже в 1927 г.) открыл школу рекламы по почте с выдачей диплома¹⁵. И именно на теме школ открывается редакционная статья в UM за июль–август 1928 г.¹⁶

Проблема определения и разграничения границ профессии, поставленная в начале 1920-х гг. с созданием первой национальной федерации, оставалась предметом дискуссий и в середине следующего десятилетия. В 1937 г. новообразованный фашистский синдикат предлагал создать в Милане и Риме курсы “профессиональной техники” для обеспечения основы идентификации рекламных техник и для составления списков рекламодателей и регулирования их деятельности¹⁷.

Некоторые источники также упоминают о создании в 1939 г. в Турине молодыми специалистами в области психорекламы «Итальянского центра по изучению рекламы и пропаганды», работа была прервана войной¹⁸.

Вопрос о школах связан с професионализацией, разработкой формального этического кодекса, призванного отсеять неквалифицированных¹⁹. В 1936 г. «Guida Ricciardi» опубликовала «Кодекс рекламы», первоначальную попытку обобщить основные положения и юридические нормы, регулирующие вопрос: «синдикат должен как можно быстрее и по-фашистски провести “чистку” рекламной среды»²⁰.

Рекламодатели и режим

В годы режима итальянские рекламные силы были объединены в различные национальные конфедерации:

- конфедерации торговли: технические рекламные агентства (консультирование и/или реализация кампаний) и продавцы рекламных носителей (концессионеры рекламных площадей, независимо от носителя). Рекламные носители, независимо от носителя: пресса, кино, радиовещание, радио и т. д.);

¹⁵ Una scuola di pubblicità // L’Ufficio Moderno. 1928. Giugno. A. 3. No. 6. P. 370; Un diploma // L’Ufficio Moderno. 1928. Settembre. A. 3. No. 9. P. 476.

¹⁶ Minerva e Mercurio – In tema di programmi scolastici // UM. 1928. Luglio–agosto. A. 3. No. 7–8. P. 387–388.

¹⁷ Notiziario italiano // La Pubblicità d’Italia. 1937. Novembre–dicembre. N. 5–6. P. 76.

¹⁸ Perché... P. 9.

¹⁹ Bondanini G. Op. cit. P. 31.

²⁰ Ibid.

- конфедерации промышленности: производители и изготовители рекламных материалов и предметов, продаваемых непосредственно потребителям;
- конфедерацию профессионалов и художников: художники, пла-катисты, писатели, дизайнеры рекламы;
- автономной федерации ремесленных сообществ: фотографы, изготовители световых рекламных носителей или рекламных предметов (например, сувенирной продукции)²¹.

Такое дифференцированное распределение свидетельствует о плюрализме компетенций, сходящихся в рекламной работе, но также и о противоречиях, существовавших внутри нее.

Рекламные группы Конфедерации торговли и Конфедерации промышленной промышленности являлись членами Континентального рекламного союза и участвовали в своих первых конгрессах в Париже (1928 г.), Берлине (1929 г.) и Брюсселе (1930 г.). Политическая и социальная функция рекламистов была четко обозначена на IV Международном конгрессе по рекламе, состоявшемся в Италии в 1933 году. Она подтверждается и в процессе поиска ими места в корпоративном устройстве, вплоть до создания в 1936–1937 гг. Национального фашистского синдиката «Агентства и дома рекламы» и его печатного органа «Реклама Италии».

Конгресс 1933 г.

Международный рекламный конгресс, ставший первым мероприятием такого масштаба, организованным в Италии, сделал «государственную рекламу» одной из своих центральных тем. Организованный Национальными фашистскими торгово-промышленными конфедерациями по приглашению Континентального союза рекламы, конгресс проходил между Римом и Миланом в сентябре 1933 г. Он продемонстрировал связи между рекламой и режимом и представлял собой международную витрину итальянской рекламы при фашизме.

Мероприятия, подготовленные длительной рекламной кампанией в торговой и информационной прессе²², продолжались пять дней: с 17 по 21 сентября 1933 г. в Риме, затем в Милане, и факультативно на озерах и в Венеции. В конгрессе приняли участие делегации из 16 стран, в том числе США, Великобритании, Испании,

²¹ Codice pubblicitario // Guida Ricchardi. Milano, 1941–1942. P. 561–671.

²² Interesse inglese per il Congresso pubblicitario in Italia // Ufficio Moderno. La Pubblicità. 1933. Luglio–agosto. A. 8. No. 7–8. P. 448.

Франции и Германии²³. Торжественное открытие конгресса состоялось в присутствии заместителя министра по делам корпораций Биаджи, представлявшего правительство, и заместителя губернатора Рима графа д'Анкора. В Сала дель Кончисторо участников конгресса принимал Папа Римский, выступивший с речью о «морали публичности», дуче дал аудиенцию президентам делегаций в Палаццо Венеция²⁴. Э. Чедраски, директор Итальянского рекламного союза (UPI), открыл конгресс, проиллюстрировав причины сотрудничества, которое он считал необходимым, между фашистским режимом и рекламой. «Занимаясь государственной рекламой и пропагандой <...> все, что было придумано и созданное в этой четко очерченной области, не могло быть ни задумано, ни реализовано, в Италии, за исключением климата фашизма. Пропаганда всегда рассматривалась партией как самое эффективное оружие, самый мощный инструмент для быстрого достижения великих целей, которые она перед собой ставила <...> чтобы мудрая воля дуче достигла всех областей, во всех средах»²⁵.

Седраски не преминул отметить многочисленные заслуги рекламных организаций в их сотрудничестве в мероприятиях режима, среди которых бесплатные кампании «Национальный продукт», «Битва за зерно», «Выставка фашистской революции», а также государственные рекламные кампании почты и телеграфа, железных дорог и табачной монополии. Цифры и статистика, относящиеся к этим кампаниям, являются подтверждением «восходящего движения рекламы в рассмотрении и оценке государства»²⁶. По окончании работы конгресса в Риме участники были приглашены посетить Выставку фашистской революции. Два дня работы в Милане имели более насыщенную программу, в которую вошли заседания, посвященные техническим и юридическим аспектам, взаимоотношениям с искусством и средствам рекламы.

Участие в международных конгрессах свидетельствует о том, какое значение придается в это время обмену знаниями в области убеждающей коммуникации. Передача опыта и внимание к инициативам в других странах продолжались на протяжении 1930-х гг. Культурная автаркия также не стала тормозом для мобильности итальянских рекламистов во второй половине 1930-х гг.

²³ Ufficio Moderno. *La Pubblicità*. 1933. Marzo. A. 8. No. 3. P. 144–145.

²⁴ Ibid. 1933. Ottobre. A. 8. No. 10. P. 519–530.

²⁵ *La pubblicità degli enti statali* // Guida Ricchardi. 1936. P. 37–41.

²⁶ «L'organizzazione delle forze pubblicitarie in Italia» (1933) // Congresso internazionale della pubblicità. Roma – Milano, 1933-XI, 17–21 Settembre. Milano: Officina d'Arte Grafica A. Lucini & C, 1933. P. 81.

Официальный журнал

В июле 1937 г., за несколько дней до открытия Третьего Всемирного рекламного конгресса в Париже, вышел первый номер журнала «Реклама Италии», *«La Pubblicità d'Italia»* (далее PI), официального органа Национального фашистского синдиката «Рекламных агентств и домов». После К. Момильяно редакторство переходит к У. Дзампьери, директору Национальной фашистской федерации по коммерции. В редколлегию журнала вошли видные деятели, в основном связанные с миром печатных СМИ: Э. Амикууччи, директор «Газетты дель Пополо»; сенатор Д. Банелли, управляющий компанией, президент Национальной фашистской федерации вспомогательных торговых организаций; Н. Кастеллино, профессор медицины, предприниматель, президент с 1934 г. Национальной фашистской федерации редакторов газет и агентств печати; У. Гульельмотти, секретарь с 1933 г. Национального фашистского союза журналистов; А. Паволини, президент с 1934 г. Фашистской конфедерации профессионалов и артистов, будущий министр народной культуры, и Р. Фариначчи, к которому в августе присоединился Э. Малузарди, тогдашний инспектор ФНФ.

Журнал зародился как орган фашистского профсоюза и должен был заниматься вопросами, связанными с профсоюзной дисциплиной. Однако редакция писала о рекламном производстве, «коллективных рекламных кампаниях», охарактеризованных как «новая и жизненная сила, призванная внести мощный вклад в автаркическое воспитание итальянского народа»²⁷.

Журнал союза получал ежегодное финансирование в размере 50 тыс. лир от Министерства народной культуры²⁸. Журнал представлял собой витрину итальянской рекламы при фашизме. Престижный по форме, по составу редакции (Бонтемпелли, Маринетти, Пини, Тассинари, Боггери), по содержанию, он демонстрирует и превозносит достижения рекламы. Основная цель – подчеркнуть вклад рекламы в конструирование фашистской эдиции, в строительство фашистского здания и величия Италии, а также легитимизировать ее функции голосом авторитетных фирм. В журнале преобладает апологетическая проза и художественно-литературные рассуждения, далекие от технических дебатов. Журнал является источником, из которого можно почерпнуть свидетельства сложных связей между миром рекламы и миром политики.

²⁷ Programma di lavoro // *La Pubblicità d'Italia*. 1937. Luglio. N. 1. P. 6.

²⁸ Lettera di Cedraschi a Celso, Milano, 26 settembre 1942 // Archivio Centrale dello Stato, Ministero della Cultura Popolare, Gabinetto (далее – ACS, MCP, Gab.), b. 207, fasc. Rivista «La pubblicità italiana».

Зарубежные журналы и культурные обмены

На протяжении 1930-х гг. не существовало ни априорной, ни идеологической цензуры. Культурная автаркия не распространяется на знания, которые могли быть полезны и были приняты в Италии. Этот международный и междисциплинарный уклон проявляется в отраслевых журналах «Guida Ricciardi», «L’Ufficio moderno», органе фашистского союза «La Pubblicità d’Italia». Затронутые темы, прежде всего «национальная», т. е. «политическая», функция рекламы, подтверждают, что границы между рекламой и пропагандой в то время были несколько размыты.

«La Pubblicità d’Italia» выходит на двух языках. Большинство статей, почти в полном объеме, в «Guida Ricciardi» к 1941 г. были переведены на немецкий язык. Межнациональная перспектива теперь строится по образцу альянсов: в статьях рассказывается о рекламе в странах «оси», таких как Германия, Япония или Венгрия адмирала Хорти, а также в нескольких нейтральных странах, таких как Швейцария²⁹.

В первые четыре месяца 1941 г. «Реклама Италии» посвятила специальный номер обмену визитами и договоренностями между представителями Верберата немецких рабочих и Национальной фашистской федерации торговых помощников³⁰. Обмены стали носить постоянный характер. Так, в сентябре 1941 г. президент Федерации У. Альберики отправился в Германию и заключил соглашение с президентом Верберата профессором Хунке «об углублении и интенсификации сотрудничества в области рекламы и экономической пропаганды». С этой целью был создан итalo-германский комитет по экономической пропаганде, возглавляемый двумя президентами. С итальянской стороны в состав комитета, помимо самого Альберики, вошли «два представителя популярной культуры». Этот новый орган, который должен был проводить регулярные заседания, должен был «решать общие вопросы, касающиеся двух стран в области рекламы и экономической пропаганды»³¹. Присутствие двух представителей «Народной культуры» свидетельствует об осознании связи между рекламой и пропагандой. С другой стороны, Хунке является не только

²⁹ Guida Ricchardi. Milano, 1941–1942. P. 89–133 (Germania), 139–158 (Svizzera), 59–164 (Ungheria), 165–172 (Giappone).

³⁰ La Pubblicità d’Italia. 1941. Gennaio–aprile. No. 43. P. 46.

³¹ Un accordo italo tedesco per la collaborazione nel settore della pubblicità <dattiloscritto del comunicato destinato alla stampa italiana, ottobre 1941> // ACS, MCP, Gab., b. 69, fasc. Comitato italo-germanico per la pubblicità e la propaganda economica (CIGPPE).

президентом немецкого Werberat, но и «видным сотрудником Министерства печати Германии и руководителем зарубежного сектора этого министерства»³².

Заключение

В действиях рекламных предпринимателей, рекламодателей и государственных институтов в фашистской Италии нельзя говорить о тотальном подавлении коммерческого начала. Институциональная ретроспектива показывает отношения между рекламистами и режимом как заинтересованные, этому подчинено развитие всех структур рекламной индустрии: управляющего синдиката, профессиональных образований, специализированного журнала, научных исследований, профильных образовательных учреждений, международных обменов между специалистами. Также деятельность внутри сферы рекламы не показывает существование отдельных определенно друг от друга техник рекламы и пропаганды, границы между ними в условиях фашизма и автаркии проницаемы.

Литература

- Якутина 2015 – Якутина Е.Н. История рекламы Италии в период фашизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58). С. 212–216.
- Codeluppi 2013 – *Codeluppi V.* Storia della pubblicità italiana. Roma: Carocci, 2013. 182 p.
- Brioschi 1984 – *Brioschi E.T.* Elementi di economia e tecnica della pubblicità. Vol. 1: Dai primordi alla pubblicità moderna. Milano: Vita e Pensiero, 1984. 340 p.
- Di Jorio 2014 – *Di Jorio I.* La nascita del pubblicitario // Storia e problemi contemporanei. 2014. N. 66. P. 89–116.
- Ferrara 2011 – *Ferrara P.* Dalla Grande guerra al fascismo. L’evoluzione degli apparati di propaganda in Italia // Costruire il nemico. Studi di storia della propaganda di Guerra / a cura di N. Labanca, C. Zadra. Milano: Unicopli, 2011. P. 151–175.
- Ottaviani 2004 – *Ottaviani G.* Il controllo della pubblicità sotto il Minculpop. Milano: Todariana, 2004. 95 p.
- Giannini 2017 – *Giannini G.* Un Martini per il Duce. La comunicazione pubblicitaria nell’Italia fascista. Amazon, s.d. [2017]. 228 p.

³² Appunti per il Gabinetto dell’Eccellenza il Ministro della Cultura Popolare. Milano, 29 gennaio 1943, p. 1 // ACS, MCP, Gab., b. 69, fasc. CIGPPE.

Parsons 1967 – Parsons T. Essays in sociological theory. N.Y., 1967. 460 p.
Testa 2003 – Testa A. La pubblicità. Suscitare emozioni per accendere desideri.
Bologna, Il Mulino, 2003. 148 p.

References

- Brioschi, E.T. (1984), “Elementi di economia e tecnica della pubblicità”, vol. 1: Dai primordi alla pubblicità moderna, Vita e Pensiero, Milan, Italy.
- Codeluppi, V. (2013), *Storia della pubblicità italiana*, Carocci, Rome, Italy.
- Di Jorio, I. (2014), “La nascita del pubblicitario”, *Storia e problemi contemporanei*, no. 66, pp. 89–116.
- Ferrara, P. (2011), “Dalla Grande guerra al fascismo. L’evoluzione degli apparati di propaganda in Italia”, in Labanca, N. and Zadra, C., eds., *Costruire il nemico. Studi di storia della propaganda di Guerra*, Unicopli, Milan, Italy.
- Giannini, G. (2017), *Un Martini per il Duce. La comunicazione pubblicitaria nell’Italia fascista*, Amazon, s.d.
- Ottaviani, G. (2004), *Il controllo della pubblicità sotto il Minculpop*, Todariana, Milan, Italy.
- Parsons, T. (1967), *Essays in sociological theory*, New York, USA.
- Testa, A. (2003), *La pubblicità. Suscitare emozioni per accendere desideri*, Il Mulino, Bologna, Italy.
- Yakutina, E.N. (2015), “History of advertising in Italy at the time of Fashism”, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, vol. 58, no. 8, pp. 212–216.

Информация об авторе

Елена Н. Якутина, кандидат исторических наук, Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д. 5; yakutinaelena@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-8968-9898

Information about the author

Elena N. Yakutina, Cand. of Sci. (History), Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia; 5, Unost' St., Moscow, Russia, 111395; yakutinaelena@gmail.com

ORCID ID:0009-0009-8968-9898

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-116-133

Источники о военной деятельности участника Белого движения на Востоке России Б.П. Резухина до периода Гражданской войны

Алексей К. Лагунов

*Государственный центральный музей современной истории России,
Москва, Россия, a.lag@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется выявленная совокупность источников, в которой зафиксированы сведения о военной деятельности соратника барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга Б.П. Резухина в период с 1905 по 1917 г. В рамках исследования анализируется пребывание Б.П. Резухина в Монголии и на фронтах Первой мировой войны, освещаются эпизоды его деятельности, которые прежде не становились объектами изучения в историографии. При изучении сведений о первом пребывании Б.П. Резухина в Монголии выявлены проблематики, которые подробно в источниках не отражены, например, служба Резухина в составе конвоя Русского консульства в Урге. Военная служба в период Первой мировой войны воссоздается преимущественно на основании архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот. При работе с ними выявлен контекст их создания, проанализированы зафиксированные в них сведения, и на основании этого был сделан вывод о моральных качествах Резухина и его командирских способностях. В результате исследования дана комплексная оценка Б.П. Резухина как военного деятеля в разные периоды времени. Больше всего на его становление как командира повлияли пребывание в Монголии 1911–1914 гг. и участие в Первой мировой войне. В Монголии Резухин приобрел первый опыт командования подразделениями, познакомился с особенностями региона и тактикой ведения боевых действий китайцами. Участие в Первой мировой войне дало опыт командования партизанским отрядом. Эти способности ему пригодились в годы Гражданской войны.

© Лагунов А.К., 2025

Ключевые слова: Источники; Резухин; Революция; Монголия; Первая Мировая война; барон Унгерн

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2024 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Лагунов А.К. Источники о военной деятельности участника Белого движения на Востоке России Б.П. Резухина до периода Гражданской войны // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 116–133.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-116-133

Sources on the military activities of B.P. Rezukhin, the participant of the White Movement in the East of Russia, before the Civil War

Alexei K. Lagunov

*State Central Museum of Contemporary History of Russia,
Moscow, Russia, a.lag@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the identified set of sources, which record the information on the military activities of B.P. Rezukhin, an associate of Baron R.F. von Ungern-Sternberg in 1905–1917. The study considers B.P. Rezukhin's stay in Mongolia and at the fronts of the First World War, highlights the episodes of his activities that have not previously become the object of study in historiography. When evaluating the information on the first stay of B.P. Rezukhin in Mongolia, the author identifies the problematics that have not been reflected in detail in the sources, as, for example, Rezukhin's service as part of the convoy of the Russian Consulate in Urga. His military service during the First World War is recreated mainly on the basis of the archival sources, which have been introduced into scientific circulation for the first time. When working with those sources, the context of their creation was revealed, the information recorded in them was analyzed, and basing on that, a conclusion was made about Rezukhin's moral qualities and his commanding abilities. The study resulted in a comprehensive assessment of B.P. Rezukhin as a military figure at different time-periods periods. The most significant impact in shaping him as a commander had his stay in Mongolia in 1911–1914 and participation in the First World War. In Mongolia, Rezukhin gained his first experience in commanding units, got acquainted with the specifics of the region and the Chinese tactics of warfare. Participation in the First World War gave the experience of a partisan detachment command. Those abilities turned out to be useful for him during the Civil War.

Keywords: sources, Rezukhin, revolution, Mongolia, World War I, Baron Ungern

The article was submitted for publication 28.12.2024;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Lagunov, A.K. (2025), "Sources on the military activities of B.P. Rezukhin, the participant of the White Movement in the East of Russia, before the Civil War", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 116–133, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-116-133

Введение

Деятельность Б.П. Резухина (1886–1921) – яркого представителя Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, изучена значительно меньше, чем его более известных соратников. В частности, в историографии биографии Резухина уделялось меньшее внимание, чем личности его начальника, барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга, командующего Азиатской дивизии. Эта ситуация объяснима, учитывая мифологизированный образ Унгерна, который складывался все годы, прошедшие с момента расстрела барона (1921 г.). Тем не менее фигура Б.П. Резухина является интересной и во многом ключевой для понимания деятельности Унгерна в Забайкалье и Монголии.

Особенно мало изучена деятельность Резухина до периода Гражданской войны в России. Согласно теории источниковедения О.М. Медушевской [Медушевская 2017, с. 625] «каждый источник есть прежде всего историческое явление своего времени и только в качестве такого может быть правильно понят и истолкован». Это применимо в том числе и к источникам о деятельности Резухина до Гражданской войны в России. Источники раскрывают не только аспекты его военной службы, но и исторический контекст, в рамках которого Резухин приобретал опыт командования подразделениями.

Неопубликованные источники о биографии и деятельности Б.П. Резухина представлены документами из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Важным видом источников являются послужные списки, источники, в которых подробно излагалась боевая деятельность человека с начала службы до года создания документа. В них фиксировались основные сведения о человеке, переводы в другие воинские подразделения, участие в боевых действиях, ранения, награды, выполнение различного рода приказов и др. В исследовании анализируются сведения из послужных списков штабс-

капитана П.В. Резухина за 1879¹, 1884² и 1894³ гг. и Б.П. Резухина за 1916⁴ и 1917⁵ гг.

Использованы сведения из аттестаций Б.П. Резухина за 1913⁶ и 1916⁷ гг. Аттестации – вид документов, в которых давалась оценка моральных и боевых качеств офицера командиром воинского подразделения, в составе которого пребывает оцениваемый офицер.

Не менее важным видом источников является «Описание боевой службы» с 1914 по 1915 г.⁸, где наиболее детально раскрывается военная деятельность Резухина в годы Первой мировой войны. «Описание боевой службы» как источник отличается от предыдущих тем, что в нем изложен не весь боевой путь, а конкретные военные эпизоды, в которых офицер принял активное участие. Аттестации и описание боевой службы были созданы в качестве доказательства храбрости Б.П. Резухина с целью восполнить утерянный им прежде год службы.

Также использовались журнал боевых действий 1-го Аргунского полка Забайкальской казачьей дивизии в период с сентября по октябрь 1916 г. и приказы полка в период с 1909 по 1911 г. Обнаруженные в них сведения раскрывают как деятельность Резухина в годы Первой мировой войны, так и позволяют рассмотреть предполагаемые обстоятельства знакомства Резухина с Унгерном.

Из опубликованных источников в исследовании используются воспоминания соратников барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга, таких как Н.Н. Князев⁹, М.Г. Торновский¹⁰, К. Гижицкий¹¹ и др. Используются воспоминания И.Ф. Шильникова «I-ая Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 г.»¹²,

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 16 128. Л. 24.

² Там же. Ф. 409. Оп. 2. Д. 28 468. Л. 366.

³ Там же. Оп. 1. Д. 131 678. Л. 147.

⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 47.

⁵ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 44.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ Там же. Л. 42.

⁹ Князев Н.Н. Легендарный барон // Роман Федорович Унгерн фон Штернберг: Белый рыцарь Шамбалы. М., 2018. С. 161.

¹⁰ Торновский М.Г. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 гг. (военно-исторический очерк) // Роман Федорович Унгерн фон Штернберг... С. 27.

¹¹ Гижицкий К. Через Урянхай и Монголию: Воспоминания из 1920–1921 гг. М.; Берлин. 2018. С. 5.

¹² Шильников И.Ф. 1-ая Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918. Харбин, 1933. С. 1.

которые частично проливают свет на деятельность Б.П. Резухина в годы Первой мировой войны. До настоящего времени воспоминания являлись основным видом источников, откуда прежде привлекались свидетельства о деятельности Б.П. Резухина.

Краткие сведения о биографии Резухина отражены в протоколах допроса барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга в Новониколаевске, текст которых был опубликован С.Л. Кузьминым в сборнике «Барон Унгерн в документах и мемуарах»¹³ и переиздан А. Борисовым в сборнике «Барон Унгерн. Белый рыцарь Шамбалы»¹⁴.

Дополнительно привлекались данные, опубликованные на сайте РИА 1914 (Офицеры русской императорской армии)¹⁵.

Для характеристики общей ситуации в Монголии в период с 1911 по 1914 г., в которых принимал участие Б.П. Резухин, большое значение имеют работы В.Ж. Цветкова, Л.А. Юзефовича, С.Л. Кузьмина, Н.Н. Смирнова, А.А. Сизовой, А.В. Жукова, Ц.П. Ванчиковой, Е.Н. Земенцевой, К.А. Медведева и др. Однако в них подробно биография Б.П. Резухина не излагается. Привлекались сведения, которые опубликовал в своей статье публицист В.П. Таараруев [Таараруев 2020] «Генерал Резухин. Последний рыцарь барона Унгерна». Она была опубликована на сайте tagagchev.ru в 2020 г. Тогда была сделана попытка реконструировать биографию Б.П. Резухина. Однако, в ней не были привлечены сведения из тех источников, которые приводятся в настоящей статье. Следует отметить, что позднее сайт со статьей был заблокирован, однако ее текст сохранился на ресурсе Web archive. Благодаря этому, остается возможным рассмотреть взгляд В.П. Таараруева.

Целью исследования является реконструкция биографии Б.П. Резухина на основании совокупности источников о его деятельности за период с 1905 г., когда началась его военная служба, до осени 1917 г. Основным методом исследования является метод источниковедческого анализа. Восстановление биографии Б.П. Резухина производится при помощи сопоставления сведений о его деятельности из различных источников, определения степени их полноты и достоверности.

¹³ Допрос Р.Ф. Унгерна 7 сентября 1921 г. в Новониколаевске // Кузьмин С.Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 220.

¹⁴ Протокол допроса Р.Ф. Унгерна в Новониколаевске // Роман Фёдорович Унгерн фон Штернберг... С. 421.

¹⁵ Резухин 2-й Борис Петрович. URL: https://ria1914.info/index.php/Резухин_Борис_Петрович_2 (дата обращения: 20.12.2022).

*Военная деятельность Б.П. Резухина
до Гражданской войны в России*

Первым вопросом в биографии любого человека является его дата рождения. Долгое время этот вопрос в отношении Резухина оставался открытым. В.П. Тааруев [Тааруев 2020] относительно недавно утверждал, что дата рождения неизвестна. На основании архивных источников, прежде всего послужных списков Б.П. Резухина за 1916 и 1917 гг., установлено, что он родился 6 марта 1886 г.¹⁶ Поэтому, именно такая дата рождения точно указана на портале *ria 1914*¹⁷.

О месте рождения Резухина ничего неизвестно. Единственная информация содержится в протоколе допроса барона Унгерна членами Новониколаевского ЧК представителем ВЧК по Сибири И.П. Павлуновским, комиссаром Оперативного управления и начальником разведывательного управления помощника главкома по Сибири С.Г. Вележевым, членом Реввоенсовета 5-й армии В.М. Мулиным, начальником оперативного управления штаба помощника главнокомандующего по Сибири С.Г. Бежановым и заместителем председателя Сибревкома С.Е. Чуцкаевым¹⁸. Унгерн утверждал, что Резухин происходил из Тверской губернии¹⁹. Разделяет версию и исследователь деятельности барона Унгерна С.Л. Кузьмин [Кузьмин 2011, с. 31]. В архивных документах из фондов РГВИА подобной информации выявить не удалось. Зато известно, что Резухин происходил из военной семьи, будучи сыном штабс-капитана Грязовецкого резервного батальона П.В. Резухина²⁰, уроженца Вологодской губернии²¹. Пётр Владимирович Резухин родился 28 июня 1855 г. и происходил из семьи священника г. Кадникова (сведения известны из Послужного списка П.В. Резухина, составленного после окончания им Московского пехотного юнкерского училища в 1879 г.²²). Изначально воспитывался в Вологодской духовной семинарии, выпустился из которой 23 января 1878 г.²³, а уже потом окончил курс в Московском

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 44, 45, 47; Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 1.

¹⁷ Резухин 2-й Борис Петрович...

¹⁸ Протокол допроса Р.Ф. Унгерна в Новониколаевске // Роман Фёдорович Унгерн фон Штернберг... С. 421.

¹⁹ Там же. С. 426.

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 131 678. Л. 147.

²² Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 16 128. Л. 24.

²³ Там же.

пехотном юнкерском училище²⁴. Мать Бориса Петровича Резухина, Марья Ивановна Дружинина, тоже была дочерью священника²⁵. Более подробных сведений о ней пока не обнаружены. Однако, примечательна следующая деталь. В фондах РГВИА сохранились послужные списки П.В. Резухина за 1879, 1884 и 1894 гг. Из них известно, что в 1879 г. П.В. Резухин был холост²⁶, а в 1884 г. женат первым браком на М.И. Дружининой²⁷. Следовательно, женитьба П.В. Резухина произошла в период с 1879 по 1884 г. Б.П. Резухин упоминается в Послужном списке своего отца за 1894 г. Оттуда же нам известно, что у него были сестры Вера Петровна Резухина, родившаяся в 1884 г.; Людмила 1890 г.р. и младший брат Владимир 1889 г. р.²⁸

Становление Резухина как военного деятеля происходило в Ярославском кадетском корпусе, откуда был переведен в Елизаветградское кавалерийское училище 15 июня 1905 г., а там зачислен юнкером в младший класс рядового звания вольноопределяющимся 1-го разряда²⁹. Курс Елизаветградского училища он окончил 14 июня 1907 г., после чего был произведен в хорунжие и отправлен в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, куда прибыл 17 августа того же года и зачислен младшим офицером³⁰. В этом чине Резухин оставался все время прохождения службы в составе 1-го Аргунского полка, периодически отправляясь в командировку для «разгона злоумышленников» и обучения казаков³¹.

Во время службы в 1-м Аргунском полку произошел эпизод, отразившийся в дальнейшем на его военной карьере. Из-за частого распития алкоголя, Резухин получает в 1910 г. предупреждение. В дальнейшем оно повлияло на то, что его аттестовали не в 1910 г., как было положено по истечении 3 лет службы, а в 1911-м, после чего он получил чин сотника³². Текст предупреждения пока не выявлен, а упоминание о нем содержится в рапорте командира 1-го Верхнеудинского полка³³, в котором Резухин проходил службу в годы Первой мировой войны и в письме начальника штаба походного атамана генерал-майора А.П. Богаевского в штаб 1-го Верхне-

²⁴ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 150.

²⁶ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 16 128. Л. 24.

²⁷ Там же. Ф. 409. Оп. 2. Д. 28 468. Л. 369 об.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 131 678. Л. 150.

²⁹ Там же. Д. 129 952. Л. 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 41.

³³ Там же.

удинского полка³⁴. Эпизод о злоупотреблении Резухиным алкоголем известен из-за того, что по инициативе командира 1-го Верхнеудинского полка Д.Ф. Семёнова в 1916 г. была предпринята попытка отменить решение о неаттестации Резухина 1910 г., компенсировав утерянный год службы³⁵. Д.Ф. Семёнов написал рапорт начальнику 1-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии, но в восстановлении было отказано³⁶. Тем не менее из-за инициативы командира 1-го Верхнеудинского полка сложился комплекс документов, свидетельствующих об участии Б.П. Резухина в конкретных боевых эпизодах Первой мировой войны, поскольку для восстановления утерянного года службы нужны были доказательства, свидетельствующие о его боевых заслугах.

22 сентября 1911 г. Резухина переводят в 1-й Верхнеудинский полк, куда он был зачислен 9 октября, а предварительно произведен в сотники³⁷. 1-й Аргунский полк, в котором прежде служил Резухин, находился на станции Дауряя, в Забайкалье, а 1-й Верхнеудинский располагался в Кобдо, в Монголии [Смирнов 1994, с. 393]. Прибыл Резухин в расположение 1-го Верхнеудинского полка 23 октября 1911 г. В полку его назначили младшим офицером 6-й сотни и через месяц командировали в Ургу, столицу Монголии, 20 ноября 1911 г.³⁸

Как раз именно тогда в Монголии происходили события Синьхайской революции, приведшие к провозглашению независимости Монголии от Китая. В Китае была свергнута монархия династии Цин, и в октябре 1911 г. установлена власть республиканцев во главе с премьер-министром Юань Шикаем. Через месяц Монголия, фактически ее провинции, округи Халха и Кобдо, провозгласили свою независимость со столицей в Урге, а хутухта (духовный титул в буддизме) Богдо-гэгэн VIII был провозглашен Великим Ханом Монголии [Цветков 2019, с. 753]. В событиях принимала участие и Российская империя, имевшая свой геополитический интерес и взявшая провозглашенную Монголию под свое покровительство. Российская общественность с любопытством следила за событиями на Дальнем Востоке [Медведев 2021, с. 52], поскольку Россия имела весомое геополитическое влияние в регионе [Наземцева 2019, с. 760]. Также существовал фактор недавно прошедшей Русско-японской войны, память о которой в российском обществе была еще свежа. Поэтому, спустя год, 3 ноября 1912 г. были заключены Ургинские соглашения между представителями

³⁴ Там же. Л. 39.

³⁵ Там же. Л. 41.

³⁶ Там же. Л. 51.

³⁷ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

³⁸ Там же.

России и Монголии. Б.П. Резухин оказался участником происходивших событий. В дальнейшем, отношения уже советской России и МНР так же будут очень тесными, чему уделяется внимание и в современной историографии [Ванчикова 2019, с. 903]

Исследователи упоминают, что во время событий казаки, охранявшие российское консульство в Урге, поддерживали порядок в городе и не допускали грабежей и насилия. [Жуков 2013, с. 76]. Вероятнее всего, одним из них был и Б.П. Резухин. С.Л. Кузьмин утверждает [Кузьмин 2011, с. 31], что Резухин действительно служил в русском консульством конвое в Урге, однако в РГВИА точные материалы о подобной деятельности Резухина пока не выявлены. Исследователь ссыпался на сообщение в МИД консула России в Улясутае (город в Западной Монголии) от 21 декабря 1912 г. из фондов АВПРИ, в котором упоминается подразделение Б.П. Резухина с 60 казаками.

Уже в октябре 1912 г. Резухин был переведен в 3-ю сотню, в составе которой в ноябре участвовал в походе на г. Улясутай³⁹. Тогда Улясутай и Кобдо оказались в центре событий. Китай не собирался мириться с потерей Монголии и отправил туда свои отряды. В ноябре 1912 г. российские власти узнали о маневре Китая и с целью предотвратить захват китайцами отправили 1-й Верхнеудинский полк в Улясутай [Кузьмин 2011, с. 55]. По мнению С.Л. Кузьмина [Кузьмин 2011, с. 56], похожий маневр был осуществлен казаками уже в январе 1913 г., когда 1-й Верхнеудинский полк из Улясутая прибыл в Кобдо, в котором также участвовал и Резухин. Участник Азиатской дивизии барона Унгерна К. Гижицкий (1893–1967), побывавший в Кобдо только в годы Гражданской войны, в воспоминаниях кратко описывал события, происходившие там в 1912 г. Он упомянул примечательное обстоятельство, что за многие годы в Улясутае осели российские купцы⁴⁰. Русские поселения были не только там. К примеру, можно вспомнить известную русскую колонию в Урге [Юзефович 2015, с. 156]. Поэтому в Кобдо и Улясутае находились российские консульства, представлявшие интересы русских поселенцев [Сизова 2009, с. 101], что объясняет интерес российского правительства к ситуации в городах, когда для подавления восстания монголов туда были отправлены китайские войска, в том числе причину отправки в Кобдо 1-го Верхнеудинского полка для содействия монголам в борьбе против Китая.

В послужном списке Резухина говорится, что переход Верхнеудинского полка из Кобдо в Улясутай осуществился не в январе,

³⁹ Там же.

⁴⁰ Гижицкий К. Через Урянхай и Монголию: Воспоминания из 1920–1921 гг. М.; Берлин, 2018. С. 83.

а июле 1913 г.⁴¹ Кузьмин тоже упоминает этот поход [Кузьмин 2011, с. 58], однако остается не ясной причина отсутствия в послужном списке Резухина событий, относящихся к периоду января – июля 1913 г.

В РГВИА сведения о службе Резухина с ноября 1912 г. по май 1913 г. не обнаружены, однако пробел восполняет С.Л. Кузьмин [Кузьмин 2011, с. 55] на основании документов АВПРИ. По его данным, Резухин участвовал в разведках. Скорее всего, его деятельность оказалась успешной, потому что 6 мая 1913 г. он был награжден орденом святого Станислава 3-й степени⁴².

26 июня 1913 г. Резухин в составе полка переведен из Улясутая в Кобдо, куда прибыл 11 июля⁴³. На его пребывание в Кобдо стоит обратить особое внимание, так как именно там Резухин познакомился с Унгерном. Обстоятельства их знакомства подробно описываются мемуаристами. Так, в воспоминаниях начальника штаба Азиатской конной дивизии в Монголии М.Г. Торновского (1882–1963) говорится, что совершенно неизвестно, чем Унгерн (уехавший в Монголию как доброволец⁴⁴) занимался в Кобдо. Взаимодействие барона с Верхнеудинским полком, в чье расположение тот прибыл, Торновский рассматривает в качестве одной из версий⁴⁵. Начальник контрразведки у Унгерна в годы Гражданской войны в Урге Н.Н. Князев однозначно утверждал, что знакомство Унгерна с Резухиным произошло, когда Унгерн прибыл в расположение 2-го Верхнеудинского полка, сотню есаула Комаровского, где Резухин и служил⁴⁶. Хотя Резухин служил не во 2-м, как указано у Князева, а в 1-м Верхнеудинском полку⁴⁷, тем не менее подобный взгляд до сих пор в историографии остается безальтернативным, хотя С.Л. Кузьмин упомянул [Кузьмин 2011, с. 31], что Резухин был сослуживцем Унгерна по 1-му Амурскому полку. Однако, по всей видимости, Унгерн и Резухин были прежде знакомы по службе в 1-м Аргунском полку. Свидетельствуют об этом приказы полка периода с 1909 по 1911 г., в которых соседствуют упоминания как Резухина, так и Унгерна⁴⁸. Точных сведений о моменте их знакомства в тот период пока не обнаружено. Однако Резухин

⁴¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Торновский М.Г. Указ. соч. С. 30.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Князев Н.Н. Указ. соч. С. 164.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Ф. 5285. Оп. 1. Д. 169. Л. 83, 268 об., 282 об.; Д. 171. Л. 134, 135, 184 об., 308, 444, 493.

поступил в состав 1-го Аргунского полка в 1907 г.⁴⁹, в то же время как Унгерн прибыл в расположение этого полка в 1908-м⁵⁰. В 1910 г. Унгерн был переведен в 1-й Амурский казачий полк, таким образом их пути с Резухиным на время разошлись⁵¹.

В.П. Тааруев [Тааруев 2020] излагает версию знакомства Унгерна с Резухиным, согласно которой Резухин одолжил барону комплект чистого обмундирования и бритву, чтобы последний мог предстать перед начальством. Источник версии выявить не удалось. Она не фигурирует в мемуарах соратников Унгерна, а также в историографии. Исследователь Л.А. Юзефович [Юзефович 2015, с. 202] упоминает, что Резухин «старый, довоенный приятель» Унгерна. В любом случае, знакомство с бароном повлияло на дальнейшую деятельность Резухина в годы Гражданской войны.

В период его службы до Первой мировой войны Резухин ездил в командировки для поимки «шаек киргизов». Был награжден юбилейной медалью в честь 300-летия царствования Романовых⁵².

В июле 1914 г., после начала Первой мировой войны, Резухин в составе полка был передислоцирован в Троицкосавск Забайкальской области, а 1 сентября полк командирован в действующую армию на Восточный фронт, куда прибыл уже 7 числа⁵³. В октябре того же года, Резухин, будучи командиром 3-й сотни проявил себя в боях на территории Польши, под Августовым, Домбровкой, Боска Волей и в направлении Щерц-Петроки, сдерживая наступление немцев⁵⁴. 12 ноября 1914 г. во время наступления 1-го Верхнеудинского полка, 3-й сотне под командованием Резухина была поставлена задача захватить деревню Кузницу, находящуюся между г. Гродно и Белостоком, с чем он справился «блестяще»⁵⁵. Скорее всего, именно поэтому уже в апреле 1915 г., Резухин был награжден орденом святого Станислава 2-й степени с мечами⁵⁶.

Новый 1915 год для Резухина начался с вынужденной командировки на излечение в госпиталь, находившийся в г. Опочно⁵⁷. Конкретная причина отправки в госпиталь в документах не указывается. После возвращения в полк Резухин продолжил свою

⁴⁹ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 11. Д. 499 // Кузьмин С.Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. С. 51.

⁵¹ Там же.

⁵² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 42.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁵⁷ Там же.

боевую деятельность. Так, 10 мая 1915 г. разъезд под командованием Резухина под населенным пунктом Подчаша Воля вел перестрелку с превосходившим его вдвое разведывательным отрядом австрийцев и даже взял в плен «двух мадьяр пехотинцев»⁵⁸. Затем, обрушившись на противника вблизи его окопов, выяснил протяженность укреплений, о чём и доложил в штаб⁵⁹. Вероятно, в том числе и поэтому, Резухин был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом⁶⁰, а орден св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», он получил в совокупности за боевые заслуги с 1 декабря 1914 г. по 1 июня 1915 г.⁶¹

2 июля 1915 г. 6 с половиной сотен 1-го Читинского и 1-го Верхнеудинского полков под командованием Резухина проявили себя при атаке шашками без выстрелов д. Мокржец недалеко от г. Радом. Войско под командованием Резухина принудило австрийцев отступить, захватило окопы противника, и открыло ружейный огонь по отступающим. В ходе рейда, потеряв трех казаков, были захвачены пулеметы и большое количество пленных. Значительная часть пулеметов была взята под контроль 3-й сотней 1-го Верхнеудинского полка, которой Резухин командовал изначально⁶². 16 июля 1915 г. Резухин был контужен в бою на реке Висла⁶³.

В августе того же года он произведен в подъесаулы, а в декабре награжден мечами и бантом к ордену святого Станислава 3-й степени⁶⁴. Тогда же назначен командиром партизанского отряда⁶⁵. Об отряде упоминал и командующий 2-й бригадой 1-й Забайкальской дивизии генерал-майор И.Ф. Шильников (1877–1934). Он писал, что в составе партизанского отряда под командованием Резухина были назначены хорунжий Размахнин и 36 казаков от 1-го Читинского полка⁶⁶. В Журнале боевых действий 1-го Аргунского полка в период с 1 сентября по конец октября 1916 г. было обнаружено упоминание приказа о смене на позиции 1-го Читинского, 2-го Верхнеудинского и 58-го казачьих полков. При упоминании полков, которые должны сменить их на позициях, были даны их составы, в том числе и партизанского отряда, руководимого Резухиным.

⁵⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 42.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 2.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 42.

⁶³ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 7.

⁶⁴ Там же. Л. 3.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Шильников И.Ф. 1-я Забайкальская казачья дивизия в великой европейской войне 1914–1918 гг. Харбин, 1933. С. 79.

Отсюда становится известно, что в его подчинении находилась всего одна сотня (135 чел.)⁶⁷. Будучи командиром отряда, Резухин производил «опасные разведки и выполнял трудные и ответственные задачи, возлагаемые на него начальством»⁶⁸.

О деятельности Резухина в 1916–1917 гг. выявлено меньше сведений. В январе 1916 г. Резухин был выбран в суд чести полка, а весной и летом 1916 г. был награжден орденами св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 ст. с мечами. Тогда же утверждено вручение мечей и банта к ордену св. Станислава 3 ст., а в августе он награжден светло-бронзовой медалью «в память отличного выполнения мобилизации армии в 1914 г. на ленте ордена Белого Орла как состоявший членом приемных комиссий по приему в войска лошадей и других перевозчиков средств по военно-конской повинности»⁶⁹.

События февраля 1917 г. привели к системному кризису всех воинских частей, в том числе и 1-й Забайкальской казачьей дивизии, где служил Б.П. Резухин. Однако даже после публикации Приказа № 1 никто из казаков 1-й Забайкальской казачьей дивизии не принял участие в демонстрации, которую провела толпа тыловых солдат с красным знаменем [Смирнов 1994, с. 469]. Непосредственно в казачьих частях первое время митингов с красными знаменами не было вовсе⁷⁰. И.Ф. Шильников в своих воспоминаниях отразил атмосферу, царившую в дивизии в то время. По его словам, все ожидали несчастий, которые считали неизбежными без государственного руководства. Офицерство было ошарашено даже не самим фактом совершения революции, которую ждали, а отречением Николая II и великого князя Михаила Александровича⁷¹. Они считали, что отречение Государя уничтожило основу армии, по факту всех освободив от данной прежде присяги⁷².

Революционное разложение армии уже невозможно было остановить и это сказалось на деятельности Б.П. Резухина. Примерно в апреле 1917 г. партизанский отряд был расформирован, из-за чего Резухин вернулся обратно в свой полк командовать 3-й сотней⁷³. В ее составе он получил солдатский Георгиевский крест 4-й степени за отличия в бою у деревни Белогловы 7 июля 1917 г.⁷⁴

⁶⁷ РГВИА. Ф. 5285. Оп. 1. Д. 129. Л. 25 об.

⁶⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 42.

⁶⁹ Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 3.

⁷⁰ Шильников И.Ф. Указ. соч. С. 138.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 129 952. Л. 3.

⁷⁴ Там же.

К сентябрю 1917 г. тенденция развала армии обострилась и в казачьих частях. По мнению исследователя Н.Н. Смирнова [Смирнов 1994, с. 505], не последнюю роль сыграл большевистский агитпроп, усилившийся к моменту октябрьских событий 1917 г. Возможно, общей обстановкой на фронте и можно объяснить перевод Резухина в 4-й Пограничный Заамурский конный полк, произошедший в начале сентября 1917 г⁷⁵. Там он был назначен младшим офицером в 4-ю сотню и командирован в Москву и Нижний Новгород для приобретения непромокаемых плащей для полка⁷⁶. Сведения, которые были вклеены в дело, являются на настоящий момент последней информацией о военной деятельности Б.П. Резухина до начала Гражданской войны в России.

Необходимо также упомянуть об отношении к Резухину со стороны командования. В качестве основания для возвращения ему утерянного года службы, были приложены две аттестации, за 1913 и 1916 гг. В них отражены характеристики Резухина его командирами. В 1913 г. отмечалось, что Резухин «умственно развит, здоровъ хорошаго, неутомимый ездок. Нравственности хороший, к службе относится образцово, дисциплинирован. Трезвый. Хорошо воспитанный и тактичный. Отличный»⁷⁷. Аттестация 1916 г. отличается большей конкретизацией качеств Резухина благодаря тому, что за время Первой мировой войны он имел возможность лучше проявить свои командирские и боевые качества. В документе говорилось, что Резухин «безупречно честен, отечески заботлив о подчиненных, справедлив; быстро решает поставленные ему боевые задачи, правильно оценивая обстановку и энергично приводит их в исполнение. Отличный наездник, неутомимый в походах. Военной службе предан всей душой. Храбр, хладнокровен в опасности – в бою он этим вселяет уверенность в подчиненных, кои смело идут за ним, куда бы он их не повел. Ведет спартанский образ жизни, не пьет, товарищами любим. В общем, как офицер и человек выдающийся»⁷⁸.

Заключение

Таким образом, анализ источников за период с 1905 по сентябрь 1917 г. позволяет утверждать, что Резухин был как смелым и pragmatичным командиром, так и популярным среди подчиненных.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Л. 4.

⁷⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36 613. Л. 44.

⁷⁸ Там же. Л. 45.

В документах Российского государственного военно-исторического архива достаточно полно представлены сведения о военной деятельности Б.П. Резухина в составе 1-го Аргунского и 1-го Верхнеудинского полков Забайкальского казачьего войска. Отражены его боевые заслуги и личные качества. Совокупность этих источников дает относительно полное представление как о военной службе Резухина, так и о его личности.

В результате исследования была проведена реконструкция биографии Б.П. Резухина за период до Гражданской войны в России. Проанализированы сведения о его происхождении на основании прежде не введенных в научный оборот источников. Благодаря им можно заключить, что корни Б.П. Резухина уходят в Вологодскую губернию. Установлены и социальное происхождение его родителей – дети священников. Эти обстоятельства могли повлиять на складывание характера Б.П. Резухина, а также способствовать формированию моральных качеств командира.

В исследовании был поставлен вопрос об изучении обстоятельств знакомства Б.П. Резухина с бароном Унгерном. Выявленные источники позволяют рассмотреть версию, согласно которой их знакомство могло произойти не в Монголии, как описывают мемуаристы, а еще до их прибытия туда. Точных упоминаний пока не обнаружено, однако косвенно указывает на вероятность подобного события одно обстоятельство. Резухин и Унгерн находились в составе 1-го Аргунского полка примерно в одно время, в конце 1900 – начале 1910-х гг. Вероятнее всего, они друг о друге могли знать еще тогда.

В военной деятельности Б.П. Резухина до Гражданской войны в России можно выделить два значимых периода. Первым следует считать участие в составе 1-го Верхнеудинского полка в Синьхайской революции с 1911 по 1914 г. Период примечателен не только тем, что Резухин получал первый военный опыт в качестве команда, но и самим его фактом нахождения в Монголии. Впоследствии Б.П. Резухин в годы Гражданской войны примет активное участие в Монгольской кампании Азиатской дивизии. Проведенный анализ позволяет утверждать, что территория Монголии ему была и прежде знакома. Точно можно установить факт пребывания Резухина в монгольских городах Урга, Улясутай и Кобдо. Вероятней всего, тактика ведения боевых действий китайской армии ему была знакома по своему первому пребыванию в Монголии, что объясняет и его последующие победы над китайцами в годы Гражданской войны.

Вторым значимым событием его биографии до Гражданской войны в России следует считать участие в Первой мировой войне. На фронте Резухин проявляет свои командирские качества,

отличается личной храбростью во время ведения боевых действий, в результате чего получает комплиментарные оценки как от командиров 1-го Верхнеудинского полка, так и авторитет среди подчиненных. Признание Резухина как командира заключается еще в его назначении командовать партизанским отрядом. Для ведения боевых действий в качестве командира партизанского отряда необходимо не только быстро адаптироваться к меняющейся вокруг обстановке, но и доходчиво объяснить своим подчиненным суть совершаемых действий.

Таким образом, в предшествующее Гражданской войне в России время сформировались командирские качества Б.П. Резухина. Позже они проявились не только в сфере военной тактики, но и в отношении своих подчиненных.

Проведенное исследование позволит углубить имеющиеся сведения для дальнейшего изучения биографии Б.П. Резухина с момента его рождения до дня гибели.

Литература

- Ванчикова 2019 – Ванчикова Ц.П. Монголия и религиозная политика Коминтерна 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 900–908.
- Жуков 2013 – Жуков А.В. Барон Унгерн: Даурский крестоносец или буддист с мечом. М.: Вече, 2013. 414 с.
- Кузьмин 2011 – Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: КМК, 2011. 659 с.
- Медведев 2021 – Медведев К.А. П.М. Головачев: Дальний Восток в мыслях историка // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 50–61.
- Медушевская 2017 – Медушевская О.М. Источникование социалистических стран // Медушевская О.М. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Источникование: теория, история, метод. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 603–716.
- Наземцева 2019 – Наземцева Е.Н. Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне) // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 758–778.
- Сизова 2009 – Сизова А.А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 100–113.
- Смирнов 1994 – Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках: исторический очерк-хроника. Волгоград: Комитет по печати, 1994. 608 с.
- Тараоруев 2020 – Тараоруев В.П. Генерал Резухин: Последний рыцарь барона Унгерна // URL: <https://web.archive.org/web/20220512004501/http://tararuev.ru/2020/05/06/rezuhin> (дата обращения: 21.04.2025).

Цветков 2019 – Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1920–1922. М.: Язуа-Каталог, 2019. 1056 с.

Юзевович 2015 – Юзевович Л.А. Самодержец пустыни: Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: Молодая гвардия, 2015. 456 с.

References

- Kuzmin, S.L. (2011), *Istoriya barona Ungerna: opyt rekonstruktsii* [The history of Baron Ungern: the experience of reconstruction], KMK, Moscow, Russia.
- Medvedev, K.A. (2021), “P.M. Golovachev: The Far East in the thoughts of the historian”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science, History, International Relations” Series*, no. 1, pp. 50–61.
- Medushevskaya, O.M. (2017), “Source studies of socialist countries”, in Medushevskaya, O.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 2, Direct-Media, Moscow, Russia, Berlin, Germany, pp. 603–716.
- Nazemtseva, E.N. (2019), “Activity of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang)”, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no. 4, pp. 758–778.
- Sizova, A.A. (2009), “Russian consulates in Mongolia in the Russian – Chinese – Mongolian political interaction of the early 20th century”, *Far Eastern Studies*, no. 6, pp. 100–113.
- Smirnov, N.N. (1994), *Slovo o zabaikal'skikh kazakakh: istoricheskii ocherk-khronika* [A lay about the Trans-Baikal Cossacks. A historical sketch-chronicle], Komitet po pechati, Volgograd, Russia.
- Tararuev, V.P. (2020), *General Rezukhin: Poslednii rytsar' barona Ungerna* [General Rezukhin. The last knight of Baron Ungern], available at: <https://web.archive.org/web/20220512004501/http://tararuev.ru/2020/05/06/rezuhin> (Accessed 21 Apr. 2025).
- Tsvetkov, V.Zh. (2019), *Beloе delo v Rossii: 1920–1922* [White movement in Russia: 1920–1922.], Yauza-Katalog, Moscow, Russia.
- Vanchikova, Ts.P. (2019), “Mongolia and the religious policy of the Comintern of the 1920s – 1930s”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 900–908.
- Nazemtseva, E.N. (2019), “Activity of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang)”, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no. 4, pp. 758–778.
- Zhukov, A.V. (2013), *Baron Ungern: Daurskii krestonosets ili buddist s mechom* [Baron Ungern. The Daurian crusader or the Buddhist with the sword], Veche, Moscow, Russia.
- Yuzefovich, L.A. (2015), *Samoderzhets pustyni: Baron R.F. Ungern-Shternberg i mir, v kotorom on zhil* [Sovereign of the desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей К. Лагунов, аспирант, Государственный центральный музей современной истории России, Москва, Россия; 125375, Россия, Москва, Тверская ул., д. 21, стр. 1; a.lag@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0992-3445

Information about the author

Alexei K. Lagunov, postgraduate student, State Central Museum of Contemporary History of Russia, Moscow, Russia; 21-1, Tverskaya St., Moscow, Russia, 125375; a.lag@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0992-3445

История культуры в документальном наследии

УДК 930.25(470.54)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-134-145

Газета «Архивные ведомости» как элемент коммуникационной стратегии свердловских архивов

Оксана В. Селезнева

Государственный архив административных органов

Свердловской области,

Екатеринбург, Россия, selezneva@gaaoso.ru

Аннотация. Развитие информационных технологий способствовало масштабной трансформации человеческой цивилизации, оказало влияние на все стороны жизни общества, в том числе преобразовав стратегию развития архивов как общественного института. Из тени на первый план вышла коммуникационная функция архивных учреждений и ведомств. В статье на примере опыта архивной службы Свердловской области рассматривается один из каналов взаимодействия архивистов с внешней средой – корпоративное издание «Архивные ведомости». Контент-анализ всех номеров издания позволил оценить вклад газеты в общую корпоративную стратегию региональной архивной службы в части открытости для общества. Выявлено, что за 23 года своего существования издание неоднократно меняло свои типологические характеристики, демонстрируя изменения в коммуникационной стратегии свердловских архивов. Новые подходы потребовали от архивистов особых компетенций: возраст профессионализм авторов из среды сотрудников архивов, расширился жанровый спектр газеты и ее функции. Эволюционировав от многотиражной газеты до имиджевого периодического издания, «Архивные ведомости» и сегодня остаются устойчивым каналом коммуникации, сохранив формат ведомственной печати, выводящей на первый план функцию информирования читателей о текущей и перспективной деятельности свердловских архивистов.

Ключевые слова: архив, коммуникация, газета, «Архивные ведомости», средства массовой информации, корпоративная пресса, ведомственное издание, публикация архивных документов

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2024 г.;
принята к публикации 17 апреля 2025 г.

Для цитирования: Селезнева О.В. Газета «Архивные ведомости» как элемент коммуникационной стратегии свердловских архивов // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 134–145. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-134-145

The newspaper “Arkhivnye Vedomosti” as an element of the communication strategy of the Sverdlovsk region archives

Oksana V. Selezneva

*The State Archive of the Administrative Authorities
of the Sverdlovsk region,
Ekaterinburg, Russia, selezneva@gaaoso.ru*

Abstract. The development of information technologies contributed to the large-scale transformation of human civilization, influenced all aspects of society, including reconstituting the strategy for the development of archives as a public institution. The communication function of archival institutions and departments came to the fore from the shadows. The article uses the experience of the archival service of the Sverdlovsk region as an example to consider one of the channels of interaction between archivists and the external environment – the corporate publication “Arkhivnye Vedomosti”. The content analysis of all the issues of the publication allowed assessing the newspaper’s contribution to the overall corporate strategy of the regional archival service in terms of openness to society. It was revealed that over the 23 years of its existence, the publication has repeatedly changed its typological characteristics, demonstrating the changes in the communication strategy of the Sverdlovsk archives. New approaches required special competencies from archivists: the professionalism of the authors from among the archive employees increased, the genre range of the newspaper and its functions expanded. Having evolved from an organization newspaper to an image periodical, the “Arkhivnye Vedomosti” today remains a stable channel of communication, preserving the format of departmental press, bringing to the forefront the function of informing the readers about the current and future activities of Sverdlovsk archivists.

Keywords: archive, communication, newspaper, “Arkhivnye Vedomosti”, mass media, corporate press, departmental publication, publication of archival documents

The article was submitted for publication 18.12.2024;
accepted for publication 17.04.2025.

For citation: Selezneva, O.V. (2025), “The newspaper ‘Arkhivnye Vedomosti’ as an element of the communication strategy of the Sverdlovsk region archives”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 134–145, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-134-145

Введение

Миссия архивов как «поставщиков» информации, возвращающих обществу, по выражению Е.В. Старостина, «уснувшую память», сегодня никем не ставится под сомнение [Старостин 2010, с. 18]. В условиях стремительно развивающегося информационного общества архивы в полной мере реализуют не только взаимодействие с исследователями в целях обеспечения равного доступа к Архивному фонду Российской Федерации, но и коммуникации с любым потенциальным пользователем архивной информации, с общественными институтами и органами власти. В первом случае речь идет о формировании внутренней архивной информационной среды [Автократов 2001, с. 68–69], во втором – мы говорим о формировании внешнего информационного поля с помощью традиционных средств массовой информации, новых медиа, корпоративных СМИ. Их деятельность призвана не только «подсветить» важную роль архивных учреждений в жизни общества, но и способствовать распространению ретроспективной информации, которая является элементом культурного наследия.

Для свердловских архивистов одним из составных элементов коммуникационной практики является газета «Архивные ведомости». Сам по себе выпуск корпоративных газет не считается чем-то уникальным для архивной среды. Однако «Архивные ведомости» – единственное региональное СМИ, которое выпускается архивным ведомством непрерывно вот уже 23 года. Через призму ведомственного издания мы сможем увидеть, как менялась коммуникационная стратегия свердловских архивов на протяжении 23 лет и оценить вклад газеты в общую корпоративную стратегию архивной службы в части открытости для общества. Для этих целей изучим и проанализируем 278 номеров газеты.

Первые шаги корпоративной газеты свердловских архивистов

Появление в недрах архивной службы такого канала взаимодействия как газета стало возможным на волне преобразований в стране, которые неизбежно коснулись российских архивных

Рис. 1. Первая полоса газеты «Архивные ведомости», № 1, 2001

органов и учреждений, заявивших о новой политике открытости. Первый номер газеты «Архивные ведомости» вышел в свет 21 декабря 2001 г. Он представлял собой печатное издание, выполненное на четырех полосах формата А3 в двух цветах – черном и синем. Учредителем газеты стало Управление архивами Свердловской области (рис. 1).

Газета делалась архивистами в свободное от основной работы время, не хватало профессиональных навыков, к тому же ощущалась определенная стесненность в средствах, судя по скромному исполнению первых номеров газеты. В январе и феврале 2002 г. газета не выходила. На регулярной основе выпуск был возобновлен с марта 2002 г., когда у газеты появился первый профессиональный редактор – А.М. Джапаков (выпускающий редактор газеты в 2002–2013 гг.).

А.А. Капустин, начальник Управления архивами Свердловской области того периода (1991–2021 гг.), которому принадлежала инициатива выпуска архивной газеты, вспоминал, что до А.М. Джапакова «Архивные ведомости» были «боевым листком», и только с приходом Анатолия Михайловича издание приобрело облик

настоящей газеты¹. В декабре 2013 г. после смерти А.М. Джапакова выпускающим редактором газеты стала его ученица Э.А. Богомолова. С осени 2017 г. и по настоящий день эту работу также выполняет автор данного исследования, в прошлом профессиональный журналист.

Главным жанром первых номеров «Архивных ведомостей» стала короткая информационная заметка – «королева» многотиражной печати. Но при этом газета время от времени поднимала сложные профессиональные вопросы, рассматривала нормативно-правовые акты, влияющие на развитие архивного дела – т. е. постепенно приобретала признаки ведомственной печати. Противоборство двух форматов – многотиражной и ведомственной газеты – будет свойственно изданию в первые годы его существования.

Многотиражная или ведомственная? – исторический экскурс

Чтобы понять природу эклектичного характера первых номеров газеты «Архивные ведомости», немного углубимся в историю вопроса. Ряд исследователей относит многотиражные и ведомственные издания к типу корпоративных СМИ. С такой типологизацией согласны не все, считая, что корпоративные СМИ отличает от ведомственных их коммерческая природа (финансируются из бюджета коммерческой организации), а от многотиражных – отсутствие социально-политического контента [Чемякин 2020, с. 5–12]. Однако найти дальнейшие существенные отличия исследователи затрудняются. Мне близка точка зрения А.Ю. Горчевой, которая предлагает отнести к понятию корпоративной прессы как многотиражные, так и ведомственные издания [Горчева 2008, с. 72–86]. И те и другие отличает нишевый характер, имиджевая составляющая и стремление к объединению целевой аудитории по профессиональному или отраслевому признаку. А вот по времени возникновения два вида печатной прессы разделяет целый век.

Ведомственная печать появилась с Российской империи вскоре после учреждения министерств в первой половине XIX в. Первопроходцами в этом вопросе стали Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел. Появление ведомственной периодики было связано со стремлением императора Александра I к общественной гласности в деятельности органов власти и желанием распространять передовые идеи в среде просвещенных людей [Календарова 2001, с. 54–55].

¹ Селезнева О.В. Газета как часть жизни // Архивные ведомости. 2021. № 4 (238). С. 8.

Нечто совершенно иное представляла из себя многотиражная газета – «низовая печать» советской эпохи. Бум развития многотиражных СМИ пережил две волны. Первая пришла на период индустриализации в СССР. В условиях партийно-государственной модели управления перед газетой ставились пропагандистские и организаторские задачи [Мурзин 2005, с. 63]. И «низовая пресса» отлично с ними справлялась. Начиная с 1932 г. страна была охвачена сетью многотиражных изданий, каждое из которых работало на локальную целевую аудиторию – работников фабрик и заводов, строек, учебных заведений и даже системы ГУЛАГа. Внешний облик, целевая аудитория, структура и содержание, характер отношений с читателями, система гонораров в каждом случае регламентировались партийными органами [Горчева 2008, с.74].

Второе дыхание многотиражная пресса (в более широком смысле – корпоративная) получила в 1991 г. после подписания Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным указа «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Организации и ведомства получили право регистрации собственных СМИ без предварительного согласования с партийными органами, что спровоцировало «печатный бум». Именно в такой атмосфере родилась идея выпуска регионального издания свердловских архивистов «Архивные ведомости».

Как и многотиражки, представлявшие по замыслу их создателей продукт самодеятельности рабкоров, большая часть статей в «Архивные ведомости» готовилась работниками архивов. «Местечковость» газете придавали многочисленные заметки о днях рождения сотрудников, некрологи, информация о праздниках и культмассовых мероприятиях архивистов – эти черты сближали «Архивные ведомости» с многотиражной прессой. Однако с 2004 г. ярче проявляется ведомственная направленность периодического издания: в рубрике «Официальный отдел» начинают публиковаться приказы начальника Управления архивами Свердловской области, планы работ, постановления правительства Свердловской области в области архивного дела.

Газета наращивает тираж

Еще в январе 2004 г. газета была четырехполосной, но уже с февраля того же года стала выходить на шести полосах. С апреля 2006 г. по настоящее время – на восьми. Это стало возможным, в первую очередь, за счет расширения географии «корреспондентской сети»: первыми в число постоянных авторов газеты были приглашены архивисты, участвовавшие в зональных заседаниях научно-методического совета архивных учреждений Уральского федерального

округа (ЗНМС УрФО). Позже свои материалы, содержащие информацию о жизни, истории и культуре регионов, стали представлять архивные службы Удмуртской Республики, Республики Татарстан, Орловской области, Сахалина, городов Оренбурга, Вологды, Ульяновска и др.

Тираж газеты на протяжении 23 лет менялся не единожды, но всегда оставался в диапазоне 500–1000 экземпляров. На увеличение или сокращение тиража влияли три фактора: экономическое положение ведомства, востребованность издания у потенциальных читателей и такой субъективный фактор как мнение учредителя.

Большим достоинством газеты «Архивные ведомости» являлось то, что с первых номеров сформировался ее уникальный облик. Это было достигнуто путем разработки фирменного стиля и появления постоянных рубрик. Вот некоторые из них:

1. «У истоков архивного дела» (история зарождения и становления архивных учреждений; биографии судеб архивистов начала XX в., внесших большой вклад в развитие архивного дела в регионе).
2. «Архивная мозаика России» (новости архивных учреждений).
3. «Архивная полка» (исторические и краеведческие статьи, созданные на базе архивных документов).
4. «Архивные курьезы» (фрагменты архивных документов, имеющие сегодня курьезный или юмористический смысл) и пр.

Создание качественного оригинального контента для наполнения газеты было делом весьма трудоемким. Поэтому на протяжении первых десяти лет традиционными были серии статей, созданных на базе больших научных работ или даже целых книг, и публикуемых по принципу «из номера в номер». Так, цикл «Духовная столица Урала – возрождение» – о восстановлении исторического облика и святынь г. Верхотурье публиковался на протяжении 2004–2005 гг. Главы из книги В. П. Козлова, руководителя Росархива в 1996–2009 гг., «Бог сохранил архивы России» выходили из номера в номер на протяжении восьми (!) лет, с 2007 по 2014 г.

В более поздние времена «сквозная» рубрикация нередко выливалась в формирование газетных проектов. Так, в связи со 100-летием органов ФСБ России в 2017 г. (№ 188–195, 197, 198)² выходили публикации на основе архивных документов о деятельности органов государственной безопасности Среднего Урала. Через 2017–2018 гг. прошли рубрики, посвященные 100-летию двух революций и 100-летию начала Гражданской войны (№ 195, 197, 198 за 2017 г.; № 199, 200, 205, 206 за 2018 г.).

² Использована сквозная нумерация газеты «Архивные ведомости».

Не обходилось без жанровых противоречий. Размещение на страницах газеты материалов, написанных в научном стиле³, не отвечало концепции доступности газеты как средства массовой информации и, скорее, выдавало сформированную годами привычку архивистов писать для научных изданий.

Акцент на нишевость газеты

Постепенно работники архивов из других регионов начинают охотно писать для свердловской корпоративной газеты, и «Архивные ведомости» становятся в большей степени инструментом общения и передачи живого профессионального опыта. Меняется характер публикаций. Если ранее узкоспециализированная тематика была представлена по большей части официальными докладами, «дорожными картами» и отчетами архивных ведомств, то теперь в газете все больше места стали занимать статьи архивистов «от первого лица». В них велись дискуссии по актуальным проблемам теории и практики архивного дела, по вопросам научно-исследовательской и методической работы. И дело тут не только в определенном методическом подходе, но и в значительном расширении компетенций самих архивистов.

Являясь лицом, ответственным за редактирование, макетирование и фактическую подготовку всех материалов к печати с 2017 г. по настоящее время, могу констатировать: еще пять лет назад присланный в газету материал требовал от выпускающего редактора серьезной переработки. Сегодня большинство предлагаемых архивами статей написаны с соблюдением всех норм русского литературного языка и не требуют большого вмешательства редактора. Налицо процесс обретения архивистами новых компетенций в области коммуникаций в соответствии с требованием времени.

Усиление имиджевой функции газеты

Изменение типологических характеристик печатного издания продолжилось в 2021 г., когда новым руководителем Управления архивами Свердловской области стал Р.С. Тараборин. Существенно изменился облик газеты. С 2023 г. издание перешло с черно-белой печати и офсетного носителя на полноцветную печать и стало выходить на мелованной высококачественной бумаге. Повышенное

³ Катиukов В.В. Партийные архивы: проблемы и перспективы развития // Архивные ведомости. 2021. № 6 (240). С. 3.

Рис. 2. Первая и вторая полосы газеты «Архивные ведомости», № 5, 2024

внимание стало уделяться качеству иллюстративного материала, к созданию которого привлекаются профессиональные фотографы. Таким образом, имиджевый компонент в подаче информации вышел на первый план. Это изменение было призвано показать, что Свердловская архивная служба – современный общественный институт, который решает важные государственные задачи (рис. 2).

Газета по-прежнему призвана обозначать главные направления архивной деятельности, но стал прослеживаться интерес к широкой целевой аудитории, находящейся вне архивной среды. Газета стала насыщаться ретроспективной информацией с привязкой к информационной повестке региона и страны. В качестве примера можно привести публикации, подготовленные к 80-летию победы в Сталинградской битве (№ 260 за 2023 г.), к присвоению звания «Город трудовой доблести» городам Свердловской области (№ 269 за 2023 г.), к вручению премии «Достояние Среднего Урала» (№ 271 за 2024 г.) и т. д. Поскольку круг читателей газеты расширился за счет представителей не архивного сообщества, то из языка издания стали уходить профессионализмы.

Претерпел изменение состав целевой аудитории издания. Распространение газеты среди представителей исполнительной власти региона позволяет говорить о том, что «Архивные ведомости»

реализуют еще и элементы GR-стратегии (Government Relations). Результаты такого взаимодействия получают отражение на страницах издания: международная деятельность совместно с Министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области⁴, участие архивистов в крупных областных мероприятиях⁵, подготовка выставочных проектов к юбилеям свердловских ведомств.

Заключение

Анализ номеров корпоративной газеты Управления архивами Свердловской области «Архивные ведомости» показал:

1. С момента своего создания газета переживала период противоборства двух форматов – прообразов современных корпоративных изданий: многотиражной и ведомственной прессы. Победил формат ведомственного издания, выводящий на первый план функцию информирования о текущей и перспективной деятельности свердловских архивистов.

2. Отвечая требованиям времени, от первых неуклюжих заметок газета перешла к публикации полноформатных статей, используя в своей работе все жанровое разнообразие СМИ. С течением времени для профессии «архивист» стали обычными новые компетенции, предполагающие подготовку статей и фотоматериалов для средств массовой информации.

3. Как и любая нишевая пресса, газета «Архивные ведомости» не предназначена для массового читателя. Однако дифференцировать это корпоративное СМИ по типу читателя довольно затруднительно. Газета опробовала на себе все четыре типа корпоративных изданий (для сотрудников, для клиентов, для профессионалов, для деловых партнеров): первые номера «Архивных ведомостей» служили делу корпоративного сплочения коллектива; в 2012–2021 гг. газета была нацелена на профессиональные дискуссии в межрегиональной среде архивистов; сегодня газета имеет вид имиджевого издания, нацеленного на взаимодействие с внешней средой.

Быстрая смена информационного фона в короткий срок переводит печатное издание в разряд архивного документа. Так случилось и с газетой «Архивные ведомости». Ее можно уверенно назвать

⁴ Селезнева О.В. Свердловская область – Кыргызская Республика: перспективы сотрудничества // Архивные ведомости. 2023. № 11 (269). С. 3.

⁵ Тихонова Е.В. Достояние Урала // Архивные ведомости. 2023. № 8 (266). С. 1–2.

летописью архивной службы с 2001 г. по настоящее время. Два десятилетия задокументированы и сданы в архив с тем, чтобы хранить память о делах былых. Возможно, именно в этом и заключается самая большая ценность любого ведомственного издания.

Литература

- Автократов 2001 – *Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения*. М.: РГГУ, 2001. 402 с.
- Горчева 2008 – *Горчева А.Ю. Корпоративные издания* // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2008. № 2. С. 72–86.
- Календарова 2001 – *Календарова В.В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытка правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов)* // Источник. Историк. История: Сб. научных работ. Вып. 1. СПб.: 2001. С. 52–72.
- Мурзин 2005 – *Мурзин Д.А. Новые корпоративные стратегии коммуникаций в современной России* // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 60–64.
- Старостин 2010 – *Старостин Е.В. Архивы в системе социальной памяти российского общества* // Социальная память в институциональном измерении: постсоветский архив: материалы семинара Центра россииеведения / отв. за выпуск А.М. Арманд. М., 2010. С. 12–18.
- Чемякин 2020 – *Чемякин Ю.В. Многотиражки и современные корпоративные медиа: основные сходства и отличия* // Журналистика и массовые коммуникации. 2020. № 2 (197). С. 5–12.

References

- Avtokratov, V.N. (2001), *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of Russian archival studies], RGGU, Moscow, Russia.
- Gorcheva, A.Yu. (2008), “Corporate publications”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 72–86.
- Chemyakin, Yu.V. (2020), “Corporate newspapers and modern corporate media. The main similarities and differences”, *Journalism and Mass Communication*, vol. 197, no. 2, pp. 5–12.
- Kalendarova, V.V. (2001), “Liberal ideas in Russia at the beginning of the 19th century: An attempt at governmental propaganda (an attempt at quantitative analysis of the content in the first ministerial journals)”, in *Istochnik. Istorik. Istorya. Sbornik nauchnykh rabot* [Source. Historian. History. Collected scientific works], iss. 1, Saint Petersburg, Russia, pp. 52–72.
- Murzin, D.A. (2005), “New corporate communication strategies in modern Russia”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 1, pp. 60–64.

Starostin, E.V. (2010), “Archives in the system of social memory of Russian society”, in Armand, A.M., ed., *Sotsial'naya pamyat' v institutsional'nom izmerenii: postsovetskii arkhiv : materialy seminara Tsentra rossievedeniya* [Social memory in the institutional dimension: The post-Soviet archive: Proceedings of the seminar of the Center for Russian Studies], Moscow, Russia, pp. 12–18.

Информация об авторе

Оксана В. Селезнева, Государственный архив административных органов Свердловской области, Екатеринбург, Россия; 620075, Россия, Екатеринбург, пр-кт Ленина, д. 34; selezneva@gaaoso.ru

ORCID ID: 0009-0003-1037-6415

Information about the author

Oksana V. Selezneva, The State Archive of the Administrative Authorities of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg, Russia; 34, Lenin Av., Ekaterinburg, Russia, 620075; selezneva@gaaoso.ru

ORCID ID: 0009-0003-1037-6415

Персональная история

УДК 930.253(470-25)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-146-157

Григорий Матвеевич Орешкин – невольный виновник ареста левоэсеровской фракции V Всероссийского съезда Советов

Сергей С. Войтиков

*Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия, svoyt@mail.ru*

Аннотация. Заведующий оперативным отделом Главного штаба Всероссийской боевой организации Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) Григорий Матвеевич Орешкин на всю жизнь затаил обиду на Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, руководителя Секретариата ЦК большевистской партии Я.М. Свердлова. 6 июля 1918 г., в день убийства германского посла в Советской России Вильгельма фон Мирбаха и начала Левоэсеровского мятежа, Орешкин командовал левоэсеровской дружиной, которая распоряжением Председателя ВЦИК была включена в состав вооруженной охраны Большого театра на время V Всероссийского съезда Советов. Свердлов в беседе с Орешкиным заявил, что левые эсеры собираются на совещание со своим Центральным комитетом, и предложил Григорию Матвеевичу и его дружинникам присоединиться к товарищам по партии. После того, как Орешкин и его отряд покинули здание Большого театра, вся фракция левых эсеров съезда была арестована.

Григорий Орешкин лишь в последнее время стал объектом внимания историков, до сих пор не написано ни одной его биографии. Настоящая статья, основанная на опубликованных источниках и материалах Центрального государственного архива города Москвы, представляет собой попытку частично исправить указанный историографический пробел.

Ключевые слова: Г.М. Орешкин, Я.М. Свердлов, Партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов, Левоэсеровский мятеж, Центральный государственный архив города Москвы

Статья поступила в редакцию 1 июля 2024 г.;
принята к публикации 19 мая 2025 г.

Для цитирования: Войтиков С.С. Григорий Матвеевич Орешкин – невольный виновник ареста левоэсеровской фракции V Всероссийского съезда Советов // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 146–157. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-146-157

Gregory Oreshkin –
an unwitting perpetrator of the arrest
of the Left Socialist-Revolutionary Faction
of the 5th All-Russian Congress of Soviets

Sergei S. Voytikov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, svoyt@mail.ru*

Abstract. Gregory Oreshkin, head of the Main Headquarters Operations Department of the All-Russian militant organization of the Left Socialist-Revolutionaries (Internationalists) Party hold a lifelong grudge against Ya.M. Sverdlov, Chairman of the All-Russian Central Executive Committee, leader of the Bolshevik Party Central Committee's Secretariat. On July 6, 1918, the day of the assassination of the German ambassador to Soviet Russia Wilhelm von Mirbach and the beginning of the Socialist Left rebellion, Oreshkin commanded the leftist Socialist-Revolutionaries (SR) squad, which, by order of the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee, was included in the armed guard of the Bolshoi Theater during the V All-Russian Congress of Soviets. Sverdlov, in a conversation with Oreshkin, under the pretext of providing security, asked Oreshkin and his combatants to urgently arrive at the meeting of the Left SRs. After Oreshkin and his squad left the Bolshoi Theater building, the entire faction of the Left SRs of the Congress was arrested.

Gregory Oreshkin has only recently become the object of historians' attention; no biography of him has yet been written. The present article, based on the published sources and the materials of the Central State Archives of Moscow, is an attempt to partially correct the indicated historiographical gap.

Keywords: G.M. Oreshkin, Ya.M. Sverdlov, Party of the Left Socialist-Revolutionaries-Internationalists, Left Socialist Revolutionaries rebellion, Central State Archives of the City of Moscow

The article was submitted for publication 01.07.2024;
accepted for publication 19.05.2025.

For citation: Voytikov, S.S. (2025), “Gregory Oreshkin – an unwitting perpetrator of the arrest of the Left Socialist-Revolutionary Faction of the 5th All-Russian Congress of Soviets”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 146–157, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-146-157

Введение

Личность бывшего члена Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (далее – ПЛСР) Григория Матвеевича Орешкина произвела неизгладимое впечатление на молодого историка, сотрудника аппарата Комиссии ЦК КПСС по реабилитации, а в настоящее время – одного из крупнейших специалистов в области истории большевистской партии и, несомненно, лучшего биографа В.И. Ленина Владлена Терентьевича Логинова.

Б.Т. Логинов познакомился с Г.М. Орешкиным – и поверил ему раз и навсегда. Жил Григорий Матвеевич в комнате коммунальной квартиры, не имевшей ни малейших признаков замка. «Обстановка» включала в себя лампочку, кровать, стол и гвоздь, на котором висела вся одежда. Орешкин до самого конца оставался настоящим революционером-романтиком.

Литература, в том числе новейшая, по истории Партии левых эсеров весьма обширна [Гусев 1963; Леонтьев 2007; Литвин, Овруцкий 1992; Спирин 1971], однако биография Григория Орешкина лишь в последнее время стала предметом исследований [Войтиков 2021; Леонтьев 2024]. Это при том, что именно он стал невольным виновником ареста фракции ПЛСР V Всероссийского съезда Советов вечером 6 июля 1918 г.

Заведующий оперативным отделом Главного штаба Всероссийской боевой организации ПЛСР Г.М. Орешкин на всю жизнь затаил обиду на Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. 6 июля 1918 г., в день убийства германского посла в Советской России Вильгельма фон Мирбаха и начала Левоэсеровского мятежа, Орешкин командовал левоэсеровской дружиной, которая распоряжением Председателя ВЦИК была включена в состав вооруженной охраны Большого театра на время V Всероссийского съезда Советов. Свердлов в беседе с Орешкиным под предлогом (лично!) сообщения о необходимости для Орешкина и его дружинников срочно прибыть на совещание то ли на Петровку, то ли в Трехсвятительский переулок¹, добился того, что охрана Большого театра

¹ Интервью с В.Т. Логиновым. Беседовал автор статьи. Куда именно Свердлов отправил Орешкина, за давностью лет В.Т. Логинов не помнит.

стала сплошь большевистской². Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Документы, выявленные нами в фондах Центрального государственного архива города Москвы, а также опубликованные источники позволяют реконструировать основные вехи биографии Г.М. Орешкина.

Основная часть

Григорий Матвеевич родился в 1889 г. в «сель>це Павловка Пичерской волости Тамбовского уезда»³. В заявлении 1935 г. Орешкин указал, что он был сыном «рабочего»⁴, но не исключено, что Григорий Матвеевич был выходцем из основной социальной базы своей партии – «трудового крестьянства».

Г.М. Орешкин был членом «Партии> левых социалистов>-революционеров> (интернационалистов)»⁵ в 1917–1922 гг.

Впоследствии, в заявлениях 1930 г. и 1935 г., Орешкин писал: «С Октябрьских дней 1917 г. <я был> членом Центрального> штаба Красной гвардии в Москве в должности инспектора Красной гвардии до переименования в Красную армию»⁶. Григорий Матвеевич ведал формированием красногвардейских отрядов, руководил их «строевой и боевой подготовкой»⁷. В Москве Орешкин принимал участие в боях за установление Советской власти и, по всей видимости, внес определенный вклад в ликвидацию угрозы военной контрреволюции в городе, поскольку указал в 1935 г.: «Неоднократно сражался в г. Москве против белых»⁸.

С командующим войсками Московского военного округа Н.И. Мураловым и его большевистской командой у Г.М. Орешкина, судя по всему, были ровные товарищеские отношения: в 1930 г. секретарь Московского окружного военкомата большевик Р. Жаворонков (что особо пикантно, арестованный левыми эсерами вечером 6 июля 1918 г.) дал Григорию Матвеевичу рекомендацию в Общество бывших красногвардейцев и красных партизан, в которой говорилось в частности: «Тов. Орешкина Григория знаю с первых

² Интервью с В.Т. Логиновым.

³ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. Р-2191. Оп. 1. Д. 1346. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 3.

дней Октябрьской революции, с <Григорием Матвеевичем> непосредственно сталкивался по работе в Центральном штабе Красной гвардии. Состоя членом Центрального штаба Красной гвардии, т. Орешкин Г.М. проводил огромную работу по формированию и подготовке красногвардейских отрядов»⁹. Будучи членом Центрального штаба Красной гвардии, левый эсер Г.М. Орешкин подчинялся начальнику штаба А.С. Веденникову¹⁰.

Левые эсеры Г.М. Орешкин в качестве председателя комиссии по созыву Московской областной конференции Красной гвардии и В.В. Ягушевский в качестве секретаря комиссии подписали текст извещения о созыве указанной конференции 20 января 1918 г. в здании Политехнического музея¹¹. Конференция начала свою работу только 21 января¹²: в этот день, в частности, была избрана мандатная комиссия конференции в составе пяти человек, одним из которых стал Орешкин¹³. Судя по тому, что Григорий Матвеевич открыл 22 января в 14 часов второе заседание конференции¹⁴, именно он председательствовал на конференции. 22 января старый большевик Е.М. Ярославский, между прочим, заявил в своем выступлении по вопросу о текущем моменте: «...мы разделились на два лагеря: с одной стороны – левые с.-р. и большевики, а с другой стороны – правые с.-р., меньшевики и другие. До сих пор в нашей деятельности не было анархистов, но они принимали участие во всех выступлениях и предоставили всю свою силу Советам и помогали (сколько могли) во время Октябрьских событий»¹⁵.

На конференции основными стали вопросы о судьбе старой армии и о преобразовании Красной гвардии в Красную армию¹⁶, причем Центральный штаб Красной гвардии, судя по всему, отнюдь не собирался проводить в жизнь декрет Совнаркома об организации РККА – по крайней мере в полном объеме. В частности, Г.М. Орешкин от имени Центрального штаба Красной гвардии обратил внимание собравшихся на тот факт, что установленные Совнаркомом денежные выплаты солдатам по 50 руб. на человека и их дополнительное обеспечение пайком было сложно провести на практике. Причем конкретное предложение Орешкина лишний раз подтверж-

⁹ Там же. Л. 5 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ См. подробнее: Из истории Московской рабочей Красной гвардии: Материалы и документы. М., 1930. С. 145, 145.

¹² Там же. С. 146, 149, 155.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 151.

дает, насколько мало его, пламенного революционера, интересовали вопросы быта:

– Вы знаете, насколько трудно доставить необходимые продукты. А деревня взамен хлеба требует мануфактуру и другие предметы потребления. Предлагаю вместо 50 рублей платить 150 рублей без содержания. Затем должна быть единая Кр^{асная} гв^{ардия} как единая сила. Солдаты на фронте должны оставаться до тех пор, пока не придет смена красногвардейцев. Кадр Красной армии должен идти под именем Красной гв^{ардии}. С 1 февраля, по постановлению Совета Народных Комиссаров, мы должны платить солдатам на фронте 50 руб. жалования. Армии должно быть объявлено, что она распускается, ее заменяют красногвардейцы. Так и милиция должна быть распущена, а рабочие должны нести трудовую повинность и платить им <следует> среднюю зарплату рабочих¹⁷.

Орешкин внес следующий проект резолюции конференции, который мы приводим для демонстрации стиля Григория Матвеевича:

Так как организация Красной гвардии есть первый шаг ко всемобщему вооружению пролетариата и <в связи с тем> что существующие остатки старой армии должны быть в самом коротком времени распущены, но так как война с империализмом и капитализмом далеко еще не кончена, необходимо в самый короткий срок сформировать нужное количество отрядов из добровольцев социалистов, <использовать> организации Красной гвардии для замены необходимых частей на фронте и в других местах. Все же оставшаяся армия переименовывается в Красную гвардию на одинаковых положениях с существующими кадрами – впредь до их замены. Принимая во внимание, что у единой народной Советской власти должна быть и единственная вооруженная сила, поэтому формирование Народной Красной армии встречается опасным, так как это может внести рознь между Красной гвардией и Красной армией, что и может вредить делу революции. Штабы Центральной Красной гвардии и Моск^{овского} военного округа должны быть реорганизованы и приспособлены к организации Красной гвардии. Милиция должна быть упразднена, обязанности по охране порядка и личной безопасности <надо> возложить на весь *рабочий класс и трудовое крестьянство, вводя среди них всеобщую красногвардейскую повинность* (курсив наш. – С. В.). Для деталей разработки доклада по проведению в жизнь этой резолюции выбрать комиссию в пять человек.

¹⁷ Там же. С. 163, 164.

Доклад этот по утверждению областной конференции представить на утверждение Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров¹⁸.

Когда бы таких, как Орешкин, на конференции было большинство, судьба ленинского декрета об организации РККА была бы весьма печальна, однако Григорий Матвеевич оказался в абсолютном меньшинстве. Конференция в целом поддержала вполне «правоверный» проекты резолюции, предложенные членом Совета народных комиссаров г. Москвы Александром Владимировичем Мандельштамом и членом Московского комитета РСДРП(б) *<Николаем Николаевичем>* Зиминым¹⁹. Проект Мандельштама предусматривал немедленное начало агитации, пропаганды и формирования «Красной армии на основе добровольческих начал, с полным обеспечением как самого солдата, так и его семьи (курсив наш. – С. В.), согласно декрета Совета Народных Комиссаров»²⁰; усиление и расширение организации красногвардейских отрядов для «охраны и защиты завоеваний революции, защиты фабрик, заводов и земли» без отрыва красногвардейцев «от своего обыкновенного труда»²¹; организацию «единого центрального управления», в том числе на местах, «как Красной гвардии, так и Красной армии»²² (особо оговаривалось, что органы управления должны быть ответственны «только перед Советами»²³). Проект Зимина предусматривал постепенную замену Красной гвардии «всеобщей красногвардейской повинностью для рабочих и революционных крестьян, организованных в Советы и стоящих на платформе Советской власти»²⁴. Зимин настаивал на том, что «Красная армия и Красная гвардия не должны быть отдельными организациями и красная добровольческая (так в стенографическом отчете. – С. В.) армия не призвана заменить собой Красную гвардию, а, наоборот, *создание Красной армии мыслимо лишь как расширение уже существующей Красной гвардии* (курсив наш. – С. В.)»²⁵. Старая армия подлежала роспуску, однако «из наиболее надежных товарищей» ее «путем добровольного набора» предусматривалось создание ячеек «социалистической армии»²⁶.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 168. Имя и отчество Зимина установлены приблизительно.

²⁰ Там же. С. 175.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 175.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

24 января на заседании конференции состоялись перевыборы Центрального штаба Красной гвардии. В новый состав штаба избрали 9 большевиков и 1 левого эсера²⁷, причем пять человек вошли в штаб в качестве членов и столько же – в качестве кандидатов. В итоговую «пятерку» руководства Центрального штаба Красной гвардии вошли «от левых с.-р. т. Орешкин и заместителем его т. Максимов»²⁸. После конференции развернулась активная работа по преобразованию красногвардейских отрядов в красноармейские части, что вскоре сделало Центральный штаб Красной гвардии ненужной структурой.

3 марта 1918 г. начались серьезные изменения в высшем руководстве и центральном аппарате управления РККА [Войтиков 2010, с. 97]. 9 марта в соответствии с приказом Чрезвычайного штаба при Моссовете, Центральный штаб Красной гвардии в Москве был расформирован²⁹. После этого Г.М. Орешкин стал деятельным работником Военного комиссариата г. Москвы, тем более что в его подчинение для исполнения конкретных приказаний командующего войсками Московского военного округа Н.И. Муралова регулярно передавался красногвардейский отряд – компактный, но вполне дееспособный, нацеленный на подавление контрреволюционных вспышек в Московской губернии.

Г.М. Орешкин указал в заявлении 1935 г., что *в начале 1918 г.* он «подавлял восстания в Сергиевском и Павловском посадах»³⁰. Однако, судя по всему, следует верить более скромному утверждению Григория Матвеевича из его анкеты 1930 г.: «*Весной* (здесь и далее в цитате курсив наш. – С. В.) 1918 г., по распоряжению командующего войсками Моск^{овского} ВО т. Муралова, я во главе сборного отряда ликвидировал *подготовляющиеся* восстания белогвардейцев в Сергиевском Посаде Моск^{овской} губернии»³¹. Данное заявление подтвердил в 1930 г. Р. Жаворонков: «....т. Орешкину по заданию тт. Муралова и Веденникова неоднократно приходилось участвовать во главе красногвардейских отрядов <в операциях> по подавлению контрреволюционных восстаний (так в документе. – С. В.)»³².

²⁷ Там же. С. 170, 171.

²⁸ Там же. С. 171.

²⁹ Гарюк С.Д. Московская власть: Городская организация КПСС и ее органы, Март 1917 – ноябрь 1991: Справочник. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 253, 259.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2191. Оп. 1. Д. 1346. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 5.

³² Там же. Л. 5 об.

В РГВА отложился рапорт, поданный 13 мая 1918 г. Г.М. Орешкиным «Военному комиссару Московского округа» Н.И. Муралову:

Доношу, что, согласно Вашего предписания, я с отрядом отправился в Сергиевский Посад, где оказалось: 1. Много бывших офицеров, которые проживают в Посаде и вблизи расположенных дач, носят кокарды, которые нами приказано было снять, что, конечно, тотчас же исполнилось. 2. Перед выездом мне было доложено, что, по частным сведениям, офицеры, живущие на дачах, ходят в погонах. 3. Население состоит, в своем большинстве, из торговцев, что, конечно, всегда старавшись пролетар^{<иев>} настроить против Советской власти. 4. Состав Совета очень мягкотелый, а главное, под руками не имеет надежной вооруженной силы, отчего буржуазия и обыватель не чувствуют твердой Советской власти. 5. Много влияют на настроение и спокойствие жителей монахи местного монастыря, которые выходят во время базарных дней и на площадях всячески агитируют против Советской власти. Я полагаю: 1) необходимо произвести поголовный обыск всех прилегающих дач к Посаду, монастыря и буржуазии; 2) поставить монах^{<ов>} в рамки своей монастырской жизни и не допускать, чтобы они превращались в митинговых ораторов; 3) предложить Совету Сергиевского Посада немедленно организовать местную вооруженную силу и отпустить нужное количество орудия [Войтиков 2021, с. 212, 213].

После отправки 6 июля 1918 г. Я.М. Свердловым на «совещание», как показал 22 июля на следствии начальник так называемого «Штаба обороны Партии левых эсеров» Ю.В. Саблин, ни Г.М. Орешкин, ни его дружинники *никакого* участия «в событиях 6–7 июля»³³ не принимали. Однако Григория Матвеевича все равно арестовали – предположительно 7 июля. Поскольку в 1930 г. Р. Жаворонков дал рекомендацию Г.М. Орешкину в Общество бывших красногвардейцев и красных партизан, логично предположить, что Григорий Матвеевич и после Левоэсеровского мятежа остался на хорошем счету у большевистского руководства Московского военного округа.

Впрочем, следствие по делу о событиях 6–7 июля 1918 г. в Москве набирало обороты. В частности 22 июля арестованного Ю.В. Саблина, очевидно, специально вызвали на допрос в Особую следственную комиссию по делу о Левоэсеровском мятеже, чтобы Юрий Владимирович поведал об отряде особого назначения, возглавляемом Г.М. Орешкиным. Ю.В. Саблин исполнил свой долг революционера, подчеркнув, что ни один человек из Отряда особого назначения не принял участия в мятеже, и так и не назвав в своих «Дополнительных показаниях...» руководителя отряда

³³ Красная книга ВЧК. 2-е изд. Т. 1 / науч. ред. А.С. Велидов. М., 1989. С. 273.

по имени³⁴. Однако П.И. Стучка и товарищи по Особой следственной комиссии и без Ю.В. Саблина знали, кого именно им следует искать. Судя по всему, Особая следственная комиссия экстренно запросила председателя ВЧК о местонахождении Г.М. Орешкина, а также трех деятелей ПСЛР, освобожденных «по недоразумению»³⁵. Ф.Э. Дзержинский лично отдал Отделу ВЧК по борьбе с контрреволюцией приказ об аресте четырех левых эсеров. О том, удалось ли чекистам задержать Орешкина, источники умалчивают, однако в любом случае через несколько месяцев Григорий Матвеевич принял непосредственное участие в Гражданской войне – в боях «против гетмана, Петлюры и Деникина»³⁶.

В заявлении 1935 г. Орешкин указал, что он состоял «...членом военного отдела Харьковского подпольн³⁷ого ревкома, с начала зимы 1918 г. принимал активное участие <в работе> по формиров³⁸анию повстанческого движения на Харьковщине и в г. Харькове»³⁹. Более подробные сведения содержатся в заявлении Григория Матвеевича 1930 г.: «С начала зимы 1918/19 г. состоял членом военного отдела Харьковского подпольного ревкома и принимал активное участие в формировании повстанческих отрядов и рабочих дружин на Харьковщине и рабочих дружин в г. Харькове и вел работу с гетмано-петлюровской контрреволюцией»⁴⁰. Причем информацию 1930 г. подтвердил не кто-нибудь, а Я.М. Фишман⁴¹ – в 1918 г. видный левый эсер, с 1920 г. член ВКП(б) и в 1930 г. начальник Военно-химического управления РККА. В начале января 1919 г. Григорий Матвеевич, по его заявлению, «занимал с партизанским отрядом г. Харьков под командой т. Саблина Ю.», будучи «комиссаром отряда»⁴². Как видим, два деятеля ПЛСР, оправданный (Орешкин) и амнистированный (Саблин), воссоединились в вооруженной защите Советской Республики.

Демобилизовавшись еще до завершения Гражданской войны на европейской территории России, Г.М. Орешкин поступил на рабфак. 26 октября 1920 г., оставаясь левым эсером, был арестован Московской ЧК, однако почти сразу же вышел на свободу⁴³,

³⁴ Там же.

³⁵ Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ: 1917–1926 / сост.: А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М., 2007. С. 63.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-2191. Оп. 1. Д. 1346. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Орешкин Григорий Матвеевич (1889) – Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Орешкин_Григорий_Матвеевич_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/Орешкин_Григорий_Матвеевич_(1889)) (дата обращения: 17.06.2024).

поскольку в это время Григорий Матвеевич был сторонником легальной работы и *идейной* борьбы с большевиками⁴², т. е. выступал *против* ведения остатками ПЛСР подрывной работы в Советской России.

Вероятно, Г.М. Орешкин благополучно окончил рабфак, поскольку в 1930 г. он был низовым руководителем на Автозаводе имени И.В. Сталина⁴³. Политические репрессии, как водится, не обошли бывшего левого эсера стороной. Он был арестован 29 апреля 1936 г. за контрреволюционную агитацию, помещен в Бутырскую тюрьму и осужден 31 августа 1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР на пять лет лишения свободы. Прибыл в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь 21 сентября 1936 г. и был освобожден незадолго до Великой Отечественной войны, 29 апреля 1941 г.⁴⁴ Судя по всему, позднее Орешкина арестовали повторно и освободили во время масштабной кампании по реабилитации, развернувшейся после смерти «хозяина» партийно-государственного механизма СССР. Впоследствии Центральный партийный архив (ЦПА) выдал Григорию Матвеевичу справку о том, что в ЦПА сведений, которые могут явиться препятствием для его реабилитации, не содержится. Как и многие дела того времени, дело Орешкина было закрыто «за отсутствием состава преступления»⁴⁵.

Заключение

Григорий Матвеевич Орешкин был воплощением левоэсеровского идеала революционера – начисто лишенным каких бы то ни было материальных интересов, погруженным в борьбу за трудовое крестьянство и готовым биться с гидрой контрреволюции. К сожалению, своим доверием к Я.М. Свердлову он сыграл роковую для левых эсеров роль в событиях 6–7 июля 1918 г.

Литература

-
- Войтиков 2010 – *Войтиков С.С. Высшие кадры Красной армии*. М.: Алгоритм, 2010. 479 с.
- Войтиков 2021 – *Войтиков С.С. Ленин, Свердлов и Троцкий: Партия, власть и террор: Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны*. М.: АИРО-XXI, 2021. 238 с.

⁴² Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996. С. 327.

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. Р-2191. Оп. 1. Д. 1346. Л. 2.

⁴⁴ Орешкин Григорий Матвеевич (1889) – Открытый список...

⁴⁵ Интервью с В.Т. Логиновым.

- Гусев 1963 – *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963. 259 с.
- Леонтьев 2007 – *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. М.: АИРО-XXI, 2007. 328 с.
- Леонтьев 2024 – *Леонтьев Я.В.* Григорий Орешкин – революционер, офицер, красногвардец, консультант фильма «Шестое июля» // Человеческий капитал. 2024. № 10. С. 11–18.
- Литвин, Овруцкий 1992 – *Литвин А.Л., Овруцкий Л.М.* Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 143 с.
- Спирин 1971 – *Спирин Л.М.* Крах одной авантюры. М.: Политиздат, 1971. 120 с.

References

- Gusev, K.V. (1963), *Krakh partii levykh eserov* [Collapse of the Party of the Left SRs], Sotsekigiz, Moscow, USSR.
- Leont'ev, Ya.V. (2017), «*Skify» russkoi revolyutsii* [“Scythians” of the Russian revolution], AIRO-XXI, Moscow, Russia.
- Leont'ev, Ya.V. (2024), “Grigory Oreshkin – revolutionary, officer, red guardsman, consultant of the film ‘The Sixth of July’”, *Chelovecheskii kapital*, no. 10, pp. 11–18.
- Litvin, A.L. and Ovruetskii, L.M. (1992), *Levye esery: programma i taktika (nekotorye voprosy)* [Left SRs. Program and tactics (some issues)], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia.
- Spirin, L.M. (1971), *Krakh odnoi avantury* [Collapse of one adventure], Politizdat, Moscow, USSR.
- Voitikov, S.S. (2010), *Vysshie kadry Krasnoi armii* [Top cadres of the Red Army], Algoritm, Moscow, Russia.
- Voitikov, S.S. (2021), *Lenin, Sverdlov i Trotskii: Partiya, vlast' i terror: Ocherki sovetskoi politicheskoi istorii epokhi Grazhdanskoi voiny* [Lenin, Sverdlov and Trotsky. Party, Power and Terror: Essays on Soviet Political History of the Civil War era], AIRO-XXI, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей С. Войтиков, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; svoyt@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4226-7283

Information about the author

Sergei S. Voytikov, Dr. of Sci. (History), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 19, Dmitriy Ulyanov St., Moscow, Russia, 117292, svoyt@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4226-7283

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 005.92

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-158-170

Документоведение как наука: понятие, структура, методология, знание

Галина А. Двоеносова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dvoenosovaga@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – рассмотрение документоведения как науки, попытка дать оценку состоянию современного научного документоведческого знания, поделиться своим видением его развития. Документоведение возникло как научная дисциплина, однако сегодня это уже полноценная наука, представляющая собой когнитивно-социальную деятельность, включающую объект деятельности, субъектов деятельности, средства деятельности и ее результат в форме продукта деятельности, которым является новое научное знание. Документоведение изучает документы. Однако современная практика документирования и использования документированной информации требует включения в объект документоведения таких форм ее представления как записи и данные. Субъектом научного документоведческого знания является профессиональное научное сообщество. К средствам документоведческих исследований, наряду с техническими, технологическими, программными средствами, относится методология как способ обоснования научного знания. В методологии документоведения целесообразно применять наряду с информационным, социетальным и деятельностным подходы, что позволяет расширить представления о документе как социальном феномене. Мультидисциплинарность документа как объекта исследования способствует созданию знания, неинтегрируемого с классическим документоведением и неверифицируемого практикой документационного обеспечения социальной реальности. Поэтому современное междисциплинарное, трансдисциплинарное и мультидисциплинарное знание о документе должно пройти определенный селективный отбор, чтобы быть включенным в научную дисциплину и науку документоведение. В целом же,

междисциплинарность, трансдисциплинарность и мультидисциплинарность представляются перспективными для дальнейшего развития документоведения.

Ключевые слова: наука, документоведение, методология, парадигма, знание

Статья поступила в редакцию 16 декабря 2024 г.;
принята к публикации 17 апреля 2025 г.

Для цитирования: Двоеносова Г.А. Документоведение как наука: понятие, структура, методология, знание // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 158–170. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-158-170

Documentastion management as a field of study. Concept, structure, methodology, knowledge

Galina A. Dvoenosova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; dvoenosovaga@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to consider documentation management as a field of study, an attempt to assess the state of modern scientific documentary knowledge, and share my vision of its development. Documentation management originated as a scientific discipline, but today it has already become a full-fledged science, which is a cognitive and social activity that includes the object of activity, the subjects of activity, the means of activity and its result in the form of the product of activity, which is new scientific knowledge. Documentation management studies documents. However, the modern practice of documenting and using documented information requires the inclusion in the object of documentation of such forms of its presentation as records and data. The subject of scientific documentary knowledge is the professional scientific community. The means of documentary research, along with the technical, technological, and software tools, include methodology as a way of substantiating scientific knowledge. In the methodology of documentation management it is advisable to apply, along with the informational approach, the societal and activity-based approaches, which makes it possible to expand the understanding of the document as a social phenomenon. The multidisciplinary nature of the document as an object of research contributes to the creation of knowledge that is not integrated with classical documentation management and is not verified by the practice of documenting a social reality. Therefore, modern interdisciplinary, transdisciplinary and multidisciplinary knowledge about the document must undergo a certain qualified selection in order to be included in the scientific discipline and the science of documentation management.

In general, interdisciplinarity, transdisciplinarity and multidisciplinarity seem promising for the further development of documentary studies.

Keywords: science, documentation management, methodology, paradigm, knowledge

The article was submitted for publication 16.12.2024;
accepted for publication 17.04.2025.

For citation: Dvoenosova, G.A. (2023), "Documentation management as a field of study. Concept, structure, methodology, knowledge", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 158–170, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-158-170

Введение

Мы чаще говорим о документоведении как о научной дисциплине. Между тем, научная дисциплина – это только базовый элемент в структуре науки, форма организации научного знания. Из документоведения выделился целый ряд субдисциплин, которые принято называть дисциплинами документоведческого цикла: делопроизводство (документационное обеспечение управления, управление документами), документная лингвистика, аудиовизуальные документы, научно-техническая документация и др. Современное документоведение – это наука, в структуру которой в качестве базового элемента входят документоведческие дисциплины, а также другие элементы, характерные для структуры любой науки.

Целью данной статьи является представление документоведения как науки: рассмотрение его понятия, структуры, методологии и категориального аппарата, попытка дать оценку состоянию современного научного документоведческого знания, поделиться своим видением его развития.

На развитие документоведения как науки оказывают влияние разные факторы. Во-первых, это развитие самой науки, парадигмальный фактор, определяющий концептуальные установки и гносеологический вектор научных исследований. Во-вторых, это социальные, политические, экономические и культурные факторы, запускающие процессы документообразования, возникновение новых видов документов и систем документации. В-третьих, это факторы, обусловленные техническим и технологическим развитием общества, оказывающие влияние на технологии документирования и документооборота, трансформацию документа. В-четвертых, это факторы, связанные с мультидисциплинарностью документа как объекта исследования разных наук, что является причиной разногласий по фундаментальным теоретическим проблемам документоведения, возникновения новых отраслевых «документоведений»,

разработки общих и частных теорий документа. В итоге накопленное практическим опытом управления жизненным циклом документа, теоретически осмысленное и описанное в трудах ученых документоведов и архивистов научное знание либо игнорируется, либо непрофессионально интерпретируется, либо оценивается как ненаучное «пришельцами» в документоведение из других областей знаний. Параллельно документоведческому знанию продуктируется иное непересекающееся с ним знание. Считать ли такую ситуацию кризисом документоведения? Надо ли интегрировать в документоведение знание о документе, сформировавшееся в других науках? Каким видится дальнейшее развитие документоведения как науки? В статье предпринята попытка разобраться в этих вопросах.

Документоведение как научная дисциплина

Документоведение как научная дисциплина сформировалась в СССР в 1960-е гг. и продолжает развиваться в России и на постсоветском пространстве. В европейских странах и в Канаде исследования документа проводятся в рамках дипломатики – науки, возникшей в средневековой Европе из практики установления подлинности актов, дающих привилегии элитарным слоям населения, которая впоследствии превратилась в науку о документе вообще, включая цифровые документы. Основатель документоведения К.Г. Митяев определил его как научную дисциплину, изучающую «в историческом развитии способы, отдельные акты и системы документирования явлений объективной действительности и создаваемые в результате документирования отдельные документы, их комплексы и системы» [Митяев 1964, с. 35]. Из данного определения следует, что К.Г. Митяев изначально мыслил документоведение как теоретическую дисциплину. Понятие «документоведение» было включено в первый терминологический стандарт по делопроизводству и архивному делу ГОСТ 16487-70, в котором на первый план уже вышли практические задачи. Документоведение определялось как «научная дисциплина, разрабатывающая способы создания документов, принципы организации систем делопроизводства и построения систем документирования, а также изучающая закономерности образования документов в их историческом развитии»¹. Это определение так и осталось единственным стандартизованным определением дисциплины. Однако оно получило дальнейшее развитие в научной и учебной литературе. Так, в одном

¹ ГОСТ 16487-70: Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения. М., 1971.

из учебников, вышедших в последние годы, документоведение определяется как научная «дисциплина, изучающая в историческом развитии способы, инструменты, системы и отдельные акты документирования явлений объективной действительности и разрабатывающая принципы и методы их оптимизации»².

Документоведение как наука

Современное документоведение давно уже вышло за рамки дисциплины и представляет собой науку, отнесенную к области социальных и гуманитарных наук, а точнее – к историческим наукам³. Существует множество определений науки, суть которых сводится к пониманию ее как когнитивно-социальной деятельности, целью которой является получение нового научного знания [Лебедев 2010, с. 27]. В одном из философских словарей наука определяется как сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении, включающая ученых с их знаниями, способностями, квалификацией и опытом; научные учреждения, экспериментальное и лабораторное оборудование; методы научно-исследовательской работы, понятийный и категориальный аппарат, систему научной информации, а также всю сумму знаний, выступающих в качестве либо предпосылки, либо средства, либо результата научного производства⁴. Из этого следует, что наука – это деятельность, включающая объект деятельности, субъектов деятельности, средства деятельности и ее результат в форме продукта деятельности, которым является новое научное знание.

В структуре документоведения как науки присутствуют все вышеперечисленные элементы. Документоведение имеет свой объект исследования, относительно которого хоть и ведутся дискуссии, но в целом он ограничен тем феноменом, который с подачи В.Н. Автократорова обозначен как «собственно документ» [Автократор 1976, с.22]. В российской науке документоведение представлено профессиональным сообществом, организованным в научные и образовательные институты и общественные организации, которые

² Документоведение: учебник для студентов высших учебных заведений / М.В. Ларин, В.Ф. Янковая и др. М.: Издательский центр «Академия», 2016. С. 8.

³ Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Утверждена приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118.

⁴ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1981. С. 236.

являются коллективным субъектом научной деятельности. К средствам научной деятельности помимо технических и программных средств документирования и организации документооборота, относится методология как исследовательский инструментарий документоведения, обеспечивающий достоверность, обоснованность, истинность, верифицируемость и дальнейшее развитие документоведческого знания. Сюда же следует отнести научную этику как неотъемлемую составляющую любой науки, соблюдение которой также является одним из критериев истинности научного знания. Научное документоведческое знание апробируется на продолжающихся десятки лет ежегодных научных конференциях международного уровня, аккумулируется в научных и научно-практических периодических изданиях, в диссертациях и монографиях по актуальным проблемам документоведения.

Вопрос об объекте и предмете документоведения является дискуссионным. Споры по этому вопросу, начавшиеся в 1960-е гг., не прекращаются до сих пор. Что относить к объекту документоведения: все документы, образующиеся в обществе, или только управленические? Какие направления исследований входят в предмет документоведения?

Позиция исследователя по проблеме объекта и предмета документоведения зависит от того, какие концептуальные установки он получил в процессе базового и последующих уровней образования, в рамках каких научных школ формировалось его мировоззрение, в достаточной ли степени он владеет методологией науки вообще и документоведения, в частности, насколько глубоко проработана им теоретическая база документоведения, изучены точки зрения предшественников и имевшие место дискуссии.

В современном документоведении утвердилось представление об объекте дисциплины, заложенное теоретиками и классиками документоведения К.Г. Митяевым и А.Н. Соковой как о всей совокупности документов, образующихся в обществе. Так, Г.Н. Ланской полагает, что документоведение как научная дисциплина должно рассматривать различные типы, виды и разновидности документов [Ланской 2015, с. 30–31]. Аналогичную точку зрения высказывает М.В. Ларин, констатируя, что объектом документоведения является документ, который может рассматриваться как отдельно взятый, так и в составе систем документации, используемых для документирования действительности [Ларин 2021, с. 77]. Близкую позицию занимает П.А. Кюнг, отмечая, что в современных организациях создаются аудиовизуальные, научно-технические и другие не управленические документы [Кюнг 2022, с. 108]. Такой объект исследования, включающий все документы, сопровождающие жизнедеятельность общества (имеются в виду только «собственно документы»),

изначально созданные как документы) предоставляет широкие возможности и большие перспективы для развития документоведения. Исследователи интересуются и другими, не управленческими документами, например, документами, регулирующими межличностные и семейные отношения (брачный договор) [Конькова 2017], досуговую деятельность [Славко 2021], активность в социальных сетях [Щербак 2022].

С нашей точки зрения, развитию документоведения будет способствовать не искусственное сужение его объекта, а расширение его сообразно запросам времени, посредством включения в него наряду с «собственно документом» и других форм представления первичной, фактичной и достоверной документированной информации, таких как данные и запись, используемых в качестве инструмента действий и подтверждения фактов, в том числе и юридически значимых. На самом деле эти информационные объекты уже находятся в практической части предметной области документоведения, поскольку структура цифрового документа включает контент (содержание, данные) и метаданные (данные о данных документа), в номенклатуру дел организаций включаются базы данных, а термин «records management», переведенный в российской версии ИСО 15489⁵ как управление документами, в дословном переводе означает управление записями. Они уже используются физическими и юридическими лицами и изучаются документоведами в контексте цифрового государственного управления и национальной системы управления данными [Двоеносова 2021], аудита управления документами организаций [Горбанева 2022], управления знаниями [Ильина 2022], обеспечения сохранности баз данных [Бороздина 2023] и др.

Предмет документоведения включает практическую и теоретическую части. Документоведение выросло из практических нужд рационализации делопроизводства, и это направление не утрачивает своей актуальности. В его рамках изучаются, обобщаются и внедряются лучшие практики документирования и организации документооборота на основе применения современных информационных технологий, демонстрирующие их развитие от делопроизводства к управлению документами и данными.

Теоретическая часть документоведения изначально формировалась как описательная теория делопроизводства. Она основательно

⁵ ГОСТ ИСО 15489-1-2019: Национальный стандарт Российской Федерации: Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу: Информация и документация: Управление документами. Ч. 1: Понятия и принципы. Утв. приказом Росстандарта от 26.03.2019 № 101-ст. М.: Стандартинформ, 2019. 18 с.

проработана в документоведении и включает понятийный аппарат, классификацию документов по видам и системам документации, нормативное и методическое регулирование делопроизводства. Эта теория представлена как эталонная модель делопроизводства и его описательная теория в учебных и справочных пособиях. Однако сегодня уже актуальна описательная теория управления документами и данными, и это еще одна из теоретических задач современного документоведения.

Высшей формой развития науки считается объяснительная теория, представляющая не только описание исследуемого объекта, но и объяснение его сущности и места в материальном или духовном мире и в предметной области науки. Основными ее структурными единицами являются базовые понятия, методологические основания, закономерности и законы, идеальная модель исследуемого объекта, исследовательский аппарат⁶.

Базовые понятия документоведения составляют его терминологию. Она является результатом длительной работы по упорядочению и стандартизации терминов, используемых в практической деятельности в области делопроизводства и архивного дела. Однако стандартизованная терминосистема делопроизводства и архивного дела не охватывает весь терминологический аппарат документоведения, призванный систематизировать и объяснить все многообразия создаваемых обществом документов, их предназначение и взаимосвязи. Поэтому он разрабатывается усилиями ученых, изучающих документ и закрепляющих результаты своей терминологической работы в специальных словарях, которые позволяют охватить более широкий круг используемых терминов в научной и практической деятельности.

Методологические основания науки задаются той идеей или доминирующей исследовательской парадигмой, которая представляет собой общепризнанную фундаментальную теорию и является одним из способов обоснования научного знания⁷. Именно она определяет направления и расставляет приоритеты в исследовании объекта науки. Документоведение долгое время развивалось в информационной парадигме, в рамках которой документ рассматривался как средство передачи информации и информационного обеспечения управленческой деятельности организаций. В новой методологии научного познания документа, эпистемологический потенциал которой базируется на использовании теорий и методов общественных наук, социетального и деятельностного подходов,

⁶ Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. С. 861–863.

⁷ Там же.

сущность документа как социального феномена проявляется в его роли инструмента социальных отношений в такой сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системе, которой является глобальное общество [Двоеносова 2010; Двоеносова 2017]. Применение к научному познанию документа междисциплинарной синергетической парадигмы как всеобщей теории самоорганизации сложных систем любой природы, включая социальные, расширило представление о документе как объекте документоведения [Двоеносова 2011; Двоеносова 2016].

В глобальной коэволюции сложных саморазвивающихся систем природы и общества документ выполняет функцию инструмента социального целерационального действия и социальной самоорганизации. Учеными установлена взаимосвязь между природными климатическими изменениями и такими вехами исторического развития человечества как переселение народов, возникновение государств, технологические революции [Клименко 2009]. Климатические изменения вынуждают человеческое сообщество приспосабливаться к окружающей среде. Они предопределили возникновение земледелия, которое, в свою очередь, способствовало появлению патриархальной семьи, частной собственности, государства, письма и документа. Сегодня мы становимся очевидцами и непосредственными участниками мировых социальных процессов, запущенных глобальным потеплением, в которых одним из показателей лидерства государств в борьбе за ресурсы являются технологии искусственного интеллекта, предназначенные, в том числе, и для принятия решений на основе документированной информации в форме данных.

Мультидисциплинарность документа как объекта исследования и междисциплинарность документоведения как науки привлекают «пришельцев» из других наук, которые выбирают как традиционные, так и совершенно неожиданные ракурсы исследований. Например, попытка построить теорию документоведения на базе математической логики, общей теории систем и «природной научной методологии» привела ее автора к выводу о не научности теоретического документоведческого знания⁸. Однако следует заметить, что и математика, в пользу которой как методологической основы теории документоведения, высказывается очередной критик классического документоведения, не всеми учеными признается как наука. Например, известный физик, лауреат Нобелевской премии Р. Фейнман математику наукой не считал [Анисов 2011, с. 5].

⁸ Закарян М.Р. Введение в общую теорию систем документации: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2016. С. 7.

Заключение

Многополярность точек зрения на объект и предмет документоведения и его методологию не является, на наш взгляд, критичной. Объективно вся научная литература, посвященная изучению документа, составляет научное знание о нем, независимо от того, что под ним подразумевается и в каких аспектах он исследуется. Другой вопрос, является ли оно истинным и полезным. Для оценки истинности научного знания (полного отождествления своему объекту) философией науки разработаны определенные критерии, и все современное междисциплинарное, трансдисциплинарное и мультидисциплинарное знание о документе должно пройти такую оценку, селективный отбор, чтобы быть включенным в научную дисциплину и науку документоведение. В целом же междисциплинарность как неисследованная область знания об объекте, находящаяся вне предмета, но на стыке изучающих его дисциплин, трансдисциплинарность как использование при изучении объекта методологии и знаний других наук и мультидисциплинарность как исследование одного и того же объекта разными науками могут оказаться перспективными для дальнейшего развития документоведения.

Литература

- Автократов 1976 – *Автократов В.Н.* Некоторые аспекты исследования объекта и предмета документоведения // Труды ВНИИДАД. М.: ГАУ при СМ СССР, 1976. Т. 6. Ч. 1. С. 17–73.
- Анисов 2011 – *Анисов А.М.* Что такое наука? // Вестник РУДН. Серия Философия. 2011. № 3. С. 120–130.
- Бороздина 2023 – *Бороздина А.Г.* К вопросу об использовании искусственного интеллекта в обеспечении сохранности баз данных и электронных документов // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 2. С. 70–75.
- Горбанева 2022 – *Горбанева Е.А.* Некоторые вопросы аудита процесса формирования типовых документов на основании данных // Управление документацией в цифровой среде: Сб. трудов IV национальной научно-практической конференции / под. ред. Т.Н. Кондратьевой. Тюмень: Издат. дом «Титул», 2022. С. 66–71.
- Двоеносова 2010 – *Двоеносова Г.А.* Деятельностный подход в научном познании документа // Документ в контексте универсальных практик: сб. статей по материалам Второй всероссийской научно-практической конференции / под. ред. Т.Н. Кондратьевой. Тюмень: Издат. дом «Титул», 2010. С. 108–112.
- Двоеносова 2011 – *Двоеносова Г.А.* Социально-политический анализ документа: постановка проблемы // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 22–31.
- Двоеносова 2016 – *Двоеносова Г.А.* Синергетическая парадигма в научном познании документа // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2016. № 2. С. 1–7.

- Двоеносова 2017 – Двоеносова Г.А. Документ в глобальном мире // Документация в информационном обществе: актуальные проблемы управления электронными документами: Доклады и сообщения на Международной научно-практической конференции 15–16 ноября 2016 г. / Росархив, ВНИИДАД. М., 2017. С. 210–217.
- Двоеносова 2021 – Двоеносова Г.А. Управление документами и данными в цифровом государственном управлении // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сб. материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой / отв. ред. и сост. Ю.М. Кукарина. М.: ООО «Термика.ру», 2021. С. 133–141.
- Ильина 2022 – Ильина К.Б. Концепция FAIR в ракурсе управления исследовательскими данными, управления документами и распределения ролей и ответственности при работе с данными // Вестник ВНИИДАД. 2022. № 2. С. 96–103.
- Клименко 2009 – Клименко В.В. Климат: непрочитанная глава истории. М.: Издат. дом МЭИ, 2009. 408 с.
- Конькова 2017 – Конькова А.Ю. Брачный договор в пространстве веков: от духовного к материальному // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сб. материалов III международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой. М.: ООО «Термика.ру», 2017. С. 216–220.
- Кюнг 2022 – Кюнг П.А. Документ в системе документоведения и архивоведения: к построению единой теории // История и архивы. 2022. № 3. С. 104–116.
- Ланской 2015 – Ланской Г.Н. Функции документа в современном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 1. С. 30–35.
- Ларин 2021 – Ларин М.В. Три источника и три составные части отечественного документоведения // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сб. материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой / отв. ред. и сост. Ю.М. Кукарина. М.: ООО «Термика.ру», 2021. С. 70–83.
- Лебедев 2010 – Лебедев С.А. Структура науки // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 3. С. 26–50.
- Митяев 1964 – Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 27–37.
- Славко 2021 – Славко М.А. Положения и программы конвентов и их роль в документационном обеспечении управления ролевым движением в России // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (с международным участием). Сыктывкар, 2021. С. 330–333.
- Щербак 2022 – Щербак Н.М. Социальная сеть «Вконтакте» как хранилище современной системы документации о жизнедеятельности населения // Делопроизводство. 2022. № 1. С. 61–64.

References

- Autocratov, V.N. (1976), "Some aspects of the study of the object and subject of documentation", *Trudy VNIIDAD* [Proceedings of VNIIDAD], GAU pri SM SSSR, Moscow, USSR, vol. 6, part 1, pp. 17–73.
- Anisov, A.M. (2011), "What is science?", *RUDN Journal of Philosophy*, no. 3, pp. 120–130.
- Borozdina, A.G. (2023), "On the issue of the use of artificial intelligence in ensuring the safety of databases and electronic documents", *Herald of VNIIDAD*, no. 2, pp. 70–75.
- Dvoenosova, G.A. (2010), "Activity approach in scientific cognition of the document", in Kondrat'eva, T.N., ed., *Dokument v kontekste universal'nykh praktik: sbornik statei po materialam Vtoroi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Document in the context of universal practices. A collection of articles based on the materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference], Izdatel'skii dom «Titul», Tyumen, Russia, pp. 108–112.
- Dvoenosova, G.A. (2011), "The socio-political analysis of the document. The problem statement", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 22–31.
- Dvoenosova, G.A. (2016), "Synergetic paradigm in scientific cognition of the document", *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*, no. 2, pp. 1–7.
- Dvoenosova, G.A. (2017), "Document in the global world", in *Dokumentatsiya v informatsionnom obshchestve: aktual'nye problemy upravleniya elektronnymi dokumentami: Doklady i soobshcheniya na Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 15–16 noyabrya 2016 g.* [Documentation in the information society. Current issues of electronic document management. Reports and presentations at the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 15–16 November 2016], Rosarkhiv, VNIIDAD, Moscow, Russia, pp. 210–217.
- Dvoenosova, G.A. (2021), "Document and data management in digital public administration", in Kukarina, Yu.M., ed., comp., *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sb. materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovoi* [Documentation management. Past, present, future. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference, commemorating professor T.V. Kuznetsova], Thermika.ru, Moscow, Russia, pp. 133–141.
- Gorbaneva, E.A. (2022), "Some issues of auditing the process of forming standard documents based on data", in *Upravlenie dokumentatsiei v tsifrovoi srede: Sbornik trudov IV natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Documentation management in the digital environment. Proceedings of the 4th National Scientific and Practical Conference], MIREA, Moscow, Russia, pp. 66–71.
- Il'ina, K.B. (2022), "The concept of FAIR in the perspective of research data management, document management and distribution of roles and responsibilities when working with data", *Herald of VNIIDAD*, no. 2, pp. 96–103.
- Klimenko, V.V. (2009), *Klimat: neprochitannaya glava istorii* [Climate. An unread chapter of history], Izdatel'skii dom MEI, Moscow, Russia.
- Kon'kova, A.Yu. (2017), "Marriage contract in the space of centuries. From spiritual to material", in Kukarina, Yu.M., ed., comp., *Upravlenie dokumentatsiei:*

- proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sb. materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovi* [Documentation management. Past, present, future. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference, commemorating professor T.V. Kuznetsova], Thermika.ru, Moscow, Russia, pp. 216–220.
- Kung, P.A. (2022), “Document in the system of documentation and archival studies. On a unified theory”, *History and Archives*, no. 3, pp. 104–116.
- Lanskoy, G.N. (2015), “The functions of the documents in the modern world”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Archive Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, no. 1, pp. 30–35.
- Larin, M.V. (2021), “Three sources and three components of national documentation”, in Kukarina, Yu.M., ed., comp., *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sb. materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovi* [Documentation management. Past, present, future. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference, commemorating professor T.V. Kuznetsova], Thermika.ru, Moscow, Russia, pp. 70–83.
- Lebedev, S.A. (2010), “Structure of science”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 3, pp. 26–50.
- Mityaev, K.G. (1964), “Documentation management, its tasks and development prospects”, *Voprosy arkhivovedeniya*, no. 2, pp. 27–37.
- Slavko, M.A. (2021), “Provisions and programs of conventions and their role in documenting the management of role-playing movement in Russia”, in *Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regional'nogo upravleniya na Europeiskom Severe: Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North, Proceedings of the 14th All-Russian Scientific Conference (with international participation)], Syktyvkar, Russia, pp. 330–333.
- Shcherbak, N.M. (2022), “Social network ‘In contact’ (VKontakte) as a repository of a modern system of documentation on the vital activity of the population”, *Deloproizvodstvo*, no. 1, pp. 61–64.

Информация об авторе

Галина А. Двоеносова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dvoenosovaga@yandex.ru,

ORCID ID: 0000-0002-0722-3464

Information about the author

Galina A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dvoenosovaga@yandex.ru,

ORCID ID: 0000-0002-0722-3464

Архивист и хранитель памяти:
наследие Владимира Николаевича Нечаева
(1874–1941 гг.)
в контексте истории архивного дела

Татьяна Д. Гернович

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, tat.gernovich@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу научного и профессионального пути Владимира Николаевича Нечаева (1874–1941) – одного из недооцененных, но значимых деятелей архивного дела в России первой трети XX в. На основе материалов личного фонда исследователя, хранящегося в Государственном историческом музее Российской Федерации (ОПИ ГИМ, ф. 480), а также материалов других российских архивов, в статье представлен вклад Нечаева в становление архивной и музейной практики. Особое внимание уделяется его инициативе создания Архивного музея в Петрограде, участию в деятельности Центрархива РСФСР, а также работе в советско-польской смешанной комиссии по реализации положений Рижского мирного договора 1921 г. В.Н. Нечаев прошел путь от военно-юриста до руководителя первого отечественного учреждения, объединившего функции архива и музея. В проведенном исследовании подчеркивается методологическая новизна его взглядов, актуальных и сегодня в контексте интеграции архивов, библиотек и музеев в единую систему сохранения культурной памяти. Биография Нечаева освещается на фоне социальных и политических изменений эпохи, а его архив представляет собой ценный источник по истории культурных институций и памяти о событиях XX века.

Ключевые слова: Владимир Николаевич Нечаев, использование архивных документов, Архивный музей, Центрархив РСФСР, Рижский мирный договор 1921 г., документальное наследие, история архивного дела

Статья поступила в редакцию 23 марта 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Гернович Т.Д. Архивист и хранитель памяти: наследие Владимира Николаевича Нечаева (1874–1941 гг.) в контексте истории архивного дела // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 171–183.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-171-183

© Гернович Т.Д., 2025

Archivist and the guardian of memory.
The legacy of Vladimir Nechaev (1874–1941)
in the context of the history of archival studies

Tatsiana D. Hiarnovich

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, tat.gernovich@gmail.com*

Abstract. This article deals with the scholarly and professional path of Vladimir Nechaev (1874–1941), an underappreciated but influential figure in the Russian archival and museum practices of the early 20th century. Based on the documents from his personal archive kept at the State Historical Museum of the Russian Federation (Fond 480) and other Russian repositories, the study outlines Nechaev's contributions to the development of archival and museum practice. Special attention is given to his role in founding the Archival Museum in Petrograd, his work with the Central Archives of the RSFSR (Tsentrarkhiv), and his participation in the Soviet-Polish Joint Commission implementing provisions of the Treaty of Riga of 1921. The article traces Nechaev's transformation from a military lawyer to the director of the first Russian institution combining archival and museum functions. His ideas on the integration of archives, libraries, and museums into a unified system for preserving cultural memory are shown to be methodologically innovative and remain relevant today. Nechaev's biography is highlighted within the broader sociopolitical changes of his time, and his archive is recognized as a key resource for understanding the history of cultural institutions and on the memory of events in the 20th century.

Keywords: Vladimir Nechaev, use of archival documents, Archival Museum, Central Archives of the RSFSR, Treaty of Riga (1921), documentary heritage, history of archival studies

The article was submitted for publication 23.03.2025;

Accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Hiarnovich, T.D. (2025), “Archivist and the guardian of memory. The legacy of Vladimir Nechaev (1874–1941) in the context of the history of archival studies”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 171–183, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-171-183

Введение

Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на Первом съезде архивных деятелей РСФСР (14–19 марта 1925 г.), стало определение соотношения задач архивов, музеев и библиотек

в области хранения и использования архивных документов¹. Эта проблема была впервые обозначена на Конференции архивных деятелей в Петрограде (1920 г.) и получила дальнейшее развитие на Всероссийской конференции в Москве (1921 г.). Основное внимание в ходе обсуждений этих научных собраний было уделено докладу И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей», в котором анализировались принципы взаимодействия указанных учреждений [Хорхордина 2001; Хорхордина 2003; Безбородов, Хорхордина 2018].

В 1921 г. на Всероссийской конференции в Москве также выступил с докладом «Музеи при архивах» В.Н. Нечаев², в котором он впервые предложил концепцию нового типа учреждения – «архивного музея», призванного «приблизить архивы к массам» и тем самым расширить их социальную функцию³. Став впоследствии первым директором Архивного музея – уникального учреждения, сумевшего на практике объединить функции архива и музея, – В.Н. Нечаев внес весомый вклад в разработку модели институционального взаимодействия, направленного на расширение форм использования архивных документов. Под его руководством была реализована концепция, позволившая не только представить архивные материалы в музейной экспозиции, но и активизировать их использование в образовательной и просветительской деятельности. В этом контексте обращение к личности и профессиональному пути Владимира Николаевича Нечаева приобретает особое значение.

О личности Владимира Николаевича Нечаева в отечественном архивоведении известно немного. Так, в примечаниях к сборнику документов «Архивы и власть» В.Н. Нечаев упоминается в именном указатели 1-го и 2-го тома как заведующий отделом 1-го Петроградского отделения II секции ЕГАФ. Во 2-м томе сборника в сводном именном комментарии его краткая биография не приводится⁴. Некоторую краткую информацию о В.Н. Нечаеве приводят-

¹ Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14–19 марта 1925 г. / под ред. Н.Ф. Бельчикова, В.В. Максакова. М.; Л., 1926.

² Резолюция по докладу Аннинского С.А. «Пропаганда архивного дела» и Нечаева В.Н. «Музеи при архивах» // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 131.

³ Впоследствии доклад был опубликован в виде научной статьи: Нечаев В.Н. Архивный музей в Ленинграде // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 63–68.

⁴ Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие: Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: Сб. документов: В 2 т. / отв. ред. О.Н. Копылова. М.: Кучково поле, 2018.

составители Сетевого ресурса «Историки Петрограда-Ленинграда» (1917–1934)⁵.

С учетом сохраняющейся актуальности проблемы интеграции архивов, музеев и библиотек, которая и в наши дни остается предметом активных дискуссий научного сообщества и поднимается в докладах на ряде научных конференций [Бухерт 2017; Маланичев 2006; Хорхордина 2020; Юмашева 2022], представляется важным уточнить отдельные аспекты биографии В.Н. Нечаева. Анализ его профессионального пути позволяет не только реконструировать ранние этапы становления практики взаимодействия учреждений памяти, но и выявить ценные идеи, актуальные для современных исследовательских и институциональных подходов.

*Биография и профессиональный путь В.Н. Нечаева:
от военного юриста до архивиста
и директора Архивного музея*

Нечаев Владимир Николаевич родился в ноябре 1874 г. в семье генерал-майора, ученого-химика и педагога Александровского военного училища Николая Павловича Нечаева. Впоследствии его отец занимал должность председателя Технического комитета при Главном Интендантском управлении Военного министерства. Отец В.Н. Нечаева был племянником жены А.П. Боголюбова (известного художника-мариниста) и его душеприказчиком.

Владимир Николаевич Нечаев обучался сначала с 1886 по 1892 г. в 3-м Московском кадетском корпусе, затем с 1892 по 1894 г. в 3-м Военном училище. Как отмечалось в «Сборнике биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадет Александринского сиротского кадетского корпуса», В.Н. Нечаев в 1894 г. «занесен на мраморную доску», т. е. закончил училище с золотой медалью.

В 1894–1901 В.Н. Нечаев служил в лейб-гвардии Измайловского полка в младших офицерских чинах. В 1898–1901 гг. обучался в Александровской Военной Юридической Академии. После ее окончания В.Н. Нечаев в 1901–1905 гг. служил кандидатом на военно-судебные должности в военно-окружных судах в Москве, Варшаве и Петербурге, имел чин полковника. В 1905 г. был уволен от военной службы за порицание действий войск во время

⁵ Нечаев Владимир Николаевич (1874–1941) // Биографика: Историки Петрограда-Ленинграда (1917–1934). URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2841-nechaev-vladimir-nikolaevich.html> (дата обращения: 12.01.2025).

Рис. 1. В.Н. Нечаев⁶Рис. 2. Н.П. Боголюбова,
урожденная Нечаева, жена А.П. Боголюбова.
Le Grey Gustave. Конец 1850-х гг. (ГИМ Ф. 480.)⁷

октябрьских событий, с этого времени состоял членом Кадетской партии (Народной свободы).

После отставки Владимир Николаевич стал успешно заниматься частной адвокатской практикой сначала в качестве помощника присяжного поверенного, а затем и присяжного поверенного. Он участвовал в процессах по делу о сдаче японцам крепости Порт-Артур, по делам о взяточничестве крупных интендантских чинов, по некоторым громким гражданским процессам и др.⁸

После Первой мировой войны в 1914 г. он был призван по мобилизации в Военно-судное управление исполняющим обязанности на должность начальника отделения, где находился на службе

⁶ Смердов В.Н. Сборник биографий бывших юнкеров Александровского военного училища и кадет Александринского сиротского кадетского корпуса. М., 1903–1905. Ч. 2. 1904. С. 92.

⁷ Петров А., Цапина Т. «Как мы жили»: мемуары В.Н. Нечаева // Исторический блог ГИМ. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=5524> (дата обращения: 09.01.2025).

⁸ Заключительные прения: Речи защитников подсудимого генерала Рейса – присяжных поверенных Нечаева и Квашнина-Самарина // Дело о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам в 1904 г. Отчет. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. С. 427–436. URL: <https://library6.com/3596/item/345661> (дата обращения: 09.01.2025).

Рис. 3. Обложка опубликованного отчета «Дело о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам в 1904 г.»

до 1918 г. Одновременно в 1918–1922 гг. В.Н. Нечаев обучался в Государственном институте истории искусств (ГИИИ), после окончания которого работал в нем сверхштатным научным сотрудником до 1929 г., а в 1928–1929 гг. был секретарем секции византийско-русского искусства президиума ИЗО отдела ГИИИ.

В этом же 1918 г. В.Н. Нечаев поступил на работу в Петроградское отделение ГУАД на должность старшего архивиста⁹. При его активном содействии при бывшем Архиве Сената был организован Архивный музей, где он был назначен заведующим (до 1930 г.).

В.Н. Нечаев в 1926–1932 гг. являлся членом Совета Общества «Старый Петербург – Новый Ленинград», а с 1928 г. был так же председателем секции охраны памятников этого общества. В 1919–1921 гг. Владимир Николаевич сотрудничал с Комиссией по сбору материалов по истории революционного движения в Балтфлоте при реввоенсовете Балтфлота.

В 1922–1926 гг. он участвовал в работе в составе советской делегации Советско-польской смешанной комиссии по реализации Рижского мирного договора 1921 г. в качестве эксперта по реэвакуации материальных и культурных ценностей.

В 1931–1932 гг. Нечаев работал в Котло-турбинном конструкторском бюро заведующим архивом и библиотекой, затем в том же 1932 г. работал старшим библиотекарем в Центральной Геологической библиотеке.

⁹ Вероятно, трудоустройству в Архив Сената способствовал И.А. Блинов, который, так же, как и В.Н. Нечаев, был выпускником Александровского военного училища.

С 1 ноября 1932 г. был административно выслан из Ленинграда в г. Тамбов за поддержку бойкота в государственных учреждениях в первые месяцы советской власти в 1917 г. Находился в ссылке до 1 ноября 1935 г., во время которой работал в Тамбовском Художественном техникуме преподавателем истории искусств и заведующим библиотекой.

В 1937 г. ему удалось устроиться в Москве в филиал Государственного исторического музея «б. Новодевичий монастырь» научным сотрудником по договору, в этом качестве он проработал до своей смерти в феврале 1941 г.

В.Н. Нечаев был человеком большой ученой эрудиции. За время своей научной деятельности он написал большое количество докладов и статей по широкому спектру исторических и искусствоведческих проблем. Среди основных его работ можно назвать: статьи «Процесс П.Л. Лаврова»¹⁰; «Публикация о винах кн. Александра Даниловича Меншикова (из вновь найденных архивных материалов)»¹¹; «Нутровые палаты в русской живописи XVII века»¹²; монографии «Болотников: Эпизод крестьянского восстания начала XVII века»¹³; «Как бунтовали «фабричники» в середине XVIII в.»¹⁴

Наследие В.Н. Нечаева в отечественных архивах и музеях

Материалы В.Н. Нечаева отложились в целом ряде фондов. Наиболее полно они представлены в личном фонде историка-архивиста (ф. 480: В.Н. Нечаев), который хранится в отделе письменных источников в Государственном историческом музее Российской Федерации (ОПИ ГИМ). Основу фонда составляют документы служебной и научной деятельности В.Н. Нечаева, его переписка, труды, а также материалы членов его семьи. В фонд включены материалы В.Я. Нечаевой (его жены) – переписка, личные документы,

¹⁰ Нечаев В.Н. Процесс П.Л. Лаврова // Исторический архив. 1921. № 1. С. 46–62.

¹¹ Нечаев В.Н. Публикация о винах кн. Александра Даниловича Меншикова (из вновь найденных архивных материалов) // Русский исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 7. С. 85–98.

¹² Нечаев В.Н. Нутровые палаты в русской живописи XVII в. // Русское искусство XVII века: сб. статей. Л., 1929. С. 26–62.

¹³ Нечаев В.Н. Болотников: эпизод крестьянского восстания начала XVII в. М.: Всесоюзное о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 80 с.

¹⁴ Нечаев В.Н. Как бунтовали «фабричники» в середине XVIII в. М., Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 56 с.

материалы о помощи голодающим и Н.П. Нечаева (отца) – о преподавательской деятельности и по исполнению завещания А.П. Боголюбова. В фонде представлены как официальные документы, так и рукописи докладов, фотографии, письма – что позволяет проследить как профессиональную эволюцию Нечаева, так и контекст эпохи, в которую складывался его личный архив. Документы фонда датируются 1891–1950-ми гг.¹⁵

Фонд поступил в ОПИ ГИМ по завещанию вдовы В.Н. Нечаева Варвары Яковлевны в два приема: основная часть поступила в 1956 г., а дополнение – в ноябре 1960 г. Оба поступления получили инв. № 95 365 и два архивных 4256 и 4399. Затем в марте 1986 г. из ведомственного архива ГИМ поступила трудовая книжка В.Н. Нечаева инв. № 106 751 и арх. № 5621.

Особую ценность представляют воспоминания В.Н. Нечаева, охватывающие 1874 – начало 1890-х гг., которые колоритно и с любовью передают культурную и обыденную жизнь Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, курортов Прибалтики. Любопытны также приведенные Нечаевым биографические подробности жизни известного художника-мариниста А.П. Боголюбова. Воспоминания были начаты В.Н. Нечаевым во время его нахождения в административной ссылке в г. Тамбове (1932–1935 гг.). Они были частично опубликованы на интернет-странице Блога исторического музея А. Петровым и Т. Цапиной ««Как мы жили»: мемуары В.Н. Нечаева»¹⁶.

Фотоматериалы фонда частично представлены среди цифровых образов экспонатов на официальной странице ГИМ. Так, например, среди них размещена фотография жены В.П. Нечаева – Нечаевой Варвары Яковлевны¹⁷.

¹⁵ ГИМ: Список фондов отдела письменных источников. URL: <https://shm.ru/issledovatelyam/nauchnaya-rabota-v-otdelakh/spisok-fondov-otdelapismennykh-istochnikov> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁶ Блог исторического музея URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=5524#:~:text=%D0%92%20%D0%9E%D0%9F%D0%98%20%C2%A0%D0%93%D0%98%D0%9C%20%D0%B2%20%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B5,%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B8%D0%B2%D1%88%D0%B8%D0%B9%20%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%98%D0%92%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%82%D1%83%D1%82> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁷ ГИМ: Список фондов отдела письменных источников. URL: <https://shm.ru/issledovatelyam/nauchnaya-rabota-v-otdelakh/spisok-fondov-otdelapismennykh-istochnikov> (дата обращения: 09.01.2025).

Рис. 4. Нечаева Варвара Яковлевна.
1890-е гг. Российской империя,
Москва. Фотография. Автор Шерер
Мартин Николаевич (?–1883),
фотограф (ГИМ. 95 057)

В фонд В.Н. Нечаева включен комплекс документов, отражающих деятельность Государственного института истории искусств (ГИИИ). Как уже отмечалось, после окончания института Владимир Николаевич до 1927 г. работал при нем в статусе сверхштатного научного сотрудника. Среди представленных материалов – расписания заседаний и докладов сотрудников ГИИИ за период с 15 по 22 февраля 1926 г. Эти документы свидетельствуют о высокой интенсивности научной работы института в 1920-е годы, когда функционировали специализированные секции, посвященные музейеведению, истории искусства, театральному искусству и другим направлениям. Доклады, представленные в рамках этих заседаний, равно как и доклад В. Н. Нечаева «Архивные выставки и музеи и их связь с музеями быта», представленный 16 февраля 1926 г. в музейной секции Социологического комитета, были посвящены обсуждению новаторских идей и новых методологических подходов¹⁸.

Ценным источником являются материалы за 1920–1924 гг., связанные с открытием 31 октября 1922 г. и работой Архивного музея в Санкт-Петербурге при 2-м отделении юридической секции ЕГАФ (б. Сенатский архив). В фонде содержатся письмо управляющего 1-м Петроградским отделением II секции ЕГАФ, одного из основателей союза Российских архивных деятелей И.А. Блинова на имя В.Н. Нечаева о сроках подготовки к открытию музея (подлинник 25.03.1922), программа устройства музея, объявление об открытии Архивного музея и выставка городского строительства русской провинции XVIII в. В составе этой группы документов хранится

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ед. хр. 85 95365/4256/3, 4, 6.

подлинник письма на имя В.Н. Нечаева о предоставлении тезисов к докладу во Всероссийской конференции архивных деятелей в 1920 г.

Благодаря этим материалам можно проследить не только зарождение уникального учреждения – Архивного музея, но и состав материалов, которые предполагалось использовались для его экспозиций. Так среди документов ф. 480 хранятся черновики и машинописные копии рапортов и акт о передаче ряда материалов и экспонатов из кладовой в здании б. Синода в Архивный музей, которые были составлены В.Н. Нечаевым 1 мая 1923 г., 22, 23 сентября 1924 г. уже в должности заведующего музеем. Интерес представляют фотокопии документов для музейных экспозиций, отложившиеся у В.Н. Нечаева¹⁹.

В 1920-е гг. В.Н. Нечаев неоднократно выступал с сообщениями на профессиональных съездах и семинарах, поднимая вопросы статуса архивного документа как музейного экспоната, методики комплектования музеев документов, организации архивных выставок и др. Многие из этих трудов остались в рукописи и не были опубликованы. Так, в ф. 480 хранятся тезисы, конспекты и подготовительные черновые записи к докладам «Архивные музеи» и «Архивные музеи и выставки и их связь с музеями быта» (машинопись 27.04.1920, рукопись 16.02.1926), Тезисы к докладу «Обслуживание архивом задач школы в связи с идеей Центрального архивного музея» (машинопись 16.05.1924), записка «Охрана памятников культуры. Схема работ» (черновик 24.10.1924), работа «Архивный музей и выставка при б. Сенатском Архиве», (черновик, 2-я половина 20-х гг. XX в.), а также материалы, подготовленные к последнему выступлению В.Н. Нечаева перед ссылкой – конспект доклада «О сабирании, хранении и использовании рукописной литературы», представленный в Центральной геологической библиотеке на съезде библиотечных работников Георазведки (черновик, 29.09.1932)²⁰.

Особый интерес в составе личного фонда представляют два подлинника письма с автографом 1926–1937 гг., полученные В.Н. Нечаевым от известного общественного деятеля В.Д. Бонч-Бруевича. В 1933–1945 гг. В.Д. Бонч-Бруевич являлся директором Государственного литературного музея в Москве и потому обращался к В.Н. Нечаеву за помощью в связи с издательской и собирательской деятельностью музея²¹.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 86 95365/4256/1, 2, 3, 4, 5, 6.

²⁰ Там же. Ед. хр. 125 95365/4256; 126 95365/4256; 127 95365/4256; 128 95365/4256; 129 95365/4256.

²¹ Там же. Ед. хр. 136/17 95365/4256.

Материалы о В.Н. Нечаеве также хранятся в архиве филиала ГИМ музее «Новодевичий монастырь» (инвентарный номер ГИМ 104 027). Его личные дела хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) – фонд 14 (Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819–1918), опись 3, дело 65 500: Нечаев Владимир Николаевич; фонд 243 (Петроградский коммерческий суд. Петроград. 1832–1917), опись 1, дело 2169: Нечаев Владимир Николаевич – присяжный поверенный; о внесении в список присяжных стряпчих.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в ф. Р-5325 нами также были выявлены документы о деятельности В.Н. Нечаева в качестве эксперта Советской делегации Советско-польской смешанной комиссии по выполнению Рижского мирного договора 1921 г. Они представляют собой переписку Центрархива РСФСР, Петроградского отделения Центрархива и председателя делегации Советско-польской смешанной комиссии П.Л. Войкова (подлинники) за 1921–1925 гг. о составлении В.Н. Нечаевым предварительного заключения о передаче в Польшу архивов центральных учреждений, хранящихся в Петрограде, и последующей работе по отборке дел на основании подготовленной им инструкции по выявлению материалов²².

Заключение

Научная и архивная деятельность Владимира Николаевича Нечаева является уникальным примером синтеза исторической науки, архивного дела и музейной практики в условиях кардинальных общественных преобразований России первой половины XX в. Его вклад в развитие архивного дела, а особенно роль в создании и организации Архивного музея при Петроградском отделении Центрархива, остается важным этапом в формировании отечественной архивной науки и практики.

Судьба Нечаева олицетворяет сложнейшие и противоречивые процессы эпохи: от карьеры военного юриста и адвоката, должности архивиста и исследователя-историка, эксперта по вопросам культурных ценностей до вынужденной ссылки, сопровождавшейся неустанными попытками сохранить и развивать интеллектуальную деятельность в условиях советской действительности. Его личный архив служит живым отражением не только этапов его профессиональной биографии, но и общей культурно-исторической атмосферы времени. Методологические разработки и опыт В.Н. Нечаева

²² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп.1. Д. 27. Л. 1–2 об., 13–15, 17–18, 97.

остаются актуальными и сегодня, способствуя глубокому осмыслинию роли архивов и музеиных учреждений в сохранении исторической памяти и культурного наследия.

Литература

- Безбородов, Хорхордина 2018 – *Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Архивы и власть: государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 59–77. DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00023
- Бухерт 2017 – *Бухерт В.Г.* Проект В.В. Шереметевского об устройстве Архивного музея (1927 г.) // Академическая археография в России XVIII–XXI вв. (Тихомировские чтения 2016 г.: К 60-летию Археографической комиссии РАН), Москва, 8–9 сентября 2016 г. / сост. Н.А. Кобяк, А.В. Мельников. М.: ООО «Старая Басманская», 2017. С. 349–361.
- Маланичев 2006 – *Маланичев Г.Р.* Документы Архивного фонда РФ в музеях и библиотеках: создание интернет-справочника // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 15–17.
- Хорхордина 2001 – *Хорхордина Т.И.* Неизвестный Маяковский. М.: РГГУ, 2001. 256 с.
- Хорхордина 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: история, теория, люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.
- Хорхордина 2020 – *Хорхордина Т.И.* Музей, библиотека, архив: к истории вопроса о разграничении понятий и современные тенденции к интеграции // Смысл истории: журнал историко-философского общества. 2020. № 2. С. 157–166.
- Юмашева 2022 – *Юмашева Ю.Ю.* Историческая наука, архивы, библиотеки, музеи и искусственный интеллект: год спустя // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, Изд-во Уральского ун-та, 2022. № 22. С. 217–241.

References

- Bezborodov, A.B. and Khorkhordina, T.I. (2018), “Archives and power. The state archival service in the formation of historical consciousness and Russian sociocultural identity”, *The New Historical Bulletin*, vol. 57, no. 3, pp. 59–77, DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00023.
- Bukhert, V.G. (2017), “V.V. Sheremetevsky’s project on the organization of an Archival museum (1927)”, in Kobyak, N.A. and Mel’nikov, A.V., comp., *Akademicheskaya arkheografiya v Rossii XVIII–XXI vv. (Tikhomirovskie chteniya 2016 g.: K 60-letiyu Arkheograficheskoi komissii RAN)*, Moscow, 8–9 sentyabrya 2016 g. [Academic archeography in Russia, 18th – 21st centuries (Tikhomirov Conference . On the 60th anniversary of Archaeographic commission of RAS 2016), ООО «Staraya Basmannaya», Moscow, Russia, pp. 349–361.

- Malanichev, G.R. (2006), "Documents from the Archival Fund of the Russian Federation in museums and libraries. Creating an Internet directory", *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*, no. 34, pp. 15–17.
- Khorkhordina, T.I. (2001), *Neizvestnyi Mayakovskii* [The unknown Mayakovskiy], RGGU, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: istoriya, teoriya, lyudi* [Russian archival science. History, theory, people], RGGU, Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2020), "Museum, library, archive. On the history of the issue of terminological distinctions and modern integration trends", *Smysl istorii: zhurnal istoricheskogo obshchestva*, no. 2, pp. 157–166.
- Yumasheva, Yu.Yu. (2022), "Historical science, archives, libraries, museums and artificial intelligence. One year later", in *Dokument. Arkhiv. Istoryia. Sovremennost'* [Document. Archive. History. The Present], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia, no. 22, pp. 217–241.

Информация об авторе

Татьяна Д. Гернович, кандидат исторических наук, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Республика Беларусь, 220030, Минск, пр-кт Независимости, д. 4; tat.gernovich@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1970-7156

Information about the author

Tatsiana D. Hiarovich, Cand. of Sci (History), Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Nezavisimost' Av., Minsk, 220030, Republic of Belarus; tat.gernovich@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1970-7156

Организация архивного дела
Приднестровской Молдавской Республики
на современном этапе:
проблемы становления и развития

Зинаида Г. Тодорашко

*Государственная служба управления документацией и архивами
Приднестровской Молдавской Республики,
Тирасполь, Приднепровская Молдавская Республика,
office@gospmr.org*

Аннотация. В статье рассматривается история и организация государственной архивной службы Приднестровской Молдавской Республики (Приднестровья) на современном этапе, а также раскрываются основные принципы организации архивного дела и формирования Архивного фонда республики. Основным принципом организации архивного дела в Приднестровье является принцип централизации. Особенность проявляется в объединении двух функций управления документацией и архивами в рамках деятельности государственной архивной службы. Формирование архивного фонда республики базируется на отечественных принципах происхождения, историзма, всесторонности, комплексности и недробимости архивных фондов, при действии современного принципа политического нейтралитета. В то же время архивы Приднестровья находятся на службе государству и Отечеству, так как сеть государственных архивных органов вошла в состав государственной гражданской службы Приднестровья, а весь кадровый состав отнесен к составу государственных служащих.

В статье рассматриваются этапы, напрямую связанные с основными вехами создания, становления и развития государственности Приднестровья: от создания в 1990-е гг. центрального органа управления архивным делом республики – Архивного отдела при Правительстве Приднестровской Молдавской ССР до Государственной службы управления документацией и архивами ПМР.

Ключевые слова: архивное дело, архивная отрасль, управление документацией и архивами, централизация управления документационным обеспечением, принцип централизации, принципы историзма, всесторонности, политического нейтралитета, контрольно-надзорные функции архивных органов в сфере архивного дела и управления документацией, система

органов архивной отрасли Приднестровской Молдавской Республики, межведомственные архивы по личному составу, государственная архивная служба, Приднестровская Молдавская Республика, Приднестровье

Статья поступила в редакцию 10 марта 2025 г.;

принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Тодорашко З.Г. Организация архивного дела Приднестровской Молдавской Республики на современном этапе: проблемы становления и развития // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 184–194. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-184-194

**Organizing archives administration
of the Pridnestrovian (Transnistrian) Moldavian Republic
at the present stage.
Issues of formation and development**

Zinaida G. Todorashko

*State Service for the Management of Documentation and Archives
of the Pridnestrovian Moldavian Republic,*

Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic, office@gsuda.gospmr.org

Abstract. The article considers the history and organization of the State Archival Service of the Pridnestrovian Moldavian Republic (Transnistria) at the present stage, as well as reveals the main principles of the organization of archival affairs and the formation of the Archival Fund of the Republic.

The main principle of organizing archival affairs in Transnistria is the principle of centralization. A distinctive feature is the combination of two functions – documentation management and archives administration – within the activities of the State Archival Service.

The formation of the Archival Fund of the Republic is based on the national principles of provenance, historicism, comprehensiveness, complexity, and indivisibility of archival collections, while applying the modern principle of political neutrality.

At the same time, the archives of Transnistria serve the State and the Fatherland, since the network of the state archival bodies has become part of the state civil service of Transnistria, and all personnel are classified as state civil servants.

The article considers the stages directly related to the main milestones of the creation, formation and development of the statehood of Transnistria: from the foundation in the 1990s of the central body for managing archival affairs of the Republic – the Archival Department under the Government of the Pridnestrovian Moldavian SSR to the State Service for the Management of Documentation and Archives of the PMR.

Keywords: archival affairs, archival sector, documentation and archives management, centralization of documentation support management, principle of centralization, principles of historicism, comprehensiveness, political neutrality, supervisory and control functions of archival bodies in the field of archival affairs and documentation management, system of archival sector bodies of the Pridnestrovian Moldavian Republic, inter-agency personnel archives, State Archival Service, Pridnestrovian Moldavian Republic, Transnistria

The article was submitted for publication 10.03.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Todorashko, Z.G. (2025), “Organizing archives administration of the Pridnestrovian (Transnistrian) Moldavian Republic at the present stage. Issues of formation and development”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 184–194, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-184-194

Введение

Всем известна фраза: «Зрелость государства измеряется отношением к архивам». В 2025 году исполняется 100 лет со дня создания Центрального архивного управления Молдавии (ЦАУ Молдавской Автономной ССР)¹ и 35 лет Приднестровской Молдавской Республике (Приднестровье) – суверенного, независимого, демократического, правового государства с президентской формой правления, выступающей правопреемницей первой государственности на Днестре².

Архивное дело в Приднестровской Молдавской Республике – это деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Приднестровской Молдавской Республики и других архивных документов, понятие «архивная отрасль» понимается как отрасль государственной деятельности, охватывающая политические, научные, правовые и практические вопросы управления документацией, формирования, комплектования, организации хранения, учета и использования документов Архивного фонда Приднестровской Молдавской Республики и других

¹ Центральный государственный архив Молдавской ССР и его филиал в г. Тирасполе: Краткий справочник. ГАУ при Совете министров МССР. ЦГА МССР. Кишинев, 1988. С.4.

² История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 4. Кн. 1. Тирасполь, 2021. С. 50–56.

архивных документов, а также организации работы органов системы архивной отрасли³.

Архивное дело в Приднестровской Молдавской Республике строится и развивается на базе отечественного архивоведения, хотя обстоятельства, в основном политического характера, во многом влияют на правоприменительную практику, формы и методы организации и управления архивным делом.

Основная часть

В своем развитии архивная отрасль ПМР прошла несколько этапов, напрямую связанных с основными вехами создания, становления и развития государственности Приднестровья.

С 1990 по 1992 г. – архивная отрасль ПМР, на правах еще одной республики в составе обновленного Союза, отнесена была к составу государственной архивной службы СССР с подчинением ГАУ СССР. После разрушения СССР, с 1993 г. по 1995 г. государственная архивная служба ПМР развивалась на основе государственного суверенитета и независимости Приднестровья. Это время парада суверенитетов, демократических преобразований государственного устройства, одним из элементов которого являлось разработка и принятие первых архивных правовых актов, закреплявших статус национального архивного фонда государства. В июле 1993 г. был принят Закон ПМР «Об архивном фонде ПМР»⁴. С 1996 г. архивное дело Приднестровья было переведено, согласно Конституции 1995 г., в формат суверенного, независимого, демократического, правового государства⁵.

Архивное дело ПМР закладывалось на основе советского опыта отечественного архивоведения, в основу которого был положен принцип централизации.

В настоящее время вышло множество работ о роли и важности централизации архивного дела⁶. Опыт Приднестровья говорит об актуальности сохранения принципа централизации архивного дела

³ Закон ПМР № 651-З-IV от 16 января 2009 г. «Об архивном деле Приднестровской Молдавской Республики» // Сборник актов законодательства ПМР. 2009. № 3. С. 840–857.

⁴ Закон ПМР «Об архивном фонде ПМР». Тирасполь, 1993. С. 1–16.

⁵ Конституция Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 1996. С. 1–18.

⁶ Козлов В.П. Архивоведение: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 11–27; Хорхордина Т.И. История архивов и архивного дела в России. М., 2022. 627 с. См. также [Хорхордина 2024].

и необходимости распространения его на управление документацией. Как показывает практика в условиях построения государственности, что называется «с нуля», в форме президентской республики не только предпочтительно, но и необходимо централизованное управление архивами и документацией.

Централизация архивного дела, прежде всего выражается в создании государственного органа власти и управления в сфере архивного дела и управления документацией. Уровень компетенции и место в системе государственного устройства органа госуправления архивной отраслью, как показывает практика, играет исключительно важную роль в обеспечении централизации архивного дела государства.

Так, в мае 1991 г. был образован центральный орган управления архивным делом республики – Архивный отдел при правительстве Приднестровской Молдавской ССР, который с сентября 1992 г. был переименован в Республиканское архивное управление, затем преобразован в Государственную архивную службу Приднестровской Молдавской Республики (ГАС ПМР). В связи с оптимизацией госуправления в 2000 г. ГАС ПМР была реорганизована в Государственное учреждение «Архивы Приднестровья» с наделением властными полномочиями и отнесением к ведению Администрации Президента ПМР. С 2007 г. центральный орган управления архивным делом республики был переименован в Государственную службу управления документацией и архивами ПМР (ГСУДА ПМР), что наибольшим образом отразило особенности организации архивного дела Приднестровья, осуществляемых службой. При этом ГСУДА ПМР приобрела статус самостоятельного ведомства на правах министерства с отнесением к исполнительной ветви власти. В 2012 г. ГСУДА ПМР была реорганизована путем отнесения к структуре Министерства юстиции ПМР, что негативно отразилось на централизации архивного дела в Приднестровье, так как сопровождалось потерей прямых контактов с источниками комплектования АФ ПМР, вынуждало к применению обмена информацией (документацией) во исполнение функций управления формирования и комплектования АФ ПМР через высшие органы ветвей власти, а также сопровождалось распадом соподчиненной системы архивных органов. Так, Государственное учреждение «Центральный архив ПМР» был выведен из подчинения ГСУДА ПМР и переподчинен непосредственно Аппарату Министерства юстиции ПМР. Ситуация выпрямилась в 2017 г., когда ГСУДА ПМР вновь обрела независимый статус самостоятельного ведомства (на правах министерства) с отнесением к исполнительной ветви власти и подчинением непосредственно Президенту ПМР [Мокан, Тодорашко 2021, с. 25–28].

Эволюция статуса органа госвласти в сфере документационного обеспечения, управления документацией и архивного дела, контролю (надзору) в области архивного дела и управления документацией в ПМР убедительно показывает необходимость сохранения высокого уровня компетенции с отнесением к высшему руководству республики в целях обеспечения централизации архивной отрасли и своевременного и полноценного комплектования Архивного фонда страны.

В силу своей актуальности в процессе создания государственности, что называется «с нуля», в основные функции центрального органа управления архивным делом республики были заложены изначально два направления деятельности: управление документацией и архивами.

При этом управление документацией следует понимать как установление общих правовых и нормативно-методических основ по работе со всеми комплексами и видами документов (документированной информации) на всех видах носителей в процессе документирования деятельности, прежде всего в сфере документационного обеспечения управления и контроля (надзора) за состоянием исполнения архивного законодательства гражданами и юридическими лицами всех форм собственности на территории государства.

Управление архивами понимается как установление общих правовых и нормативно-методических основ по работе с архивами и архивными документами на всех видах носителей, организации их хранения, сохранности и использования, осуществление контроля (надзора) за состоянием исполнения архивного законодательства гражданами и юридическими лицами всех форм собственности на территории государства.

Логика сохранения и сплетения двух функций по управлению документацией и архивами базируется на принципе преемственности организации документального и архивного фондов. С советских времен этот принцип закладывался в организацию Архивного фонда государства, а также в информационно-поисковую и справочную систему госархивов. Это требование служит полноте и всесторонности формирования АФ государства, базируется на принципе происхождения.

Обозначение основных функций в названии органа государственной власти, в ведении которого находятся вопросы архивного дела и управления документацией – это принципиальное видение основных задач, определяемых государством перед органом государственной власти и архивной системой республики, решение которых необходимо осуществлять в современном информационном обществе. Другими словами, в каждом государстве должен

быть создан госорган, отвечающий за централизованное управление документацией и особенно документационным обеспечением управления. Вопрос централизации управления документацией крайне актуален в связи с цифровизацией госуправления. Определение единых нормативно-правовых и нормативно-методических основ для создания государственных информационных систем по работе с электронными документами и электронного документооборота в системе госаппарата – насущная проблема для всех государств мира.

Приднестровье решило проблему централизации управления документационным обеспечением управления изначально, сохранив единую нормативно-методическую основу в виде Государственной системы документационного обеспечения управления, разработанной в СССР в 1990 г., введя в действие с 1995 г., переработав ее дважды и применяемую до настоящего времени⁷.

Особенность организации архивного дела с осуществлением функции централизованного управления документацией, насколько известно, впервые и на сегодняшний день применима только в Приднестровской Молдавской Республике.

Также в ПМР, соблюдая традиции отечественного архивоведения, контрольно-надзорные функции изначально закреплялись за органами государственной власти и управления в сфере архивного дела и управления документацией. Согласно Закону государственный контроль (надзор) за исполнением органами системы архивной отрасли Приднестровской Молдавской Республики, органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями всех форм собственности, а также гражданами обязанностей по формированию, комплектованию, организации хранения, учету и использованию документов Архивного фонда Приднестровской Молдавской Республики, ведению делопроизводства, соблюдению установленных норм и принципов работы с документами возлагаются на орган государственной власти и территориальные уполномоченные органы, в ведении которых находятся вопросы архивного дела и управления документацией, в порядке, определенном законодательными актами Приднестровской Молдавской Республики. Организация и осуществление государственного контроля (надзора) за выполнением требований законодательства Приднестровской Молдавской Республики в области архивного дела и управления документацией осуществляется путем проведения инспекторских

⁷ Государственная система документационного обеспечения управления // Сборник актов законодательства ПМР. Тирасполь, 2008. № 14. С. 3236–3270.

проверок⁸. Осуществление государственного контроля (надзора) за выполнением требований законодательства Приднестровской Молдавской Республики в области архивного дела и управления документацией осуществляется ГСУДА ПМР централизовано на единой основе общегосударственных контрольно-надзорных мероприятий, организуемых государственной налоговой службой Министерства финансов ПМР.

Систему органов архивной отрасли Приднестровской Молдавской Республики составляют:

- а) орган государственной власти, в ведении которого находятся вопросы архивного дела и управления документацией в Приднестровской Молдавской Республике – Государственная служба управления документацией и архивами ПМР;
- б) территориальные уполномоченные органы, в ведении которых находятся вопросы архивного дела и управления документацией – 7;
- в) центральные государственные архивы Приднестровской Молдавской Республики – 2;
- г) государственные архивы районов и городов Приднестровской Молдавской Республики – 7;
- д) межведомственные архивы по личному составу районов и городов Приднестровской Молдавской Республики – 7;
- е) межведомственные архивы по личному составу администраций сел и поселков – 26;
- ж) ведомственные архивы органов государственной власти, органов местного самоуправления;
- з) ведомственные архивы организаций всех форм собственности.

Вопросы, отнесенные к ведению органов архивной отрасли, определяются Президентом Приднестровской Молдавской Республики, в установленном законом порядке⁹.

В целях обеспечения социальных прав граждан при проведении разгосударствлении и приватизации государственной собственности в 1999 году в Приднестровье была создана совершенно новая модель организации государственного архивохранения для документов, не относящихся к составу АФ государства, со сроком хранения 75 лет – межведомственные архивы по личному составу при госархивах районов и городов, а также при администрациях сел и поселков – как низовое звено государственных архивохранилищ. Всего создано 33 государственных хранилища [Тодорашко 2010, с. 33–47].

⁸ Закон ПМР № 651-3-IV от 16 января 2009 г. «Об архивном деле Приднестровской Молдавской Республики». Ст. 13 // Сборник актов законодательства ПМР. Тирасполь, 2009. № 3. С. 840–857.

⁹ Там же. Ст. 4.

Сеть государственных госархивов ПМР состоит из двух центральных (ЦГА ПМР, ЦГА технотронной документации ПМР) и семи районных и городских госархива. Согласно советской системе организации госархивов, местные архивы городов и районов носят профиль переменных. В Приднестровье с 1993 г. профиль госархивов районов и городов был изменен на постоянный, т. е. обладающие правом постоянного хранения документов АФ ПМР¹⁰. Со временем стало ясно, что создать оптимальные условия постоянного хранения документов АФ ПМР в каждом районном и городском госархиве, фактически невозможно в силу различных причин, главные из которых отсутствие достаточных средств и архивных площадей. Готовится решение об изменении профиля и возвращении к прежней системе организации госархивов, а именно сохранение постоянного профиля только за центральными госархивами ПМР.

Кроме того, в силу небольшой территории республики, с целью рационального управления кадрами и экономии бюджетных средств, два центральных госархива республики вошли в состав ГСУДА ПМР на правах структурных подразделений, наделенных частично функциями юридического лица, с правом использования гербового бланка и гербовой печати госархива.

Основные принципы формирования АФ ПМР составляют историзм, всесторонность, комплексность и политическая нейтральность (как отрицание принципа партийности).

Технология архивного дела остается фактически неизменной. Преемственность и консерватизм правил работы госархивов в области фондирования, описания, составление научно-справочного аппарата и др. обеспечивает стабильность архивной работы, претерпевающей изменения только в случаях работы с документами на цифровых носителях, и то фактически, связанных с особенностями носителя. Наибольшие проблемы становления и развития архивов Приднестровья связаны с современной системой цифровизации общества и государства. Приднестровье справляется с вызовами информатизации, однако отсутствие ресурсов оказывается на положении дел. Основная проблема – отсутствие государственной информационной системы архивохранения электронных документов (ГИС АХЭД), которую пытаются решить в Приднестровье уже третий год.

Основная классификационная единица АФ ПМР – архивный фонд, базирующаяся на принципе происхождения. Архивные

¹⁰ Постановление Верховного Совета ПМР № 371 от 20 июля 1993 г. «О введении в действие Закона ПМР “Об архивном фонде ПМР”». Тирасполь, 1993. С. 1.

коллекции фактически в Архивном фонде ПМР отсутствуют, и тенденция к изменению системы фондирования и организации АФ ПМР не прослеживается.

По-прежнему актуален принцип недробимости архивного фонда. Принцип недробимости сохраняется при фондировании АФ ПМР, но сталкивается с обстоятельствами раздела архивного наследия в процессе разделения территории районов бывшей Советской Молдавии на две юрисдикции государственных образований: Республика Молдова и Приднестровье.

Архивы Приднестровья находятся на службе у государства (на службе Отечеству), так как сеть государственных центральных, территориальных и местных архивных органов вошли в состав государственной архивной службы ПМР, которая, в свою очередь, является составной частью государственной гражданской службы. Весь кадровый состав государственной архивной службы ПМР отнесен к составу государственной гражданской службы и находится в статусе государственных служащих.

Заключение

В целом организация архивного дела и Архивного фонда ПМР соответствует организации отечественного архивоведения и системе Российской Федерации. С 2007 г. Приднестровье находится в процессе гармонизации с Россией. Архивы Приднестровья широко используют нормативно-правовые и методические разработки российских архивистов, при этом сохраняя свою особенность.

Литература

Мокан, Тодорашко 2021 – *Мокан Т.А., Тодорашко З.Г.* Архивная отрасль в системе органов власти и управления ПМР // Общественная мысль Приднестровья. Вып. 4. Тирасполь, 2021. С. 25–28.

Тодорашко 2010 – *Тодорашко З.Г.* История и организация архивной отрасли ПМР // Государственная служба управления документацией и архивами ПМР: первые двадцать лет / отв. ред. З.Г. Тодорашко. Тирасполь, 2010. С. 33–47.

Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. 808 с.

References

- Mokan, T.A and Todorashko, Z.G. (2021), "Archives administration in the system of government and administration of the Pridnestrovian (Transnistrian) Moldavian Republic", *Obshchestvennaya mysль Pridnestrov'ya*, iss. 4, pp. 25–28.
- Todorashko, Z.G. (2010), "History and creation of archives administration in the Pridnestrovian Moldavian Republic", in Todorashko, Z.G., ed., *Gosudarstvennaya sluzhba upravleniya dokumentatsiei i arkhivami PMR: pervye dvadtsat' let* [State service for the management of documentation and archives: the first 20 years], Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic, pp. 33–47.
- Khorkhordin, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Personal archives in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Зинаида Г. Тодорашко, кандидат исторических наук, Государственная служба управления документацией и архивами Приднестровской Молдавской Республики, Тирасполь, Приднепровская Молдавская Республика; MD-3300, Приднепровская Молдавская Республика, Тирасполь, ул. Юности, д. 58/3; office@gsuda.gospmr.org

ORCID ID: 0009-0008-4235-9173

Information about the author

Zinaida G. Todorashko, Cand. of Sci. (History), State Service for the Management of Documentation and Archives of the Pridnestrovian Moldavian Republic, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic; 58/3, Yunost' St., Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic, MD-3300; office@gsuda.gospmr.org

ORCID ID: 0009-0008-4235-9173

В фондах отечественных и зарубежных архивов

УДК 930.25(470.44)
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-195-209

Плакаты и лозунги Великой Отечественной войны в фондах Государственного архива Саратовской области

Сергей А. Кочуков

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Ольга В. Кочукова

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, kochukovasgu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию агитационных плакатов, созданных в период Великой Отечественной войны и хранящихся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО). В ней рассматривается значение этих визуальных источников для изучения формирования исторической памяти и социально-политического сознания в советском обществе. Авторы отмечают, что плакаты того времени, помимо выполнения агитационных функций, играли важную роль в актуализации культурной памяти и укреплении национального самосознания, использовали образы и символы русского исторического наследия. Кроме того, авторы акцентируют внимание на необходимости тщательного исследования архивных коллекций, которые содержат разнообразные материалы, включая плакаты, лозунги и другие визуальные источники. В статье содержится краткий анализ методологии исследования проблем, с которыми сталкиваются историки при выявлении и классификации советских агитационных плакатов, с учетом междисциплинарного подхода к их исследованию.

В статье выявляется значимость агитационного искусства как инструмента формирования общественного сознания, а также подчеркивается необходимость его использования не только в качестве иллюстративного материала, но и как самостоятельного исследовательского объекта. Авторы формулируют вывод о том, что плакатное искусство являлось важным

© Кочуков С.А., Кочукова О.В., 2025

ISSN 2658-6541 • История и архивы. 2025. Т. 7. № 3

элементом в сохранении исторической памяти и культурной идентичности народа и способствовало сплочению советского общества в годы войны. Приводимые примеры плакатов иллюстрируют их художественную ценность и влияние на моральный дух граждан во время конфликта, а также демонстрируют связь между исторической и культурной памятью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., визуальные исторические источники, агитационный плакат, плакатное искусство, Государственный архив Саратовской области

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2025 г.;

принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Кочуков С.А., Кочукова О.В. Плакаты и лозунги Великой Отечественной войны в фондах Государственного архива Саратовской области // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 195–209.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-195-209

Posters and slogans of the Great Patriotic War in the funds of the State Archives of the Saratov region

Sergei A. Kochukov

*State Archives of the Saratov region,
Saratov, Russia, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Olga V. Kochukova

*Saratov State University,
Saratov, Russia, kochukovasgu@mail.ru*

Abstract. The article deals with the study of the propaganda posters created during the Great Patriotic War and kept in the State Archives of the Saratov Region. The paper considers the importance of those visual sources for studying the formation of historical memory and socio-political consciousness in Soviet society. The authors note that the posters of that time, in addition to performing propaganda functions, played an important role in updating cultural memory and strengthening national identity, using the images and symbols of the Russian historical heritage. Besides, the authors emphasize the need for a thorough study of the archival collections that contain a variety of materials, including posters, slogans and other visual sources. The article incorporates a brief analysis of the methodology for studying the issues that historians face in identifying and classifying the Soviet propaganda posters, taking into account the interdisciplinary approach to their study. The paper reveals the importance of the propaganda art as a tool for shaping public

consciousness, and emphasizes the need to use it not only as illustrative material, but also as an individual research object. The authors conclude that the poster art was an important element in preserving the historical memory and cultural identity of the people and contributed to the cohesion of Soviet society during the war. The examples of the provided posters illustrate their artistic value and their impact on the morale of the citizens during the conflict, and demonstrate the connection between historical and cultural memory.

Keywords: Great Patriotic War 1941–1945, visual historical sources, propaganda poster, poster art, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted for publication 13.04.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Kochukov, S.A. and Kochukova, O.V. (2025), "Posters and slogans of the Great Patriotic War in the funds of the State Archives of the Saratov region", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, p. 195–209, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-195-209

Введение

Вопросы собирания, сохранения, научного анализа и популяризации историко-документального наследия Великой Отечественной войны занимают важное место в отечественной исторической науке, а также имеют особую значимость в области историко-архивоведения. Публикация архивных документов представляет собой ключевой элемент в процессе формирования общественного сознания и исторической памяти российского общества. В связи с этим возникает необходимость в расширении источников базы и повышении методологического уровня научных исследований [Афиани 2020, с. 138].

Современные историки подчеркивают наличие множества сложностей при выявлении документов, которые могут быть вызваны, среди прочего, отсутствием в архивах и музеях специальных собраний и коллекций, посвященных непосредственно периоду Великой Отечественной войны [Хорхордина 2020, с. 78–79]. При этом для всестороннего изучения истории войны и понимания атмосферы военного времени необходимы не только письменные исторические свидетельства, но и визуальные источники, кино- и фонодокументы. По справедливому замечанию М.Ю. Лаврентьева, вызывает сожаление, что зачастую последние используются лишь в качестве иллюстративного материала, что ограничивает выявление их потенциала как самостоятельного источника информации [Лаврентьев 2020, с. 150].

Значительный интерес как в плане выявления архивного документального наследия, так и в связи с возможностями применения междисциплинарности его исторического исследования, представляет советский агитационный плакат времени Великой Отечественной войны. Историки, обратившиеся к изучению плакатов 1941–1945 гг., уже обозначили проблематику исследовательского поля, включающую определение тематики агитационного плаката военного времени [Демосфенова 1962; Зыков 2022]; его социально-политических функций [Филиппова 2023]; области семиотических значений [Федосов 2015; Афонский 2016]. Многие исследователи предлагают различные способы источниковедческой классификации плакатов. Так, Н.П. Зыков в качестве критерия классификации видит направленность на адресную аудиторию (плакаты для тружеников тыла, воинов фронта, вступающих в ополчение, советских женщин и др.) и содержание написанного на плакате текстового «призыва» (к защите города, самоотверженному труду, помощи фронту, приложению всех усилий для победы и т. д.) [Зыков 2022, с. 65]. Е.А. Федосов и К.А. Конев предлагают более стройную классификацию, выделяющую во всей массе плакатов военного времени пропагандистские (с иллюстративно-повествовательным компонентом) и собственно агитационные (с более обобщенным текстом и лаконичным лозунгом, содержащим собственно призыв), в то же время отмечая существенное различие плакатов героических и сатирических (наследующих приемы политической карикатуры и посвященных сатирическому поражению образа врага) [Федосов, Конев 2015, с. 192]. При этом в определении источниковедческой специфики плакатов отмечена их принадлежность к так называемым «креолизованным текстам», т. е. «семиотически обогащенным», состоящим из двух частей – вербальной и невербальной (визуальной) [Федосов 2015, с. 30].

Выпуск агитационной литературы, и в том числе плакатов, в период Великой Отечественной войны осуществлялся во всех крупных городах Советского Союза; соответственно, эти исторические источники (наряду с материалами местной прессы, на страницах которой публиковались многие плакаты и карикатуры) сохранились в фондах различных региональных архивов, музеев, библиотек. Их выявление, описание, систематизация, каталогизация и историческое изучение является актуальной исследовательской задачей. Можно привести довольно удачные примеры обращения исследовательского внимания к обозначенной задаче, среди которых выделяется опыт изучения Л.О. Кузнецовой плакатов и афиш Великой Отечественной войны в фондах Национального архива Республики Татарстан [Кузнецова 2005].

В задачи настоящей статьи входит выявление плакатов и лозунгов Великой Отечественной войны в составе архивной коллекции Государственного архива Саратовской области (ГАСО); их классификация; изучение сюжетно-тематического содержания и семиотической нагрузки с целью определения исторических истоков культурной памяти в образах и символах плакатного искусства периода Великой Отечественной войны.

Плакаты и лозунги Великой Отечественной войны в составе архивной коллекции ГАСО

В фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) плакаты и лозунги периода Великой Отечественной войны находятся главным образом в составе «Архивной коллекции листовок и прокламаций политических партий и других организаций периода борьбы с царским самодержавием, установления и упрочнения Советской власти в России»¹. Данная архивная коллекция была создана в областном государственном архиве в 1984 г. и пополнялась из различных источников. Тогда же, в 1984 г., была составлена опись документов, вошедших в коллекцию, хронологически охватывающая период с 1864 по 1944 г. и насчитывающая 8452 дела. Поиск необходимых документов по этой описи затруднялся из-за таких недостатков, как отсутствие датировки на многих единицах хранения, отсутствие систематизации в описи по какому-либо признаку, глухие заголовки, не раскрывающие авторство листовок и плакатов, их содержание, наличие множества единиц хранения, имеющих зачастую различные аннотации в заголовках, нарушение хронологии и т. д. Учитывая огромное количество дел коллекции листовок и прокламаций, содержательно относящихся к различным историческим событиям довольно большого хронологического периода, пользование описью такого качества для поиска нужной информации было затруднительно, и поэтому в 1994 г. при передаче коллекции из книгохранилища, где она ранее находилась, в архивохранилище, встал вопрос о переработке данной описи. Целью переработки являлось прежде всего упорядочение собранного массива документов путем их систематизации, объединения по мере возможности всех дуплетных экземпляров в одно дело, а также установление и уточнение всех не выявленных ранее элементов аннотации (авторство, дата и место издания листовок). В результате в 1996 г. была создана новая опись коллекции визуальных

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1280. Оп. 1. Д. 7303–7418.

источников за 1864–1956 гг. Объем дел уменьшился за счет объединения дуплетных экземпляров одних и тех же единиц хранения.

Плакаты периода Великой Отечественной войны, хранящиеся в ГАСО, и выявленные в составе указанной коллекции листовок и прокламаций, можно разделить на две группы:

- 1) иллюстрированные плакаты;
- 2) текстовые плакаты-лозунги.

Как правило, иллюстрированные плакаты и лозунги выставлялись в «Агит-Окнах». В начале «Агит-Окно» в Саратове было лишь одно, в витрине Дома книги. Затем, начиная с пятого номера, «Агит-Окно» было уже в 12 экземплярах и его можно было увидеть в 34 пунктах города. К концу 1941 г. в связи с возраставшим спросом на «Агит-Окно», его тираж увеличился до 200 экземпляров. По свидетельству современников, в «Агит-Окнах» кистью и пером остро, сатирически высмеивались идейное убожество и моральная дикость фашистских варваров, вскрывалось их звериное нутро. Стихи и рисунки призывали к мобилизации всех сил для сокрушительного разгрома жестокого врага².

Несмотря на то что иллюстрированных плакатов сохранилось в ГАСО немного, тем не менее они довольно интересны, содержательны и выполнены на хорошем художественном уровне. Сюжеты и образы иллюстрированных плакатов были подобраны исключительно грамотно с точки зрения их агитационного потенциала и аккумуляции символов национальной исторической памяти. Хотелось бы обратить особое внимание именно на последнее обстоятельство, позволяющее проследить историческую преемственность визуальных образов, использованных в плакатах.

*Исторические источники культурной памяти
в образах и символах плакатного искусства
периода Великой Отечественной войны*

Плакаты времени Великой Отечественной войны, среди которых были такие знаменитые, как «Родина-мать зовет» И.М. Тоидзе, давно стали важной частью нашей исторической памяти. Для современников они являлись наглядным и убедительным образом, утверждавшим их в вере в неизбежность близкой Победы и полного разгрома фашизма. Потенциал визуальной пропаганды, заключенный в плакатном искусстве, был использован советскими художниками во всей своей мощи, направленной в том числе на сокрушение пропагандистской машины фашистской Германии, обнаружившей

² Коммунист. 1941. 12 сент.

несостоятельность жанра оккупационной агитации, представленной листовками и плакатами [Бормотова 2011, с. 249–250]. Важно при этом то, что историческое превосходство советской визуальной агитации объяснялось не только масштабной и хорошо организованной идеологической работой с массами, но и полным совпадением именно в годы Великой Отечественной войны поставленной главной цели – победы над врагом – с искренними настроениями советского народа [Шлык 2015, с. 37].

Фактором, значительно усилившим функциональную эффективность и эмоционально-психологическое воздействие советского военного плаката, стало обращение его создателей к образам и символам русского национального сознания, к историческим истокам общенациональной культурной памяти. По точной формулировке исследователя плакатов Е.А. Федосова, в период Великой Отечественной войны «интернационализм как ключевая ценность советской идеологии 1920–1930-х гг., направленная на обеспечение классовой солидарности и единства многочисленных народов СССР, был трансформирован и дополнен национально-историческими категориями» [Федосов 2015, с. 29]. Интенсивная актуализация исторической памяти народа происходила в разных направлениях и включала задействование темы о преемственности исторических побед русского оружия, обращение к универсальным образам-архетипам Отечества, Родины-матери, Девы-воительницы, Героя-освободителя [Афонский 2016, с. 159–161], творческую переработку сюжетов и образно-символического пространства визуальной пропаганды дореволюционной России, которые были известны и доступны советским художникам как факты истории графики, плакатного искусства, политической карикатуры.

Так, примером является плакат художника К. Частова «Теплые вещи бойцам Красной Армии»³. Визуальный источник датируется 27 ноября 1941 г., т. е. он создан в период Московской битвы, один из кульминационных моментов Великой Отечественной войны. Тираж плаката 20 тыс. экземпляров. На красном фоне изображена женщина, которая выкладывает перед собой ушанки, варежки и валенки, т.е. все, что необходимо солдатам в зимних условиях. В верхней части агитационного плаката показаны бойцы Красной армии в зимнем обмундировании, которые при поддержке танков и самолетов идут в атаку, а немецкие позиции «украшают» огромные разрывы от снарядов и мин; пехота противника с поднятыми руками задается в плен. Эта верхняя часть плаката, изображающая бой, как бы дает понять, что одна из причин удачного ведения военных действий это наличие зимнего обмундирования, благодаря чему

³ ГАСО. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 7310. Л. 1.

советским бойцам не так холодно лежать на снегу и идти в атаку под пронизывающим морозным ветром. Подобная тема встречается часто, достаточно посмотреть на названия плакатов: «Дадим теплые вещи для бойцов Красной армии», «Теплее оденем бойцов Красной армии», «Сдал ли ты теплые вещи и белье для Красной Армии?», «Изготовим и сдадим теплые вещи фронту» и т. д. Помимо схожих текстовых сопровождений (лозунгов), и сами изображения были идентичными. Обязательно доминировал красный цвет, а главным персонажем была женщина, передающая теплые вещи фронту.

Отметим, что обращение к гражданской позиции мирного населения с помощью визуальной агитации благотворительных акций в помощь фронту было непременным сопровождением военных периодов отечественной истории. Еще в преддверии Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в прессе публиковались гравюры, изображавшие русских женщин, занятых подготовкой обмундирования, что хорошо иллюстрирует рисунок С. Шамота «Прием и упаковывание вещей в обществе Красного Креста», опубликованный в журнале «Всемирная иллюстрация»⁴. Совершенно очевидно, что советские художники прекрасно знали тематику визуальных образов в дореволюционном искусстве, учитывали общую тенденцию актуализации исторической памяти русского народа и творчески применяли прежде наработанные приемы агитации средствами живописи и графики.

Ярким примером является плакат художника И. Аввакумова «Смерть немецко-фашистским захватчикам», хранящийся в архивной коллекции ГАСО⁵. На эстампе представлено динамическое столкновение двух сил, соответственно переданных в светлом и черном цвете. Советский солдат с винтовкой и красным знаменем со звездой и надписью «Гвардейский полк» попирает убитого гитлеровца. Все элементы, создающие и дополняющие образ воина-освободителя, совершающего историческое возмездие над фашистским оккупантом, включая даже военную технику, показаны в светлых тонах. Они олицетворяют силы добра и справедливости, противопоставленные образу поверженного немецкого солдата, символически-собирательного образа темных сил исторического процесса. Нельзя не отметить смысловую близость образа советского солдата с выброшенным вперед красным знаменем с изображениями русского воина со знаменем в гравюрах и плакатах имперского периода российской истории. Преемственность национальной исторической памяти в данном случае восходила к изображениям русского витязя на гравюре М.О. Микешина 1877 г. «Благослови меч сей»

⁴ Всемирная иллюстрация. 1876. Т. 16. № 25 (415).

⁵ ГАСО. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 7340. Л. 1.

и к целому ряду изображений воина Первой мировой войны. Так, на рисунке «Взятие Львова» русский офицер, вооруженный саблей и держащий в руке знамя, ведет своих солдат в атаку на позиции австро-венгров; этот же образ офицера со знаменем, увлекающим солдат в атаку, представлен на плакате «Геройский подвиг полковника Комарова».

В фондах ГАСО сохранился патриотический плакат, который через исторические параллели укреплял решимость советских граждан в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Это черно-белый плакат саратовского художника Ф.Э. Зaborовского «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет»⁶. Зaborовский еще в начале войны изъявил желание добровольцем пойти на фронт, но, получив отказ, работал в Саратове, создавая патриотические плакаты «Агит-Окна». Данный плакат датируется 1942 годом. Художнику удалось провести историческую параллель между Ледовым побоищем 1242 г. и событиями на фронтах Великой Отечественной войны в 1942 г. Текст-лозунг, который присутствует на плакате «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля» обладал на тот момент большой актуальностью и популярностью. Вообще на советских плакатах достаточно часто изображали воинов в старинных доспехах. Это характерно еще и для Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и для Первой мировой войны, где русский воин, облеченный в старинные доспехи, готовится на бой с врагом. И в данном случае советский воин обначен в кольчугу и конусный шлем, а в качестве оружия использует обоядоострый меч. Враг тот же самый, немец, и параллель составляли рыцарь времени Александра Невского и фашистский солдат. Для большей ясности на шлеме русского воина на месте, где крепилась, как правило, небольшая иконка, находится красная звезда, а на щите немецкого воина показана фашистская свастика. Тема Ледового побоища 1242 г., включавшая слова, приписываемые Александру Невскому и образ русского средневекового воина, уничтожающего немецкого захватчика, была очень распространенной в различных агитационных плакатах периода Великой Отечественной войны. Исторические параллели стали эффективным и популярным приемом художников и мастеров слова, задействованных в плакатном искусстве, который позволял наглядно и убедительно демонстрировать неизбежный крах попыток агрессоров всех времен совершил Drank nach Osten [Филиппова 2025].

Саратовские художники, создававшие патриотические плакаты, в целом часто использовали сюжеты, которые были характерны для изображений до 1917 г., и в этом отношении особенно показательны

⁶ Там же. Д. 7310. Л. 2.

плакаты художника Б.П. Боброва. Несомненно, что он был знаком с сатирическими эстампами периодических изданий начала XX в. Примером может служить плакат Б.П. Боброва «Дни гитлеровского режима сочтены»⁷. На нем изображен воин Красной Армии богатырского телосложения, держащий в руках отвратительный и ничтожный персонаж, лишенный каких-либо истинно человеческих характеристик и напоминающий скорее крысу – Гитлера, у которого руки в крови. Образ главы Германии не вызывает ничего, кроме омерзения. Зубы у Гитлера перевязаны платком, что символизирует разгром его орд под Москвой, где немецкая армия впервые «получила по зубам». Из-за своего малого роста и беспомощности он ничего кроме угроз не может сделать. Скорее всего, саратовский художник испытал влияние сатирических рисунков времени Русско-японской войны 1904–1905 гг., опубликованных в популярном дореволюционном журнале-еженедельнике «Будильник». Именно там в 1904 г. была помещена карикатура «Завтрак казака». На рисунке Россия показана в образе бородатого казака, который держит своего противника-японца одной рукой и готовится его проглотить, а японский вояка гротескно маленького роста. Вообще в русской прессе тогда очень часто обыгрывалась мысль, что Япония – маленькое государство, а следовательно, и ее армия слаба. Поэтому и присутствовала такая диспропорция в росте главных персонажей. Контраст персонажей на плакате саратовского художника имел другой смысл противопоставления исторических сил (фашизма и его победителя – советского народа); чем и объясняется гораздо более благородный образ советского солдата (в сравнении с казаком, заготовившим японца себе на завтрак). Воин Красной армии совершает историческое возмездие, а не бахвалится силой. Плакаты с подобной тематикой использовались и в саратовской прессе. В частности один из номеров газеты «Коммунист» за 1945 г. открывался плакатом, где советский солдат с цифрой «1945» год на груди держит за шкирку гнуснейшее существо, похожее на Гитлера, а у ног советского воина изображена поверженная Германия⁸.

Текстовые плакаты-лозунги

Текстовые плакаты представлены в ГАСО более масштабно. Всего в архивной коллекции содержится 28 подобных плакатов и хронологически затрагивают 1941–1944 гг. Тираж подобной агитационной продукции колебался от 3 до 20 тыс. экземпляров. Это

⁷ Там же. Д. 7314. Л. 1.

⁸ Коммунист. 1945. 1 янв.

давало возможность правильно ориентировать массы для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Внешне это были небольшие куски писчей бумаги размером 50 на 15 см, сам текст, как правило, печатался красной или синей краской, хотя в единичных случаях встречались зеленый и черный цвет. Больше всего текстовых плакатов приходится на 1942 г. Если в 1941 г. их было 7, а в 1943 – 9, то в 1942 г. – 10.

Может показаться, что тематика такого агитационного источника как плакат-лозунг всегда одна и та же. Но это лишь на первый взгляд. В 1941 г. авторы плакатов-лозунгов основной упор делали на единение армии и тыла, подчеркивая, что главное на данный момент – это помочь Красной армии со стороны тыла. Примером являются плакаты: «Усиленной работой всех предприятий укрепим тыл Красной армии, поможем фронту!»⁹, «Боритесь со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов!»¹⁰ и т. д. Подобные лозунги были типичны для того времени, так как в Саратовскую область была эвакуирована часть предприятий, и мобилизация всех ресурсов, в том числе и людских, была совершенно необходима¹¹.

По мере того как ситуация на фронтах осложнялась, появлялись плакаты, призывающие создавать народное ополчение. И хотя в 1941 г. немецко-фашистские войска не дошли до Саратовской области, плакаты подобного содержания были. Плакат-лозунг от 11 июля 1941 г. призывал: «Создадим мощное народное ополчение на поддержку Красной армии»¹².

Очень часто на плакатах использовались цитаты И.В. Сталина. Обилие подобных плакатов приходится на декабрь 1941 г., когда немецким войскам был нанесен серьезный урон под Москвой. Плакаты, сохранившиеся в фондах ГАСО, содержат сталинские цитаты: «Да здравствует наша славная Родина, ее свобода и независимость»¹³, «Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?»¹⁴.

Часто текстовые плакаты сопровождали иллюстрированную агитацию. Примером этого являются плакаты саратовских художников Ф. Зaborовского «Не забудем! Не простим!», П. Денисова «Убей его!». Их главными персонажами являются женщины. Рядом с такими плакатами, как правило, помещались текстовые

⁹ ГАСО. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 7305. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 7306. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. Р-1657. Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

¹² Там же. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 7307. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 7309. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 7314. Л. 1.

плакаты-лозунги: «Женщины! Матери, жены и сестры! Немецкий фашизм – злейший враг женщин всего мира!»¹⁵, а известный плакат художника Ф.Э. Заборовского «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет» сопровождал текстовый плакат-лозунг «Вперед на Запад, богатыри советской земли»¹⁶.

Текстовые плакаты 1942–1944 гг., хранящиеся в ГАСО, несильно меняют свою направленность по сравнению с 1941 г. Помимо агитационных плакатов-лозунгов, посвященных Красной армии и деятельности тыловой инфраструктуры, появляется еще одно направление – требование мщения и освобождения от фашизма не только народов СССР, но и Европы. Лозунги призывают: «Необходимо сокрушить военную мощь фашистских захватчиков»¹⁷, «Смерть немецким мерзавцам»¹⁸, «Смерть немецко-фашистским захватчикам, кровавым поработителям народов Европы...»¹⁹. Причем все эти документы датируются 1943 г., когда освобождение Европы от фашизма только планировалось. Кроме того, в 1943 г. появляются плакаты, которые по своему содержанию более характерны для предвоенного времени. Достаточно посмотреть на названия подобных документов: «Командиры и политработники запасных частей! Обучайте бойцов тому, что нужно в бою»²⁰ или «Товарищи красноармейцы! На боевую учебу и закалку не жалейте ни времени, ни сил»²¹. По всей видимости, авторы подобных лозунгов с одной стороны, старались вспомнить агитационную составляющую 30-х годов XX в., с другой – в этих лозунгах прямо угадывается отсылка к суворовским принципам ведения боя. Уже в 1941 г. книга А.В. Суворова пережила несколько переизданий и стала культивироваться в частях Красной армии.

Заключение

Анализ содержания плакатов и лозунгов в фондах Государственного архива Саратовской области, их сложетов и образов, примененных в них средств визуальной агитации, приводит к выводу о том, что этот пласт исторических свидетельств эпохи Великой Отечественной войны достоин отдельного исследовательского

¹⁵ Там же. Д. 7312. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 7324. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 7323. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 7330. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 7332. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 7325. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 7326. Л. 1.

внимания и имеет важное значение в сохранении исторической памяти. Плакатное искусство визуализировало идеиное и социально-политическое пространство сюжетов, тем и образов, служивших основой сплочения советского народа в борьбе с фашизмом, содействовало актуализации исторического наследия культурной памяти и национального самосознания, укрепляло чувство сопричастности человека с прошлым и настоящим Родины.

Литература

- Афиани 2020 – *Афиани В.Ю.* Архивы и Великая Отечественная война в современном информационном пространстве: публикация документов на сайте Федерального архивного агентства и портале «Архивы России» // История и архивы. 2020. № 4. С. 115–139.
- Афонский 2016 – *Афонский С.А.* Наличие и характер архетипов в искусстве русского плаката, созданного в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Российской экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2016. № 3. С. 159–169.
- Бормотова 2011 – *Бормотова А.Р.* Спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны: листовки, плакаты, брошиоры (по материалам Курской области) // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2011. Т. 2. № 3. С. 249–252. URL: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/21> (дата обращения: 30.04.2025).
- Демосфенова 1962 – *Демосфенова Г.Л.* Советский политический плакат. М., 1962. 444 с.
- Зыков 2022 – *Зыков Н.П.* Советские агитационные плакаты во время Великой Отечественной войны // Вестник науки: Международный научный журнал. 2022. Т. 4. № 7 (52). С. 64–71.
- Кузнецова 2005 – *Кузнецова Л.О.* Плакаты и афиши Великой Отечественной войны в фондах Национального архива Республики Татарстан // Эхо веков: Научно-документальный журнал. 2005. № 1. С. 49–52.
- Лаврентьев 2020 – *Лаврентьев М.Ю.* Вторая мировая война в фонодокументах РГАФД // История и архивы. 2020. № 4. С. 149–156.
- Федосов 2015 – *Федосов Е.А.* Национальные категории в советском агитационном плакате периода Великой отечественной войны // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2015. № 4 (36). С. 29–34.
- Федосов, Конев 2015 – *Федосов Е.А., Конев К.А.* Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общнациональный и региональный аспекты // Русин. 2015. № 2 (40). С. 189–208.
- Филиппова 2023 – *Филиппова Т.А.* В «сатирической терминологии» // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2023. № 1. URL: <https://vorontsovoopole.ru/rubriki/karikatur-v-istoriyu/v-satiricheskoy-terminologii> (дата обращения: 12.04.2025).
- Филиппова 2025 – *Филиппова Т.А.* «С Востока свет!»: «Крокодил» в боях с фашизмом // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2025.

- № 1. URL: <https://воронцовополе.рф/rubriki/nashi-pobedy/s-vostoka-svet-krokodil-v-boyakh-s-fashizmom> (дата обращения: 12.04.2025).
- Хорхордина 2020 – Хорхордина Т.И. Историко-документальное наследие Великой Отечественной войны: к истории собирания // История и архивы. 2020. № 4. С. 76–95.
- Шлык 2015 – Шлык Е.В. Пропаганда патриотизма в годы Великой Отечественной войны средствами изобразительного искусства (плакат) // Челябинский гуманитарий. Филологические науки. 2015. № 1 (30). С. 35–40.

References

- Afiani, V.Yu. (2020), “Archives and the Great Patriotic War in the modern information space. Publication of documents on the website of the Federal Archival Agency and the ‘Archives of Russia’ portal”, *History and Archives*, no. 4, pp. 115–139.
- Afonskii, S.A. (2016), “The presence and nature of archetypes in the art of the Russian posters created during the Great Patriotic War of 1941–1945”, *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, no. 3, pp. 159–169.
- Bormotova, A.R. (2011), “Special propaganda during the Great Patriotic War. Leaflets, posters, brochures (based on the materials from the Kursk region)”, *Uchenye zapiski: Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvenogo universiteta*, vol. 2, no. 3, pp. 249–253, available at: <https://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/21> (Accessed 30 Apr. 2025).
- Demosfenova, G.L. (1962), *Sovetskii politicheskii plakat* [Soviet political poster], Moscow, USSR.
- Fedorov, E.A. (2015), “National categories in the Soviet propaganda posters during the Great Patriotic War”, *Tomsk State University Journal of History*, vol. 36, no. 4, pp. 29–34.
- Fedorov, E.A. and Konev, K.A. (2015), “Soviet poster of the Great Patriotic War. National and regional aspects”, *Rusin*, vol. 40, no. 2, pp. 189–208.
- Filippova, T.A. (2025), “‘Light from the East’: ‘Crocodile’ in the battles against fascism”, *Vorontsov pole. Vestnik fonda «Istoriya Otechestva»*, no. 1, available at: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/karikatur-v-istoriyu/v-satiricheskoye-terminologii> (Accessed 12 Apr. 2025).
- Filippova, T.A. (2023), “In ‘satirical terminology’”, *Vorontsov pole. Vestnik fonda «Istoriya Otechestva»*, no. 1, available at: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/karikatur-v-istoriyu/v-satiricheskoye-terminologii> (Accessed 12 Apr. 2025).
- Khorkhordin, T.I. (2020), “Historical and documentary heritage of the Great Patriotic War. Towards the history of the documents collecting”, *History and Archives*, no. 4, pp. 76–95.
- Kuznetsova, L.O. (2005), “Placards and posters of the Great Patriotic War in the collections of the National Archives of the Republic of Tatarstan”, *Echo of centuries: Scientific and Documentary Journal*, no. 1, pp. 49–52.

- Lavrentev, M.Yu. (2020), "World War II in the RSASR phono documents", *History and Archives*, no. 4, pp. 149–156.
- Shlyk, E.V. (2015), "Propaganda of patriotism during the Great Patriotic War by means of fine art (a poster)", *Chelyabinskii gumanitarii. Filologicheskie nauki*, vol. 30, no. 1, pp. 35–40.
- Zykov, N.P. (2022), "Soviet propaganda posters during the Great Patriotic War", *Vestnik nauki: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, vol. 4, no. 7 (52), pp. 64–71.

Информация об авторах

Сергей А. Коцуков, доктор исторических наук, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; kochukovsgu1974@yandex.ru;

ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Ольга В. Коцукова, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; kochukovasgu@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Information about the authors

Sergei A. Kochukov, Dr. of Sci. (History), State Archives of the Saratov region, Saratov, Russia; 15, Kutyakov St., Saratov, Russia, 410012; kochukovsgu1974@yandex.ru;

ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Olga V. Kochukova, Cand. of Sci. (History), Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; kochukovasgu@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Историко-документальное наследие в фондах Российского государственного военного архива

Иван М. Перминов

*Российский государственный военный архив,
Москва, Россия, p3ermnov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается Российский государственный военный архив (РГВА) как бесценный ресурс для изучения военной истории. Архив содержит редкие категории документов, формирующих фактическую базу для исследований, раскрывающие социальный и культурный контекст и позволяющие анализировать военную историографию.

Отдельное внимание уделяется «особо ценным» и уникальным документам Архивного фонда Российской Федерации, хранящимся в основных комплексах архивных фондов РГВА. Подчеркивается влияние этих документов на развитие военной историографии в России, включая обогащение знаний, создание новых научных направлений и поддержку мемориальной работы. В качестве примера приводятся уникальные документы, отражающие жизнь исторических личностей и важные события в истории войны, а также фонды личного происхождения, содержащие сведения о жизни и деятельности отдельных лиц, семей и общественных деятелей.

Отмечается, что архивные материалы не только раскрывают хронологию событий, но и позволяют восстановить историческую правду, что особенно важно в контексте современных попыток ее искажения. В заключении подчеркнута важность защиты исторической правды о Великой Отечественной войне, чему уделяет внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин. Обозначается роль самоотверженного коллектива РГВА в сохранении и передаче исторических знаний, а также важность преемственности поколений архивистов.

Ключевые слова: Российский государственный военный архив, военная история России, уникальные архивные документы, документы личного происхождения, архивный фонд, Великая Отечественная война

Статья поступила в редакцию 1 марта 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

© Перминов И.М., 2025

Для цитирования: Перминов И.М. Историко-документальное наследие в фондах Российского государственного военного архива // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 210–220. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-210-220

Historical and documentary legacy in the holdings of the Russian State Military Archives

Ivan M. Perminov

*Russian State Military Archives,
Moscow, Russia, p3erminov@yandex.ru*

Abstract. The article considers the Russian State Military Archives (RGVA) as an invaluable resource for the study of military history. The Archives keeps rare categories of documents, which form the factual basis for research, reveal the social and cultural context of military events, and enable the analysis of military historiography.

Particular attention is paid to the “especially valuable” and unique documents of the Archival Fund of the Russian Federation, preserved within the RGVA’s main archival collections. The article emphasizes the influence of these documents on the development of military historiography in Russia, including the enrichment of knowledge, the creation of new research directions, and support for memorial work. Unique documents reflecting the lives of historical figures and significant events in the history of warfare are provided as examples, as well as personal collections keeping information about the lives and activities of individuals, families, and public figures.

It is noted that the archival materials not only reveal the chronology of events but also allow for the reconstruction of historical truth, which is particularly important in the context of the contemporary attempts to distort it. In conclusion, the article underscores the importance of protecting the historical truth about the Great Patriotic War, a matter to which the President of the Russian Federation, V.V. Putin, pays special attention. The role of the RGVA’s dedicated staff in preserving and transmitting historical knowledge, as well as the importance of the continuity of generations of archivists, is also highlighted.

Keywords: Russian State Military Archives (RGVA), military history of Russia, unique archival records, personal papers, archival holdings, Great Patriotic War (World War II)

The article was submitted for publication 01.03.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Perminov, I.M. (2025), “Historical and documentary legacy in the holdings of the Russian State Military Archives”, *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 210–220, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-210-220

Введение

Российский государственный военный архив (РГВА) представляет собой важнейшее хранилище историко-документального наследия, которое связано с военной историей России. Архив ведет свою историю с 1920 г., когда был основан как Архив Красной Армии при Военно-исторической комиссии Всероглавштаба. В 1925 г. он стал самостоятельным центральным государственным архивом, пройдя через ряд реорганизаций, включая преобразование в Центральный архив Красной Армии (ЦАКА) в 1933 г. и Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА) в 1941 г. С 1958 г. он носил название Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА). В 1960 г. в его состав вошли документы внутренних и пограничных войск НКВД–МВД СССР. Современное название, Российский государственный военный архив (РГВА), архив получил в 1992 г. В 1999 г. к РГВА был присоединен Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), ранее известный как Особый архив, созданный в 1946 году для хранения фондов иностранного происхождения, вывезенных из Германии и Восточной Европы. Это слияние значительно расширило состав фондов РГВА, включив в него уникальные документы по военной истории, как отечественной, так и зарубежной¹.

Российский государственный военный архив как хранилище исторической памяти

С момента своего создания архив аккумулировал обширный массив документов, охватывающих ключевые военные события. Эти документы в свою очередь разделены на несколько комплексов:

- документы по истории создания и развития советских органов военного управления и Вооруженных Сил СССР (Красной

¹ Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.) / отв. ред. В.П. Тарасов; сост.: В.И. Коротаев, Л.Г. Костарева, И.В. Успенский; археогр. обраб. док.: И.С. Месяц. М.: Фонд «Связь эпох», 2020. С. 9–43.

Армии) периода 1918–1940 гг.² Документы данных фондов охватывают все ключевые аспекты военной истории нашего государства, начиная с первых дней гражданской войны и завершая серединой июня 1941 г.³;

- документы по истории центральных и окружных органов управления, учреждений, соединений и частей белой армии, действовавших на территории России с конца 1917 г. по 1922 г. В числе документов по истории белого движения имеются как материалы, захваченные частями Красной Армии в годы гражданской войны, так и фонды бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, переданные СССР после окончания Великой Отечественной войны. Данный объем документов представляет возможности для всестороннего воссоздания истории белого движения⁴;
- документы управлений, соединений, частей и учреждений войск ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ–МВД СССР периода 1918–2001 гг., среди которых: внутренние, сухопутные, пограничные, конвойные войска, флот, авиация, тыловые части, войска НКВД–МВД СССР по охране железных дорог, по охране предприятий промышленности, инженерно-противохимические части войск МПВО НКВД–МВД СССР и т. д.;
- документы Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР и учреждений его системы (ГУПВИ МВД СССР) периода 1939–1960 гг. Также в РГВА хранятся фильтрационные дела на уроженцев Москвы и Московской области, проходивших проверку после освобождения из фашистского плена и возвращенных с принудительных работ в Германии⁵;

² Центральный государственный архив Советской Армии: путеводитель: В 2 т. / редкол.: Л.В. Двойных, Т.Ф. Каляева, М.В. Стеганцев; сост.: Т.Ф. Каляева (отв. сост.), Н.Н. Волкова, Н.Е. Елисеева [и др.]. Миннеаполис: East View Publications, 1991. Т. 1. 421 с.

³ Центральный государственный архив Советской Армии: путеводитель: В 2 т. / редкол.: Л.В. Двойных, Т.Ф. Каляева, М.В. Стеганцев; сост.: Т.Ф. Каляева (отв. сост.), О.В. Бризицкая, Н.Д. Егоров [и др.]. Миннеаполис: East View Publications, 1993. Т. 2. 531 с.

⁴ Путеводитель по фондам Белой армии / Рос. гос. воен. архив; сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. М.: Русское библиографическое об-во; Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 3–8.

⁵ Указатель фондов иностранного происхождения и Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР Российского государственного военного архива / Федеральная архивная служба России, Российский государственный военный архив; под ред.

- документы личного происхождения советских военных деятелей. РГВА также ведет поиск и прием документов не только видных военных деятелей, но и рядовых бойцов, командиров, партизан, подпольщиков, военных историков, писателей, журналистов, художников и женщин-участниц войны, тем самым формируя ценные коллекции, отражающие многогранные аспекты военной истории;
- документы иностранного происхождения (трофейные)⁶. Комплекс включает в себя как немецкие, так и документы из многих европейских государств конфискованные нацистами при оккупации этих стран, значительная часть этих документов уже передана в страны происхождения, но работа по уточнению государственной принадлежности и возврату документов странам происхождения продолжается, в том числе на основе взаимного обмена архивными документами.

Анализ значимости всех этих документов, их влияния на изучение военной истории и примеры уникальных материалов помогут глубже осознать ценность РГВА как научного и исторического ресурса [Кузленков 2010, с. 64–75].

На сегодняшний день в РГВА 9 документов включены в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации⁷:

В.П. Козлова, В.Н. Кузленкова; сост.: Т.А. Васильева, В.И. Коротаев (отв. сост.), Л.И. Кудрявцева [и др.]. М., 2001. С. 3–12.

⁶ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус: 1914–1920: Документы и материалы: В 2 т. / редкол.: А.Н. Артизов, Ю. Балаж, И.О. Гаркуша [и др.]; сост.: А.Р. Ефименко, К.А. Абрамян, З.С. Ненашева [и др.]; пер.: Н.В. Киселькова, З.С. Ненашева, при участии А.А. Ждановской (пер. с чеш. яз.), Л.М. Гурьянова (пер. с нем. яз.), П.В. Тарутин (пер. с англ. яз.), Л.И. Кудрявцева и Е.Н. Широкова (пер. с фр. Яз.); науч.-вспом. работа: Е.А. Афанасьева, М.А. Коневская, И.Ю. Кублановский [и др.]. М.: Новалис, 2013. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России, 1914–1917 гг. 1016 с.

⁷ Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации – это систематизированный перечень документов, имеющих особую историческую, научную, культурную ценность и отобранных из состава Архивного фонда Российской Федерации на основании экспертной оценки. Включение документа в Реестр свидетельствует о его выдающемся значении для истории и культуры страны и предполагает особые меры его учета, хранения и использования. Документы, включенные в Реестр, являются национальным достоянием и подлежат постоянному хранению.

1. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещения самовольного отхода с боевых позиций» («Ни шагу назад!»). Подпись-автограф И.В. Сталина⁸.
2. Журнал оперативной записи Главного управления войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии. Журнал содержит записи донесений с пограничных застав, расположенных на западных рубежах СССР и первыми подвергшихся нападению немецко-фашистских войск, а также донесения о положении на приграничных территориях в Средней Азии и Закавказье⁹.
3. Приказ Революционного Военного Совета Республики № 1/1 от 6 сентября 1918 г. «Об учреждении Революционного Военного Совета Республики»¹⁰.
4. Докладная записка заместителя начальника войск НКВД по разведывательной работе подполковника Тарасенко В.А. начальнику Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла Действующей Красной Армии комиссару госбезопасности Леонтьеву А.М. о зверствах немецких захватчиков во временно оккупированных ими районах¹¹.
5. Письмо А.А. Ахматовой И.В. Сталину от 6 апреля 1939 г. по поводу ареста ее сына Л.Н. Гумилева¹².
6. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 308 от 18 сентября 1941 г. «О переименовании 100-й, 127-й, 153-й и 161-й стрелковых дивизий в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии»¹³.
7. Жуков Г.К. «Воспоминания и размышления». Мемуары. Глава XVI из книги. Рукопись. 1965–1969 гг.¹⁴
8. Жуков Г.К. «Воспоминания и размышления». Мемуары. Глава XVII из книги. Рукопись. 1965–1969 гг.¹⁵
9. Оперативные описания боевых действий пограничных отрядов УССР¹⁶.

Также из 7,4 млн единиц хранения в РГВА 93773 документов отнесены к категории «особо ценные».

⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

⁹ Там же. Ф. 32 880. Оп. 5. Д. 7. Л. 1–94.

¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. 32 880. Оп. 4. Д. 456. Л. 20–30.

¹² Там же. Ф. 24 560. Оп. 15. Д. 410. Л. 48.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 110–112.

¹⁴ Там же. Ф. 41 107. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–24.

¹⁵ Там же. Д. 24. Л. 1–25.

¹⁶ Там же. Ф. 32 880. Оп. 5. Д. 279.

Документы, хранящиеся в РГВА, имеют многогранное значение. Они являются не только свидетельством исторических событий, но и важным источником для изучения многочисленных аспектов военной истории:

- фактическая база для исследований: документы представляют собой первоисточники, которые могут помочь воспроизвести исторические события с высокой степенью точности. Они включают в себя директивы, журналы боевых действий и другую оперативную документацию, личные письма и свидетельства участников, которые позволяют исследователям более глубоко понять стратегию и тактику;
- социальный и культурный контекст: архивные материалы содержат информацию о жизни солдат, их обществе и культуре, что дает возможность исследовать влияние войны на повседневную жизнь и социальные изменения;
- анализ военной историографии: документы позволяют критически оценивать существующие научные концепции и переосмысливать исторические описания. Они создают возможность для сравнения между разными эпохами и конфликтами, что выводит исследование на новый уровень [Ковалченко 1987, с. 57–104].

Архивные документы оказывают заметное влияние на развитие военной историографии в России¹⁷. Исследования на основе архивных данных способствуют¹⁸:

обогащению знаний – доступ к уникальным документам дает возможность более точно описывать и анализировать события, выявлять ранее недоступные или малозаметные аспекты;

созданию новых научных направлений – архивные материалы стали основой для исследования новых тем, таких как влияние войны на женщин и детей, а также на тех, кто не принимал участия в боевых действиях, но стал жертвой войны

поддержке мемориальной работы – исследования, основанные на документах РГВА, играют важную роль в процессе сохранения памяти о войне и людских судьбах, формируя обширную картину исторической памяти

В фондах РГВА хранятся редкие и ценные категории документов [Гинатулина 2018], которые имеют огромное значение для изучения военной истории, например, документы личного происхождения представляют собой особую категорию архивных материалов, содержащих сведения о жизни и деятельности отдельных

¹⁷ Козлов В.П. Архивоведение: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 132–169.

¹⁸ Хорхордина Т.И. История архивов и архивного дела в России. М.: Юрайт, 2022. 626 с.

персон, семейств и общественных деятелей. Эти документы включают личные письма, автобиографии, дневники, фотографии, документы о наградах и другие материалы, отражающие как публичную, так и частную жизнь людей. В РГВА можно ознакомиться с документами личного происхождения Генерала-лейтенанта Карбышева Д.М. (ф. 33 312); Представителя РВС СССР и Наркома по военным и морским делам Фрунзе М.В. (ф. 32 392); Маршалов Советского Союза Тухачевского М.Н. (ф. 37 605) и Шапошникова Б.М. (ф. 30 219); Четырежды Героя Маршала Советского Союза Жукова Г.К. (ф. 41 107); партийного и государственного деятеля Кирова С.М. (ф. 40 893); генералов-полковников Штерна Г.М. (ф. 29 747) и Мехлиса Л.З. (ф. 40 884); военных художников и заслуженных деятелей искусств РСФСР участников Отечественной войны Евстигнеева И.В., Цветкова А.Н., Кожина М.В. (ф. 41 130); писателя, члена Союза писателей СССР, участника Великой Отечественной войны Анненкова (Солитермана) Ю.Л. (ф. 41 363) и многих других. Такие фонды содержат биографические документы, воспоминания, документы о служебной деятельности и учебе в военно-учебных заведениях, изобразительные документы, карты, схемы и вещественные источники.

Фонды личного происхождения позволяют исследователям изучать биографии, культурное наследие, социальные и исторические контексты [Князева 2024, с. 108–120; Мягкова 2020, с. 16–25]. Они могут содержать информацию о знаменитых личностях, а также о рядовых гражданах, что делает их важным ресурсом для социологов, историков и культурологов. В архиве часто ведется работа по описанию и каталогизации таких документов, что облегчает доступ к ним для исследовательских целей.

Другие не менее важные категории документов это: личные письма солдат – эти документы раскрывают человеческое измерение войны, показывая эмоции, страхи и надежды тех, кто участвовал в боевых действиях; карты и схемы боевых действий – они иллюстрируют стратегические задумки и планы, что позволяет исследователям детально изучать передвижения войск и изменения в ходе сражений; документы о награждениях – наградные листы и документы, связанные с награждением, показывают, как общество оценивало героизм и подвиги воинов, а также отражают культурные и социальные каноны тех времен; фотографические материалы – уникальные снимки, сделанные во время войны, предоставляют визуальную информацию о событиях и настроениях того времени; документы, касающиеся тыла – данные о трудовой деятельности в тылу и взаимоотношениях между солдатами и гражданским населением, помогают расколоть мифы о героизме и подвиге, показывая реальную жизнь во время войны.

Заключение

Историко-документальное наследие в фондах Российского государственного военного архива является неоценимым ресурсом для будущих исследований военной истории. В архивных документах РГВА раскрывается не только хронология событий и свидетельства о зверствах агрессоров, но и историческая правда, которая должна служить уроком для современности. Например, события, предшествовавшие войне, а также война в Испании¹⁹ и деятельность чешского корпуса, дают представление о тех процессах, которые привели ко Второй мировой войне. К сожалению, события прошлого, повторяются в настоящем: такие страны как Германия, Румыния, Италия, Польша, Украина, Англия, США несут ответственность за искажение истории, игнорирование подвига советских воинов и снос памятников, что в конечном итоге представляет собой предательство памяти миллионов людей.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своих выступлениях так же акцентирует внимание на защите исторической правды о Великой Отечественной войне через использование архивных документов, открытость к диалогу и противодействие фальсификациям, чтобы сохранить память о подвиге советского народа и не допустить переписывания истории²⁰. Поэтому РГВА как важный центр хранения и исследования продолжает служить основой для формирования новой, более полной и комплексной историографии военной истории России.

В стенах РГВА, хранителя исторической памяти, кроется не только бесценный архив, но и самоотверженный коллектив. Многие сотрудники посвятили архивному делу десятилетия: есть те, кто трудится здесь свыше 30–40 лет, а некоторые старожилы отдали архиву более 60 лет своей жизни. Эта преемственность поколений

¹⁹ РККА и Гражданская война в Испании, 1936–1939 гг.: Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА: В 8 т. / редкол.: А.Н. Артизов (пред.) [и др.]; сост.: А.Р. Ефименко, Н.А. Мышков, Н.С. Тархова [и др.]; археографы И.С. Месяц, Н.С. Тархова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1: Сборники № 1–15. 591 с.: ил.

²⁰ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства обороны // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51635> (дата обращения: 16.01.2025); Он же. Выступление на заседании оргкомитета «Победа» // Телеканал «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/20251151526C0ZGo.html?ysclid=m839z5wykh128012223> (дата обращения: 17.01.2025).

архивистов – залог сохранения и передачи исторического знания. Отрадно, что сегодня в архивы приходит и молодежь, готовая перенять эстафету и сберечь правду истории для будущих поколений. Их энтузиазм и преданность делу вселяют уверенность в том, что историческая память будет жить и служить надежным ориентиром в непростом настоящем.

Литература

- Гинатулина 2018 – *Гинатулина О.А.* Аксиологическое измерение документа // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 761–769. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-761-769
- Князева 2024 – *Князева А.А.* Государственное хранилище ценностей РСФСР: обзор фонда в Российском государственном архиве экономики // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 108–120. DOI: 10.28995/ 2658-6541- 2024-6-3-108-120
- Ковальченко 1987 – *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования / Академия наук СССР, Отд-ние истории. М.: Наука, 1987. 441 с.
- Мягкова 2020 – *Мягкова Е.М.* Фонды личного происхождения: этапы истории, опыт работы, краткая историография вопроса // Вестник ВНИИДАД. 2020. № 4. С. 16–25.
- Кузленков 2010 – *Кузленков В.Н.* Российскому государственному военному архиву – 90 лет // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 64–75.

References

- Ginatulina, O.A. (2018), “Axiological measurement of the document”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 761–769.
- Knyazeva, A.A. (2024), “The RSFSR State Repository of Valuables. Review of the fund in the Russian State Archives of Economics”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 108–120.
- Kovalchenko, I.D. (1987), *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research], Nauka, Moscow, USSR.
- Myagkova, E.M. (2020), “Personal archives collections. Stages of history, work experience, brief historiography of the issue”, *Herald of VNIIDAD*, no. 4. pp. 16–25.
- Kuzeleenkov, V.N. (2010), “The 90th anniversary of the Russian State Military Archive”, *Herald of the Archivist*, no. 4. pp. 64–75.

Информация об авторе

Иван М. Перминов, Российский государственный военный архив, Москва, Россия; 125212, Россия, Москва, ул. Адмирала Макарова, д. 29; p3erminov@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0005-0530-8594

Information about the author

Ivan M. Perminov, Russian State Military Archives, Moscow, Russia; 29, Admiral Makarov St., Moscow, Russia, 125212; p3erminov@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0005-0530-8594

УДК 930.253(575.1)

DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-221-233

О кинофотофонодокументах в архивах Узбекистана

Валерий Г. Иофе

*Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека,
Ташкент, Республика Узбекистан, valeriy.iofe@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассказывается об основных этапах истории и становлении аудиовизуальных архивов Узбекистана, начиная с создания и начала работы в 1929 г. фотоотдела Центроархива, а затем – Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Узбекистана (ныне Национальный архив кинофотофонодокументов Узбекистана). Статус Национального архива был присвоен прежнему ЦГА КФФД 20 сентября 2019 г., которому в 2023 г. исполнилось 80 лет. В статье, в частности, кратко рассказывается о создании в 1943 г. Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Узбекистана, его работе (включая период его слияния в 1959–1974 гг. с Центральным государственным архивом Узбекистана и восстановление с 1974 г. как отдельного архива в новом специализированном здании). Характеризуются аудиовизуальные материалы, хранящиеся в Национальном архиве Узбекистана и их характер (включая фонды личного происхождения), а также в некоторых других архивах Узбекистана, прежде всего в ряде областных архивов- Госархиве Ферганской области, Госархиве Ташкентской области, Госархиве Сырдарьинской области, Госархиве Сурхандарьинской области, Госархиве Самаркандской области, Госархиве Наманганской области, Госархиве Навоийской области, Госархиве Джизакской области, Госархиве Бухарской области, Госархиве Андиканской области. В статье также рассматриваются некоторые направления работы Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана в современный период. Отдельно названы некоторые личные фонды кинофотофонодокументов, переданных в архив.

Ключевые слова: фотоотдел, кинодокументы, фотодокументы, фонозаписи(аудиозаписи), ЦГА КФФД РУз. НА КФФДУ, Национальный Архив кинофотофонодокументов Узбекистана, реставрация, специальное здание, выставки, дагерротипы, фотографии, позитивы, негативы, кинофильмы

© Иофе В.Г., 2025

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2025 г.;
принята к публикации 2 июня 2025 г.

Для цитирования: Иофе В.Г. О кинофотофонодокументах в архивах Узбекистана // История и архивы. 2025. Т. 7. № 3. С. 221–233.
DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-221-233

Film, photo and audio documents in the archives of Uzbekistan

Valerii G. Iofe

*M. Ulugbek National University of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan, valeriy.iofe@yandex.ru*

Abstract. The article describes the main stages of the history and formation of the audiovisual archives of Uzbekistan, starting with the creation and commencement of work in 1929 of the Central Archive's photo department, and then the Central State Archives of Ciine-photo-phono Documents of Uzbekistan (now the National Archives of Film, Photo and Audio Documents of Uzbekistan, NA KFFD U). The status of the National Archives was assigned to the former CGA KFFD on September 20, 2019, and in 2023 it celebrated its 80th anniversary. The article, in particular, briefly describes the creation in 1943 of the Central State Archives of Film, Photo and Audio Documents of the Republic of Uzbekistan (CGA KFFD RUz), and shows its work (including the period of its merger in 1959–1974 with the Central State Archives of Uzbekistan and also its later restoration, starting with 1974, as a separate archives in a new specialized building). The paper defines the audiovisual materials kept in the National Archives of Uzbekistan and their nature (covering the funds of personal provenance), as well as those accumulated in some other archives of Uzbekistan. The film and photographic documents, kept in some other archives of Uzbekistan, and, primarily, in a number of regional repositories of the Republic of Uzbekistan, are also touched upon – the audiovisual materials kept in the State Archives of the Ferghana region, the State Archives of the Tashkent region, the State Archives of the Syrdarya region, the State Archives of the Surkhandarya region, the State Archives of the Samarkand region, the State Archives of the Namangan region, the State Archives of the Navoi region, the State Archives of the Jizzakh region, the State Archives of the Bukhara region, the State Archives of the Andijan region. The article also singles out a few areas of work of the National Archives of Film, Photo and Audio Documents of Uzbekistan in the modern period. As well as it specifically names some personal funds of film, photographic and audio documents that were transferred to the Archives.

Keywords: photo department, film documents, photographic documents, phonorecords (audio recordings), CGA KFFD RUz, NA KFFD U, National Archives of Film, Photo and Audio Documents of Uzbekistan, restoration, special building, exhibitions, daguerreotypes, photographs, positives, negatives, movie

The article was submitted for publication 01.04.2025;
accepted for publication 02.06.2025.

For citation: Iofe, V.G. (2025), "Film, photo and audio documents in the archives of Uzbekistan", *History and Archives*, vol. 7, no. 3, pp. 221–233, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-3-221-233

Введение

Уже достаточно давно прогрессивные мыслители понимали ценность архивирования, но хранили документы часто вместе с другими материальными ценностями. В Узбекистане в полной мере только в XX в. сложилась система архивной сети, получившая новый виток развития в постсоветский период.

Как и в архивах всего мира, ярким, наглядным и часто ценным среди материалов, хранящихся в архивах Узбекистана, являются аудиовизуальные источники – кинодокументы, фотографии, аудиозаписи (фонозаписи), кинофильмы или кинофрагменты и т. д.

К сожалению, работ, посвященных описанию и анализу кинофотофонодокументов, хранящихся в архивах Узбекистана, пока немного. Среди них нужно вспомнить первую специальную большую работу, связанную с исследованием кинофотофонодокументов – диссертацию Ф.М. Шамаевой [Шамаева 1975], положившую начало исследованию кинофотофонодокументов в Узбекистане; исследования Н.В. Мандральской [Мандральская 1984; Мандральская 1987], например, о принципах научной классификации кинофотофонодокументов [Мандральская 2010], ряд работ М.С. Исаковой, в том числе вышедшую в 2012 г. монографию М.С. Исаковой [Исакова 2004; Исакова 2010; Исакова 2012; Исакова, Котюкова 2006], где определенное внимание уделено, хотя ее исследование носит общий характер, и кинофотофонодокументам в архивах Узбекистана.

Упоминаются фотодокументы, хранящиеся в фондах архивов Узбекистана, в работах О.Г. Пуговкиной¹, В.Г. Иофе [Иофе 2005;

¹ Пуговкина О.Г. История Туркестанского края в материалах в материалах личного фонда Заслуженного педагога Узбекистана Н.П. Архангельского // Просвещение – православие – Восток: Сб. материалов / под ред. Ю.С. Флыгина и др. Ташкент, 2011. С. 39–44.

Иофе 2012; Иофе 2014] и др. Кроме фотоотделов в национальных и областных архивах Узбекистана, фотодокументы присутствуют нередко в личных фондах, например, в крупном фонде академика Р.Р. Шредера².

Основная часть

Современная система кинофотоархивов Узбекистана нашла развернутое отражение в ряде указов и постановлениях Президента Республики Узбекистан, в том числе в указе и постановлении от 20 сентября 2019 г.³ Вопросы хранения и использования кинофотофонодокументов часто находят свое отражение и в периодической печати Узбекистана⁴.

До конца XIX – начала XX в., видимо, единственным опубликованным систематизированным собранием фотодокументов в Туркестане был созданный в шести томах «Туркестанский альбом» (сохранилось лишь 3 экземпляра этого интересного и относительно систематизированного собрания фотодокументов – в Национальной библиотеке Республики Узбекистан им. Алишера Навои, в Российской государственной библиотеке в Москве и в Библиотеке Конгресса США.

В Туркестане еще в конце XIX – начале XX в. в городах существовали относительно многочисленные коммерческие фотоателье. Большую роль в создании фотографии в Туркестане сыграл С.М. Прокудин-Горский. Некоторые аспекты, связанные с использованием фотодокументов Туркестана, нашли отражение в ряде работ В.В. Фетисова, особенно в книге «Устроители Туркестана»

² НАУз фонд Р-2284 (личный фонд Р.Р. Шредера). Он имеет одну опись и 1114 единицы хранения. Опись имеет восемь разделов, крайние даты фонда 1893–1944 гг.

³ Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах посовершенствованию архивного дела и делопроизводства в Республике Узбекистан // Правительственный портал Республики Узбекистан. URL: LEX.UZ/RU/DOCS/4523388; https://buxgalter.uz/ru/doc?id=600291_ukaz_presidenta_respubliki_uzbekistan_ot_20_09_2019 (дата обращения: 27.12.2024); Постановление Президента Республики Узбекистан «О совершенствовании деятельности агентства “Узархив”» / Правительственный портал Республики Узбекистан. URL: <https://uza.uz/ru/posts/o-sovershenstvovanii-deyatelnosti-agentstva-uzarkhiv-respubl-20-09-2019-> (дата обращения: 27.12.2024).

⁴ «История невозможна без архива». URL: gazeta.uz/ru/2023/11/15/national-archive-of-photo... (дата обращения: 11.06.2024).

[Фетисов 2023]. Однако каких-либо фотоархивов долгое время не было...

В 1920-е гг. в системе архивов Туркестанской федеративной советской республики (позднее Туркестанской АССР), затем в архивах Узбекистана откладываются фотодокументы, возникает фото (кинофото) отдел в рамках Цуарделя (Центрального управления архивным делом Туркестанской республики, позднее УзССР), а затем ЦАУ (Центральное архивное управление) Узбекистана. Им придавали большое значение уже первые руководители архивным делом в Туркестане (Д.И. Нечкин, В.Н. Кучербаев и др.). Первоначально в основном это были фотоматериалы.

Число фотодокументов (а в 1930-е гг. уже и фоно- и кинодокументов) становилось все больше, и к 1935 г. фотоматериалов собралось настолько много, что появилась необходимость создания специального фотоотдела при тогдашнем Центральном государственном архиве Октябрьской революции (первые попытки относятся к 1929 г., но фактически фотоотдел стал организованно функционировать с начала 1930-х гг.). Так как сохранение фото-, кино- и звуковых данных требовало особых условий хранения, в 1941 г. было принято решение о создании спецархива, а 18 февраля 1943 г., несмотря на сложные условия военного времени, в Ташкенте открылся Центральный государственный кинофотофонодокументархив УзССР (ЦГА КФФД УзССР). Первоначально в нем работало всего пять человек, потом семь. Это название надолго закрепилось за архивом, просуществовавшим до 1959 г. Чуть позже после объединения двух центральных архивов Узбекистана – ЦГИА и ЦГАОР Узбекистана в 1958 г. – ЦГА КФФД вошел в единый Центральный государственный архив Узбекистана на правах отдела. Практика, однако, показала нецелесообразность этого объединения (кроме самой специфики работы с кинофотофонодокументами, их хранения и использования, в кинофотофонодокументархиве ЦГА был и очень маленький штат). В итоге в 1973–1974 гг. произошло восстановление ЦГА КФФД как самостоятельного центрального архива (при этом с размещением в новом, специально построенном здании, с помещениями для всех подразделений архива, хранилищами всех видов кинофотофонодокументов, кинозалом и т. д.) [Иофе 2005]. Таким образом, с 1974 г. ЦГА КФФД Узбекской ССР вновь действует как самостоятельный отдельный архив (название Центральный государственный архив сохранялось и позднее – до 20 сентября 2019 г., когда архив получил статус Национального).

Позднее, уже в постсоветский период – период независимости – к прежнему зданию ЦГА КФФД Республики Узбекистан было пристроено и новое большое новое здание. Кроме специализированного центрального архива аудиовизуальных документов,

фотоматериалы хранятся и в других национальных архивах Узбекистана – в Национальном архиве Узбекистана, Национальном архиве научно-технической и медицинской документации Узбекистана, в Центральном государственном архиве г. Ташкента. Много их в областных архивах республики. Так, фотодокументы имеются в таких архивах Узбекистана, как Государственный архив Ферганской области, Государственный архив Ташкентской области, Государственный архив Сырдарьинской области, Государственный архив Сурхандарьинской области, Государственный архив Самаркандской области, Государственный архив Наманганской области, Государственный архив Навоийской области, Государственный архив Джизакской области, Государственный архив Бухарской области, Государственный архив Андижанской области и др.; в том числе в некоторых районных архивах. Среди фотодокументов одного из крупных государственных областных архивов – Государственного архива Ферганской области – много фотографий с видами построенных промышленных и торговых организаций, школ, больниц, организаций культуры, объектов социального и бытового назначения, гидротехнических сооружений. Многие фотографии в архиве ветеранов, передовиков производства, а также деятелей литературы и искусства. В Государственном архиве Хорезмской области, Сырдарьинской области фотографии отражают развитие промышленности и строительство промышленных предприятий, освоение целинных земель, проведение сельскохозяйственных работ, строительство городов, каналов, открытие школ, памятников, кинотеатров.

Богатые собрания фотоматериалов хранятся в одном из ведущих областных архивов Узбекистана – Государственном архиве Самаркандской области и в целом в архивах Самаркандской области. Среди них – виды архитектурных исторических памятников (в том числе мечеть Биби-Ханым, комплекс Шахи-Зинда, медресе Улугбека, мечеть Ходжи Ахрара, Гур-Эмир и другие. Есть фотографии работы ликбеза при фабрике Худжум, археологических раскопки др.).

В материалах государственных архивов Наманганской области много фотоматериалов, посвященных земельно-водной реформе; благоустройству Намангана, истории культуры и др. Фотодокументы Государственного архива Навоийской области отражают промышленное развитие г. Навои, архитектуру города. Фотодокументы Государственного архива Каракалпакской области и Государственного архива Андижанской области позволяют наглядно представить важные этапы развития экономики и культуры. Фотодокументы Государственного архива Джизакской области отражают события 20-х гг. XX в., например, проведение субботника

железнодорожной станции Джизак (1926 г.), фото работников культуры и здравоохранения г. Джизака, ветеранов войны с фашизмом.

Богат фотоматериалами Государственный архив Бухарской области, отражающими визиты в Бухару государственных и политических деятелей, работу курсов ликбеза, организацию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны; строительство газопровода Бухара-Урал (1965 г.); Аму-Бухарского канала (1966 г.); Навоийской ГРЭС (1065 г.). Есть здесь много фотографий работников народного хозяйства, деятелей культуры и искусства, здравоохранения. (в их числе – композитора Мухтара Ашрафи, Ф.С. Актобирова, А.М. Махмудова, М.А. Баширова, Н.К. Канеева, С.М. Масловского, К.А. Фукса и др., а также мастеров резьбы по дереву иганчу, золотошвеек и др.) В Государственном архиве Бухарской области – фото архитектурных памятников Бухары, среди них – фотографии минарета Калян (Минор Калон); медресе Мир-Араб; Чор-Минор, мавзолея Исмаила Самани (Саманидов); летней резиденции бухарского эмира Ситораи-Мохи Хоса, зимнего дворца бухарского эмира-Арк и др.

Много фотодокументов отложилось постепенно и в филиалах ЦГА Республики Каракалпакстан и областных госархивов, которые стали в современный период именоваться государственными районными (межрайонными, городскими) архивами.

Основной массив аудиовизуальных источников находится, прежде всего, в Национальном архиве КФФД У (НА КФФД Уз, ранее ЦГА РУз), где хранятся фотодокументы, начиная с первых дагерротипов, фонозаписи, кинодокументы. Они показывают строительство железнодорожных мостов, оросительных каналов, работу на маслобойных и кожевенных заводах, кустарного производства ковров, процесс добычи угля и др.; пахоту земли при помощи примитивного деревянного омача и т. д.

Фотодокументы также отражают национально-освободительное движение в крае, систему управления Туркестаном в составе Российской империи, деятельность местных властей и судебных органов конца XIX – начала XX в. В архиве имеются материалы из истории международных связей, быта и религии Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Среди фотодокументов конца XIX – начала XXв. – здания вокзалов, Ташкентской железной дороги, торговли, базаров (Андижан, Новая Бухара-Каган и пр.). Целый ряд фотодокументов отражает систему просвещения и здравоохранения в Туркестанском крае, деятельность ученых; работу Туркестанской изыскательской комиссии, позднее – раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде, а также «способы»

лечения больных табибами (знахарями); выступления уличных музыкантов. Многие фотодокументы освещают образование Туркестанской АССР (первоначально Туркестанской Советской Федеративной Республики), Бухарской и Хорезмской народных советских республик; есть о т. н. национально-государственном размежевании, деятельности ЦИК республик Средней Азии, министерств (наркоматов) и других ведомств местных и центральных органов власти. Многие события нашли отражение и в киноматериалах, хранящихся в архиве.

Ряд кинофотодокументов отражает историю профсоюзов и других общественных организаций, движения «Худжум», рассказывает о жизни Узбекистана в годы войны с фашизмом; о митингах трудящихся, проводах добровольцев на фронт; отправке на фронт подарков, сборе денег в помощь фронту, о боевых подвигах узбекистанцев. Кинофотодокументы отражают развитие отраслей народного хозяйства Узбекистана в послевоенные годы, транспорта и связи; сельского хозяйства (в т. ч. освоении целинных и залежных земель).

Фонодокументы – это прежде всего хроникально-документальные записи выступлений, интервью общественных и политических деятелей Узбекистана и зарубежных стран, деятелей науки, литературы и народного хозяйства. Одновременно в НА ФФД Уз хранятся звукозаписи литературных произведений в исполнении авторов, отрывки из спектаклей, выступления певцов, народных исполнителей, музыкальных коллективов Узбекистана.

Особо надо сказать о коллекциях фотодокументов личного происхождения. Среди них – личная коллекция фотодокументов одной из основательниц Туркестанского гос. университета (Турк-ГУ, позднее Среднеазиатский государственный университет, Ташкентский государственный университет, ныне Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека) члена-корреспондента Академии наук Узбекистана профессора-биолога И.А. Райковой; известного журналиста, автора книги «Ташкентские мальчишки» Л.М. Бережных; фотокорреспондента многих центральных газет и журналов М.З. Пенсона; известного в Узбекистане фотографа, многолетнего заведующего фотолабораторией ТашГУ (ныне НУУз им. М. Улугбека) М.Я. Розенкранца; ирригатора Узбекистана П.М. Кильдюшева; старейшего работника Ташкентского трамвайно-троллейбусного управления С.А. Юсупова, ветерана спорта Узбекистана Л. Иванова, фоторепортеров И.И. Панова, А.П. Штейнберга, Е. Ряпасова⁵.

⁵ Иофе В.Г. Республика Узбекистан: история и организация архивного дела // Всеобщая история архивов: Учебник. Ч. 3. М., 2024. С. 317.

В НА КФФД Уз работают отделы, связанные с методической работой, использованием кинофотофонодокументов, направлениями работы и видами хранящихся материалов (дагерротипы, позитивы и негативы фотографий, а ныне и материалы цифровой фотографии; документальные и научно-популярные кинофильмы и кинофрагменты и другие видео материалы; фонозаписи событий истории Узбекистана, выступлений государственных деятелей, науки и культуры и т. д.).

НА КФФД Уз регулярно организует выставки кинофотофонодокументов, в том числе по истории архивов Узбекистана в период в войны с фашизмом, тематические выставки, выставки редких и особо ценных материалов и др.

Так, например, в личном фонде знаменитого селекционера академика Р.Р.Шредера есть небольшой, но интересный комплекс фотодокументов, рассказывающий о жизни и деятельности знаменитого ученого [Иофе, Хасанова, Ильина 2015]. Большая работа в архивах ведется по восстановлению кинофотофонодокументов, и их обработке. Ныне в архиве работают современные системы хранения и реставрации кинофотофономатериалов (так же, как и в соответствующих подразделениях НА Уз, НА НТ и МД Уз и др.). В национальных архивах действует единая система информации об имеющихся материалах и т. д.

В НА КФФД Уз собрано свыше 300 тысяч фотографий, фильмов и аудиоматериалов, документирующих историю Узбекистана и Центральной Азии в целом.

Сегодня в фонды НА КФФД Уз входят документальные фильмы, киножурналы, художественные и документальные звукозаписи, фотографии, отражающие политическую, экономическую, научную и культурную жизнь Туркестанского края и особенно Узбекистана. Документы хранятся на оригинальных носителях: кинопленке, стекле, магнитной ленте, грампластинках.

В юбилейной книге к 80-летию архива уточняется, что есть три пути, по которым пополняются архивы. Первый – когда организации и ведомства по плану передают документы на государственное хранение. Физические и юридические лица также могут сами передавать на хранение документы. Это второй путь. Третий путь – комплектование по инициативе архивистов.

Специальная комиссия проводит экспертизу ценности всех поступающих документов. В случае, если кинопленка повреждена, ее восстанавливают в специальных увлажнительных камерах, которые называются гидростатами. Сохранение пленки и фотографий требует особых условий хранения. В комнатах должна соблюдаться температура, которая не разрушит оригиналы. Сотрудники ежедневно измеряют и контролируют температуру и влажность

воздуха. Работают они в белых халатах и перчатках. Фотодокументы архива состоят из негативов на стекле (дагерротипы) и пленке, позитивов на фотобумаге, диапозитивов (слайдов), фотоальбомов и цифровых фотографий. Они хранятся в специальных ящиках в вертикальном положении. Каждый негатив укладывается отдельно в изготовленный из кальки конверт, позитив – в специальную коробку, цифровые фотодокументы хранятся на дисках и сервере. В НА КФФД Узбекистана проведена большая работа по оцифровке фотопластиночек, хранящихся в музеях Узбекистана (в том числе в Государственном Музее истории Узбекистана, Государственном краеведческом музее Республики Каракалпакстан, Хивинском государственном музее-заповеднике «Иchan Қala», в мемориальном дом-музее знаменитой танцовщицы, народной артистки Союза и Узбекистана Тамары Ханум в Ташкенте, в Бухарском государственном мемориальном музее-заповеднике) создана электронная архивная база.

В конце 2023 г. в новом Доме кино Национальный архив кинофотофонодокументов отметил 80-летие (ныне «Дом кино» переименован во «Дворец национального киноискусства Узбекистана» в соответствии с постановлением президента «О мерах по дальнейшему развитию сферы кинематографии и созданию цикла фильмов, посвященных истории страны» (№ 209 от 05.06.2024 г.),

На праздновании 80-летия Национального архива кинофотофонодокументов, директор Агентства «Узархив» Улугбек Юсупов отметил, что историю невозможно представить без архива⁶.

К юбилею НА КФФД У был снят документальный фильм «Мгновение вечности» режиссера Али Хамраева о прошлом и настоящем архива.

Заключение

Национальный архив КФФД РУз – единственный в Республике Узбекистан и крупнейший во всей Центральной Азии специализированный архив аудиовизуальных документов. Именно в нем собрана богатая коллекция уникальных документов, отражающих

⁶ Юсупов У. История Национального архива кинофотофонодокументов Узбекистана // Взгляд в прошлое. 2023. № 2. С. 189–194; Закирова Д. Деятельность Центрального государственного архива кинофотофонодокументов в эпоху развития цифровых технологий. URL: <https://einfolib.uz/post/deyatelnost-sentralnogo-gosudarstvennogo-archiva-kinofotonodokumentov-v-epohu-razvitiya-sifrovyyh-tehnologij> (дата обращения: 05.03.2025).

историю Узбекистана и Туркестана с 60-х годов XIX в. до наших дней. Таким образом, кинофонодокументы в архивах Узбекистана – важная и ценная часть их фондов.

Литература

- Иофе 2014 – *Иофе В.Г.* История архивного дела в Средней Азии, Узбекистане и основные архивы современного Узбекистана // Идя по жизни: люди, история, знания: Сб. исследований. Саарбрюккен, 2014. С. 238–335.
- Иофе 2005 – *Иофе В.Г.* Центральному государственному архиву кинофонодокументов Узбекистана 30 лет // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 133–134.
- Иофе 2012 – *Иофе В.Г.* У архивистов Узбекистана // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 126–127.
- Иофе, Хасанова, Ильина 2015 – *Иофе В.Г., Хасанова О.У., Ильина А.О.* Р.Р. Шредер – выдающийся ученый-селекционер / Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 2015. № 1. С. 317–327.
- Исакова 2010 – *Исакова М.С.* Специфика и методы источниковедческого анализа кинофонодокументов // Вопросы источниковедения истории Узбекистана / под ред. Д.А. Алимовой, Д.Х. Зияевой. Ташкент, 2010. С.103–117.
- Исакова 2012 – *Исакова М.С.* Становление и развитие архивного дела в Узбекистане. Ташкент, 2012. 204 с.
- Исакова 2004 – *Исакова М.С.* История Центрального государственного архива кинофотодокументов и его деятельность по созданию фондов истории культуры Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2004. 30 с.
- Исакова, Котюкова 2006 – *Исакова М.С., Котюкова Т.В.* Аудиовизуальный архив Узбекистана: история и современность // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 213–221.
- Мандральская 1984 – *Мандральская Н.В.* Использование кинофонодокументов в лекции. Ташкент, 1984. 39 с. (Лекторское мастерство; № 3)
- Мандральская 1987 – *Мандральская Н.В.* Запечатленные образы войны (фото- и фономатериалы об Узбекистане в годы Великой Отечественной войны). Ташкент, 1987. 220 с.
- Мандральская 2010 – *Мандральская Н.В.* Принципы научной классификации в определении методики источниковедческого анализа кинофонодокументов // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 255–269.
- Фетисов 2023 – *Фетисов В.В.* Устроители Туркестана. Челябинск: Авто Граф, 2023. 591 с.
- Шамаева 1975 – *Шамаева Ф.М.* Кинофотодокументы как источники истории КПСС: на материалах Узбекистана: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1975. 193 с.

References

- Fetisov, V.V. (2023), *Ustroiteli Turkestana* [Founders of Turkestan], Avto Graf, Chelyabinsk, Russia.
- Iofe, V.G. (2005), "The Central State Archives of Film, and Photo and Audio Documents of Uzbekistan celebrates its 30th anniversary", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 133–134.
- Iofe, V.G. (2012), "What is going on within the Uzbekistan archival community", *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 126–127.
- Iofe, V.G. (2014), "History of archives administration in Central Asia, Uzbekistan and the leading archives of present-day Uzbekistan", in *Idya po zhizni: lyudi, istoriya, znaniya: Sbornik issledovanii* [Going along the life pathway. People, history, knowledge. Collected studies], Saarbrucken, Germany, pp. 238–335.
- Iofe, V.G., Khasanova, O.U. and Il'ina, A.O. (2015), "R.R. Schröeder – an outstanding scholar-breed", *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev* [International association of researchers of the history and culture of Russian-Germans Annual], Moscow, Russia, no. 1, pp. 317–327.
- Isakova, M.S. (2004), *Istoriya Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva kinofotodokumentov i ego deyatel'nost' po sozdaniyu fondov istorii kul'tury Uzbekistana* [History of the Central State Archives of Film, and Photo and Audio Documents and its activity in creating the funds on the history of culture of Uzbekistan], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Tashkent, Republic of Uzbekistan.
- Isakova, M.S. (2010), "Specifics and methods of source analysis of film, photo and audio documents", in Alimova, D.A. and Ziyaeva, D.H., eds., *Voprosy istochnikovedeniya istorii Uzbekistana* [Source issues of the history of Uzbekistan], Tashkent, Republic of Uzbekistan, pp. 103–117.
- Isakova, M.S. (2012), *Stanovlenie i razvitiye arkhivnogo dela v Uzbekistane* [Establishment and development of archives administration in Uzbekistan], Tashkent, Republic of Uzbekistan.
- Isakova, M.S. and Kotyukova, T.V. (2006), "Audiovisual archives of Uzbekistan. History and modernity", *Herald of an Archivist*, no. 2–3, pp. 213–221.
- Mandralskaya, N.V. (1984), *Ispol'zovanie kinofotofondokumentov v lektsii* [Use of film, photo and audio documents in a lecture], Tashkent, USSR. (*Lektorskoe masterstvo*, no. 3)
- Mandralskaya, N.V. (1987), *Zapechatlennye obrazy voiny (foto- i fonoistochniki ob Uzbekistane v gody Velikoi Otechestvennoi voiny)* [Captured images of war (Photo and audio sources about Uzbekistan during the Great Patriotic War)], Tashkent, USSR.
- Mandralskaya, N.V. (2010), "Principles of scientific classification in determining the methodology of source analysis of a film-photo-audio document", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 255–269.

Shamaeva, F.M. (1975), *Kinofotodokumenty kak istochniki istorii KPSS: na materialakh Uzbekistana* [Film and photo documents as sources of the history of the CPSU. Based on the materials of Uzbekistan], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Tashkent, USSR .

Информация об авторе

Валерий Г. Иофе, доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан; 100174, Республика Узбекистан, Ташкент, ул. Университетская, д. 4; valeriy.iofe@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-8112-4844

Information about the author

Valerii G. Iofe, Dr. of Sci. (History), M. Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan; 4, Universitetskaya St., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100174; valeriy.iofe@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-8112-4844

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ
Том 7
3 • 2025

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 11.09.2025
Выход в свет 18.09.2025
Формат 60×90¹/16
Уч.-изд. л. 12,9. Усл. печ. л. 14,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2226

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuuh.ru